

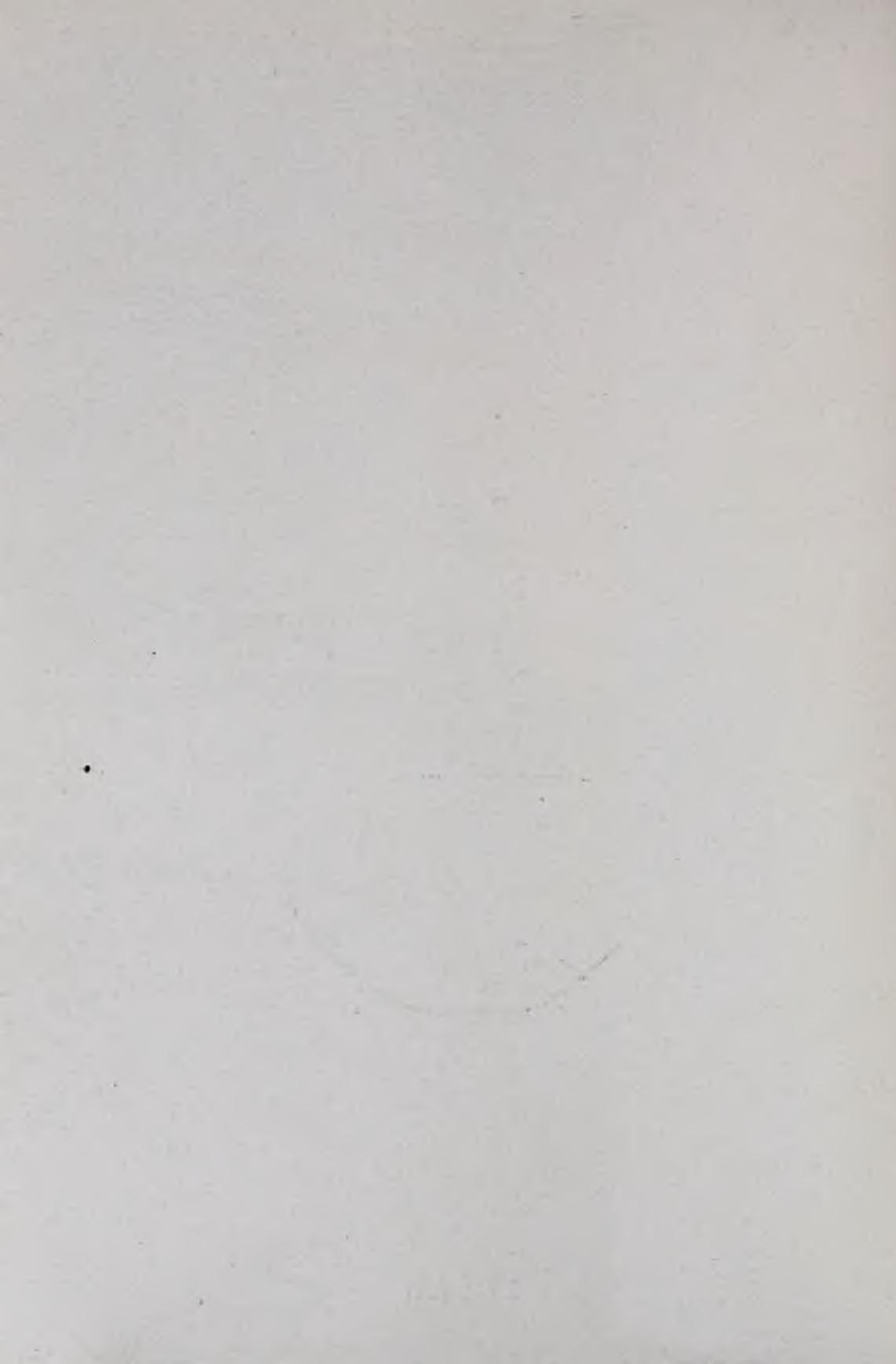
Л. А. Петросян

РАСКОПКИ
ПАМЯТНИКОВ
КЕТИ И ВОСКЕАСКА

(III - I ТЫС. ДО. Н. Э.)

ЕРЕВАН

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 21

Լ. Ա. ՊԵՏՐՈՍՅԱՆ

ՔԵԹԻԻ ԵՎ ՈՍԿԵՀԱՍԿԻ ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐԻ
ՊԵՂՈՒՄՆԵՐԸ

(Մ. Թ. Ա. III—I ՀԱԶ.)

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 21

Л. А. ПЕТРОСЯН

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ
КЕТИ И ВОСКЕАСКА

(III—I ТЫС. ДО Н. Э.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1989

2

Р II
602404

Печатается по решению ученого совета Института
археологии и этнографии АН Армянской ССР

Ответственный редактор доктор исторических наук *С. А. Есаян*

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
кандидаты исторических наук *С. Г. Деведжян, О. С. Хикикян*

Петросян Л. А.

П 311 Раскопки памятников Кети и Воскеаска (III—I тыс. до н. э.) /Отв. ред. С. А. Есаян.—Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1989. — 125 с., 27 л. рис. — (Археол. раскопки в Армении /АН АрмССР. Ин-т археологии и этнографии; 21).

В работе приводится обширный археологический материал, исследуются погребальный обряд и основные формы хозяйства древних поселений. Новые данные позволяют уточнить датировку этапов исторического развития региона. Исследование проводится на фоне анализа синхронных памятников Ширака и сопредельных областей.

Книга рассчитана на археологов и историков.

П $\frac{65070000000}{703(02)-89}$ 37—89

ББК 63.4(2Ар)

ВВЕДЕНИЕ

Ширакское плато расположено в северо-западной части АрмССР, по берегам реки Ахурян, между вулканом Арагац и Ширакским и Памбакским горными хребтами. На севере оно переходит в возвышенность Ашоцк (233, с. 319—321). Протяженность Ширакского плато 25—30 км, ширина 18—20 км (42, с. 97). Расположенное на высоте приблизительно 1530 м над уровнем моря, Ширакское плато с севера ограничено Ширакскими складчатыми горами, образованными древнеосадочными породами и верхнеплиоценовыми четвертичными вулканическими отложениями (42, с. 322—333), крутые южные склоны которых сильно разрушены. Плато заполнено озерными и речными наносами четвертичного периода, а также вулканическими лавами и туфовыми скоплениями. В формировании современного рельефа Ширакского плато активную роль играет река Ахурян с притоками, берущая начало из оз. Арпа. Прорезая лавовые слои Базумского и Ширакского хребтов, река Ахурян от Ленинакана течет на юг по Ширакской долине, вбирая в себя воды реки Карс и впадает в реку Аракс (II, с. 50).

Климат Ширака умеренный, в год выпадает 660—710 мм атмосферных осадков. Здесь распространены в основном малоазийские, кавказские и в небольшом количестве иранские виды флоры и фауны (233, с. 320).

В древнейших антропогенных слоях в озерных и речных наносах под вулканическими лавами или среди них, а также в поселениях и могильниках более позднего времени в больших количествах обнаружены кости ископаемых животных, среди которых особое место занимают слон (*Elephas armeniacus*), пещерный медведь (*Spelearctos Rosen*), первобытная лошадь (*Equus Stenonis*), бизон (*Bison bonasus*), олень (*Cervus elaphus*), бык (*Bos primigenius Voj*) и т. д.

Природно-климатические условия и географическое положение Ширакской долины с древнейших времен благоприятствовали поселению здесь человека. Несколькими горными проходами и дорогами эта область была соединена с соседними странами и культурными центрами. Наиболее ранние письменные упоминания о древних дорогах Ширака восходят ко времени Ванского царства (Урарту) (26, с. 189—205). Письменные источники, относящиеся к эллинистическому и последующим периодам, также свидетельствуют о прохождении через территорию Ширака международных торговых путей и связях Ширака с соседними областями (144, 145, 146).

А. А. Мартиросян, подвергнув глубокому и всестороннему исследованию вопросы, связанные с торговыми путями, проходящими через Армению, и процессами торговли и обмена в конце II—начале I тыс. до н. э., пришел к убедительному выводу, что упомянутая в урарт-

ских письменных источниках страна Эрпахи являлась одним из важнейших центров взаимосвязи культур Большого и Малого Кавказа (148, с. 95—96). О существовании активных связей между соседними культурными ареалами и этническими группами свидетельствуют и материалы из археологических памятников Ширака III—I тыс. до н. э. (155, с. 24—25, 254).

В результате строительных работ, случайных находок и археологических исследований в Шираке открыто большое число памятников, относящихся к разным стадиям развития человеческого общества. Памятники эпохи бронзы и железа в основном подробно рассмотрены Т. С. Хачатряном (254, с. 7—29). Во избежание повторения, мы лишь вкратце упомянем наиболее важные археологические памятники, останавливаясь подробнее на новооткрытых.

Первым, подвергнутому исследованию, памятником Ширака была «Могила война», обнаруженная полковником Проскурняковым в 1875 г. близ г. Ленинакана. Часть материала, найденного здесь, была опубликована Филимоновым в 1876 г. Полное научное исследование всего комплекса проведено А. А. Мартиросяном, который, выделив характерные формы и виды изделий и сопоставив их с материалами эпохи поздней бронзы и раннего железа, датировал погребение XII—XI вв. до н. э. (155, с. 113—114). Т. С. Хачатрян, также датировавший его XII—XI вв. до н. э., особое внимание обратил на строение могилы в описании полковника Проскурнякова. Исходя из этих кратких сведений, он справедливо предполагает, что «Могила война» представляла собой катакомбное сооружение (254, с. 18—19).

Открытие следующего памятника древней эпохи в Шираке принадлежит академику Н. Я. Марру, обнаружившему в 1895 г. в окрестностях Ани погребение III—II тыс. до н. э. с характерной для этой эпохи чернолощеной керамикой с резным орнаментом (147, табл. 7, рис. 8, 192, с. 36).

Одними из наиболее интересных памятников древней культуры исторического Ширака являются циклопические крепости, которые еще недостаточно исследованы. Определенную научную ценность имеют первые попытки их изучения, предпринятые Атрипетом в 1884 г. В своей работе «Циклопические крепости Ширака» он в общих чертах, не рассматривая предметы материальной культуры, без хронологических и стратиграфических наблюдений описывает несколько десятков крепостей (29, с. 165—171).

В 1914 г. к этому вопросу обращается Т. Тораманян, в отличие от предшественников положивший в основу своей работы архитектурную планировку и строительную технику. Анализируя их особенности, а также вопросы общей хронологии, он относит их к определенной эпохе (225, с. 17—40). Проделанная Т. Тораманяном работа послужила основанием для дальнейшего изучения архитектурной планировки циклопических крепостей, установления традиционных связей. Особого внимания заслуживает работа А. Аджана, Л. Гюзальяна и Б. Пиотровского (10, с. 61—64), обследовавших в 1930 г. несколько крепостей, расположенных на северных и северо-западных склонах Арагаца и выявивших ряд закономерностей в их сооружении. Они установили зависимость между местом возведения крепости и ее планировкой, системой фортификации, выбором строительного материала и спосо-

гом его применения. Беря за основу систематизации циклопических крепостей и поселений архитектурно-строительный принцип в совокупности с анализом собранной из них керамики, авторы подразделили крепости I тыс. до н. э. на три группы (10, с. 63).

В 1934 г. А. Калантар, исследуя обнаруженное около Ленинанканского мясокомбината поселение, предпринял попытку сопоставить материалы поселений и расположенных около них погребений и выявить связи между ними (102, с. 166—168). Обнаруженный А. Калантаром материал был всесторонне рассмотрен А. А. Мартиросяном (148, с. 87—97). Отделив местные изделия от привозных, он определил очаги их производства, пути распространения и ареалы бытования. В 1952 г. А. Мартиросяном были предприняты новые раскопки, в результате которых были открыты несколько прямоугольных в плане жилищ из необработанного камня и 14 погребений в каменных ящиках (149, с. 106—116). Сопоставив материал из поселений и погребений, А. Мартиросян датировал их периодом распространения железа—VIII—VI вв. до н. э. (149, с. 109). Кроме того, им были выделены еще две группы погребений—XIII—X и VII—VI вв. до н. э. (149, с. 114—115).

В 1971 г. во время строительных работ на вышеупомянутом могильном поле было обнаружено еще несколько захоронений. Два из них обследованы нами. Найденный здесь материал (серолощенные кубшины, миски, бронзовые фибулы) относится ко второму периоду бытования могильника и также датируется VII—VI вв. до н. э.¹

Исследование первобытной истории и культуры древних жителей Ширакской долины получило новый импульс в 1960-х гг. в связи с началом систематических раскопок древнего Артика, проводимых Т. С. Хачатряном. Добытый здесь богатый, разнообразный и важный материал из 130 катакомбных погребений был подразделен исследователем на две группы (253, с. 44—138). В дальнейшем число раскопанных погребений было доведено до 640, что создало условия для более дробного их членения на три хронологические группы, соответствующие двум периодам эпохи поздней бронзы и эпохе раннего железа.

В изучении культуры Ширака эпох бронзы и раннего железа особо важное значение имеют результаты последующих раскопок могильника и поселения Арича (254).

640 катакомб, обнаруженных в Артике и поселении Арича III—II тыс. до н. э. с некрополем того же времени дали богатый археологический материал, позволяющий исследователю с научной достоверностью показать как особенности локальной культуры Ширакской долины, так и ее общность с переднеазиатскими культурами (254).

Необходимо упомянуть также статью К. К. Кафадаряна «Заметки по урартской фортификации» (105, с. 156—162), где рассматриваются крепости и укрепления Армении различных эпох с III по I тыс. до н. э., причем особое внимание уделяется циклопическим крепостям Ширака. Автор показал типологические и планировочные особенности этих крепостей, их общность с урартскими, переднеазиатскими и малоазиатскими укреплениями.

¹ Материалы хранятся в Музее истории Ширака.

В 1977—1981 гг. сотрудниками Института археологии и этнографии АН АрмССР Р. М. Торсяном, О. С. Хннкияном и нами проведены обследования поселений и могильников III—I тыс. до н. э. в долине р. Ахурян. Интересный материал получен из поселения, расположенного близ исторического Ширакавана, на окраине одноименного села Анийского района АрмССР, на левом берегу р. Ахурян. Археологический памятник площадью более 40 га включает в себя сельское поселение на склонах холма и крепость с некрополем на его вершине. Этот обширный памятник имеет культурный слой мощностью от 0,5 до 5 м, включающий в себя многочисленные строительные пласты с богатым археологическим материалом, накопившимся с III до I тыс. до н. э.

В культурных слоях III тыс. до н. э. открыты прямоугольные в плане жилые постройки с каменными стенами, возведенные на искусственно выровненных площадках по склонам холма. Площадь помещений достигает 60 м². Стены, сохранившиеся на высоту 45—60 см, сложены из рваного туфа, кладка однорядная. Изнутри помещения обмазаны толстым слоем глины. В одной из построек вдоль северной стены на высоте 30 см от уровня пола сооружена приступка шириной около 60 см. Вдоль западной стены устроена скамья. В средней части помещения в полу имеется культовый «плоский очаг», вокруг которого обнаружены фрагменты глиняных скульптур баранов, изделия, использовавшиеся при отправлении ритуальных церемоний, подставки и фрагменты керамических сосудов. В различных частях помещения обнаружены скопления фрагментов крупных керамических сосудов, зернотерок, пряслиц, что свидетельствует о функциональном подразделении жилища, возможно, принадлежавшего большой семье, на специальные части. В других помещениях открыты очаги хозяйственного назначения, устроенные в вырытых в полах ямах. Рядом с жилищами имеются специальные хозяйственные постройки и ямы различного хозяйственного назначения. Кроме того, в большом количестве обнаружены фрагменты разнообразных керамических сосудов с чернолощенной или серебристой поверхностью; на некоторых имеется выпуклый или рельефно вдавленный орнамент и полушаровидные ручки. Согласно предварительным результатам слой датируется второй половиной III тыс. до н. э.

Следующие этапы развития жизни ширакаванского поселения прослеживаются по культурным напластованиям II—I тыс. до н. э.

К эпохе средней бронзы относятся остатки строений, перекрывающих слои раннебронзового периода и отдельные жилые помещения на склонах холма. Жилища этого периода характеризуются неправильно прямоугольной планировкой. Мощность культурного слоя этого времени неравномерна в различных частях поселения. Внутри жилых помещений раскрыты ямы и очаги хозяйственного назначения различных размеров. В большом количестве обнаружены фрагменты разнообразных керамических сосудов с характерной для эпохи средней бронзы чернолощенной поверхностью и точечной орнаментацией, расписных сосудов и простой кухонной посуды, а также орудия труда, изготовленные из камня и кости.

В различных частях памятника открыты прямоугольные в плане жилые помещения, относящиеся к эпохе раннего железа. Обнаружен-

ный в них археологический материал имеет прямые аналоги в многочисленных памятниках Армении этой эпохи.

В восточной части поселения открыт участок, где обнаружены скальные изображения, искусственно выровненные скальные площадки и выбитые в скале сооружения. По-видимому, здесь располагался культовый центр; расчищены также большие и маленькие залы, расположенные на различных горизонтальных уровнях, отдельные строения с овальными и прямоугольными ваннами, выдолбленными в выступах скал, овальные углубления для установки скульптур идолов и ямы различного хозяйственного назначения. В скалах и по краям ванночек проделаны сквозные отверстия, по-видимому, для привязывания жертвенных животных и укрепления драпировки. Обнаруженный здесь материал производственного характера, скопление в разных углах жилища орудий труда, литейная форма для плоского топорика, металлургические и силикатные шлаки служат свидетельством существования в поселении металлообрабатывающей мастерской. Одним из важных звеньев при рассмотрении культур ширакаванского памятника является крепость, на территории которой открыты оборонительные стены, датируемые IX—IV вв. до н. э., и трехкомнатных жилых помещений из камня, относящихся к VI—V вв. до н. э.

Древний некрополь ширакаванского памятника расположен в его восточной и юго-восточной частях. Каждый из этих участков занимает около 20 га. Здесь раскопано более 120 грунтовых захоронений и погребений в каменных ящиках, относящихся как к эпохе средней и поздней бронзы, так и к периоду раннего железа и времени его широкого распространения.

Найденный в погребениях богатый материал (керамика, оружие, различные предметы культового назначения и др.) отражает высокий уровень материальной, культурной и духовной жизни древних обитателей Ширака.

В долине реки Ахурян, в восточной окрестности села Джрапп, в 1978 г. членами Ахурянской археологической экспедиции А. О. Мнацаканяном и Л. Н. Биаговым раскопаны погребения в каменных ящиках, которые, судя по обнаруженному в них материалу, относятся к началу I тыс. до н. э.

Еще одно древнее погребальное поле находится в 1 км к северу от поселка Нор Джрапп, у нового кладбища. Вышеупомянутыми членами Ахурянской археологической экспедиции здесь были открыты и подвергнуты предварительному изучению несколько полуразрушенных и нетронутых погребений, которые выделялись на дневной поверхности невысокими холмиками из мелких камней и насыпной земли. Погребальные камеры для одного покойника сложены из камней и перекрыты каменными плитами различного размера. Материал, обнаруженный в погребениях, в основном состоит из простых керамических сосудов с серой и черной поверхностью, плечики которых украшены семечковидным орнаментом или вдавленными поясками. Сравнительный анализ найденного материала позволил отнести погребения к X—VIII вв. до н. э.

В 1981—1985 гг. Р. С. Бадалян предпринял раскопки поселения Карнут на востоке Ширакской котловины. Поселение расположено на нижнем участке западного и южного склонов возвышенности и зани-

мает территорию площадью 4—6 га. Работами установлено, что поселение—однослойное, целиком относится к эпохе ранней бронзы. Мощность культурного слоя в зависимости от крутизны склонов и условий залегания была различна, колеблясь в пределах 0,6—0,8 м. местами достигая 1,1 м.

В ходе раскопок на поселении выявлены архитектурные остатки, представленные двумя типами. К первому относится свободно стоящее однокомнатное прямоугольное сооружение площадью 28 м². Второй тип постройки представляет собой комплекс из трех помещений прямоугольной формы (каждое площадью от 3 до 9 м²), имеющих изолированные входы.

Раскопки Карнутакого поселения дали богатый материал, включающий керамику, каменные орудия труда, атрибуты бронзолитейного производства. Анализ массового материала позволил автору раскопок датировать памятник второй половиной III тыс. до н. э. (29а).

Таким образом, как показали археологические работы последних лет, обнаружение и исследование каждого нового памятника в Шираке способствует лучшему пониманию его истории и культуры.

С этой точки зрения весьма актуальны археологические исследования обнаруженных недавно памятников Кети и Воскеаск, проводимые автором в течение последних 10 лет. В ходе работ раскопано 53 погребения, относящихся к различным этапам эпохи бронзы и железа, изучены бытовые памятники—поселения III тыс. до н. э. и циклопическая крепость начала I тыс. до н. э. Полученные материалы легли в основу настоящей работы.

ГЛАВА I

ПОСЕЛЕНИЯ И ЦИКЛОПИЧЕСКАЯ КРЕПОСТЬ

Ширакская долина уже в III тыс. до н. э. являлась одним из густонаселенных районов древней Армении. Многочисленные памятники, густой сетью расположенные по берегам небольших рек и у родников (рис. 1) и относящиеся к начальным этапам истории этого края, указывают на бурный процесс развития. Интересная группа памятников III тыс. до н. э. обнаружена в Ахурянском районе.

В 1969—1979 гг. здесь нами были проведены раскопки и исследования поселений близ сел Кети (Кракари-Сар, Горнер, Сгнахнер) и Воскеаск.

Поселение Кракари Сар находится на восточной окраине села Кети, занимая подошву и склоны одноименной горы. В настоящее время эта территория превращена в пахотные земли, и прослеживаются лишь небольшие участки поселения в виде развалин строений с однорядной кладкой каменных стен. Общая площадь поселения составляет примерно 4 га, однако вследствие сельскохозяйственных работ не было возможности выявить особенности его планировки.

Для уточнения датировки поселения и изучения стратиграфии залегания культурных слоев на его территории в различных участках были заложены разведочные шурфы (2×4 м), доходящие на глубине 0,6—0,9 м до материкового слоя. В результате этих раскопок найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов, к сожалению, небольших размеров, что затрудняет их четкую типологизацию, и каменные орудия труда—ладьевидная зернотерка, ступка и пестик и неправильной формы кремневые отщепы. Обнаружена также черпощенная керамика с подкладкой розового цвета и черепком неравномерной толщины. На керамике полностью отсутствует рельефно выпуклый или вдавленный орнамент, характерный для керамики последних веков III тыс. до н. э. Это обстоятельство, как и исследование всего материала, позволяет предположить, что поселение Кракари Сар существовало в первой половине III тыс. до н. э.

Исследование материалов из погребений могильника поселения, расположенного западнее жилой территории, как будет видно ниже, подтвердило эту датировку.

Поселение Горнер расположено на ровной площадке рядом с ущельем южнее селения Кети. Здесь также на не тронутых земляными работами участках до сегодняшнего дня видны остатки прямоугольных в плане жилищ с однорядной кладкой каменных стен. Тщательное обследование обоих поселений и прилегающих к ним территорий показало, что они лишены оборонительных сооружений. Природные

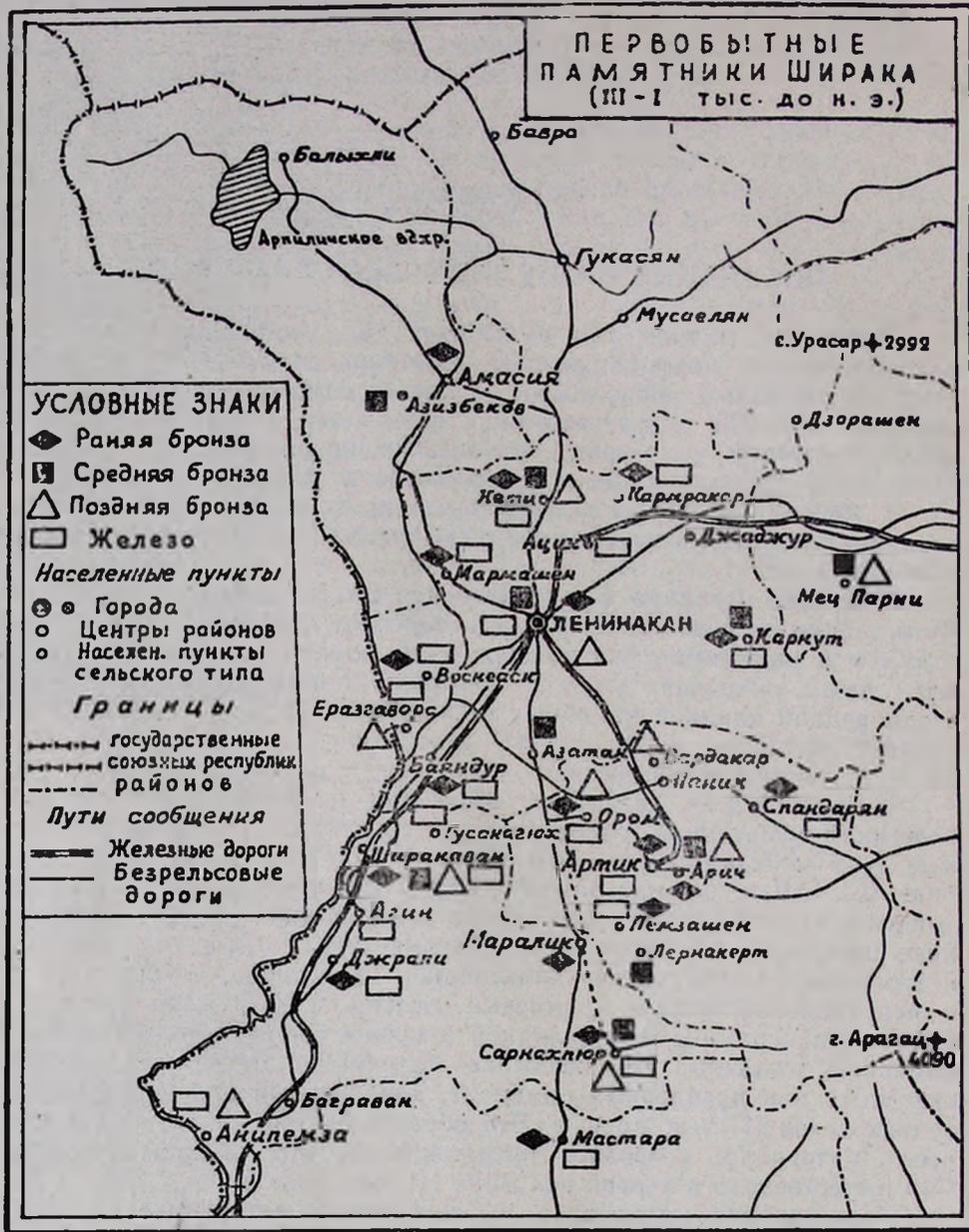

Рис. 1. Первобытние памятники Ширака III-I тыс. до н. э.

особенности рельефа также не использовались в оборонительных целях. Все это позволяет утверждать, что они были незащищенными открытыми поселениями.

Судя по хорошо прослеживаемому на поверхности подъемному материалу и остаткам сооружений поселение Горнер занимало пло-

шадь около 3 га. Все образцы собранной на его территории керамики чернолощеные, с розовой или серой подкладкой, без какой-либо орнаментации. В значительном количестве найдены каменные орудия. Восточнее поселения Горнер обнаружен некрополь. Из раскопанных здесь нами трех каменных ящиков два сооружены из скальных плит больших размеров, а одно—из более мелких камней. Материал некрополя относится к началу III тыс. до н. э.

Поселение Сгнахнер расположено в двух километрах северо-западнее с. Кети, на северо-восточном склоне и у подошвы одноименной горы. Поселение площадью около 5 га имеет очертания вытянутого прямоугольника. С запада и востока оно защищено глубокими ущельями. С северной и северо-восточной сторон прослежены остатки мощной подпорной стены толщиной 2,5 м, облицованной снаружи большими камнями толщиной 0,6 м. Основную массу подпорной стены составляют более мелкие камни. На территории поселения бьет множество родников, которые полностью могли обеспечивать жителей поселения водой. На территории поселения и в его окрестностях выявлена древняя оросительная система, включающая в себя многочисленные родники и водоемы. На поверхности земли хорошо прослеживаются развалины отстоящих друг от друга на 7—10 м прямоугольных жилищ. Нами были предприняты раскопки двух отдельных строений.

Помещение № 1 площадью 36 м² находится в нижней части южного склона холма, на искусственно выровненной площадке. Стены сложены из скальных необработанных глыб без фундамента (рис. 2). Пол образован из мелких камней и фрагментов керамики, обмазанных белой глиной. Тянувшаяся с СЗ на ЮВ стена, установленная на материковом грунте, сильно разрушена, и ее устройство определить невозможно. Над полом сохранился культурный слой мощностью 0,6 м, содержащий многочисленные фрагменты каменных орудий и чернолощеной керамики.

Помещение № 2 находится в 7 м западнее первого (рис. 3). Внешние стены жилища сооружены точно так же, как и в предыдущем помещении. Длина северо-западной стены 5,1 м, юго-восточной—5,2 м, а восточной и западной—по 7 м. Площадь помещений 36,5 м. Перегородочными стенками оно было разделено на несколько комнат, хозяйственных или жилых, с различным уровнем залегания полов. Комната № 1 площадью 5,6 м² расположена в северо-западной части жилища. Под глинобитным полом прослеживается материковый грунт. В центральной его части имеется заполненный золой хозяйственный очаг в виде квадратной ямы, выложенной мелкими камнями, аналогичный очагам из памятников III тыс. до н. э. в Ариче (254, с. 34), Ширакаване и Ампранис-Гора (132, с. 64). В значительном количестве найдены фрагменты разных сосудов—карасов, чаш, мисок, каменные орудия, кости крупного и мелкого рогатого скота, оленя и собаки². У восточной стены обнаружен туфовый подпятник. Возможно, комната соединялась дверным проемом с другой комнатой, однако плохая сохранность стен не дала возможности уточнить размеры проема.

² Материалы из Кети хранятся в МИИШ.

Восточнее первой комнаты расположена вторая, также имеющая площадь 5,6 м². При расчистке глинобитного пола обнаружено большое количество керамических фрагментов и орудий труда из камня; а у северо-западной стены—большое скопление золы, фрагменты леп-

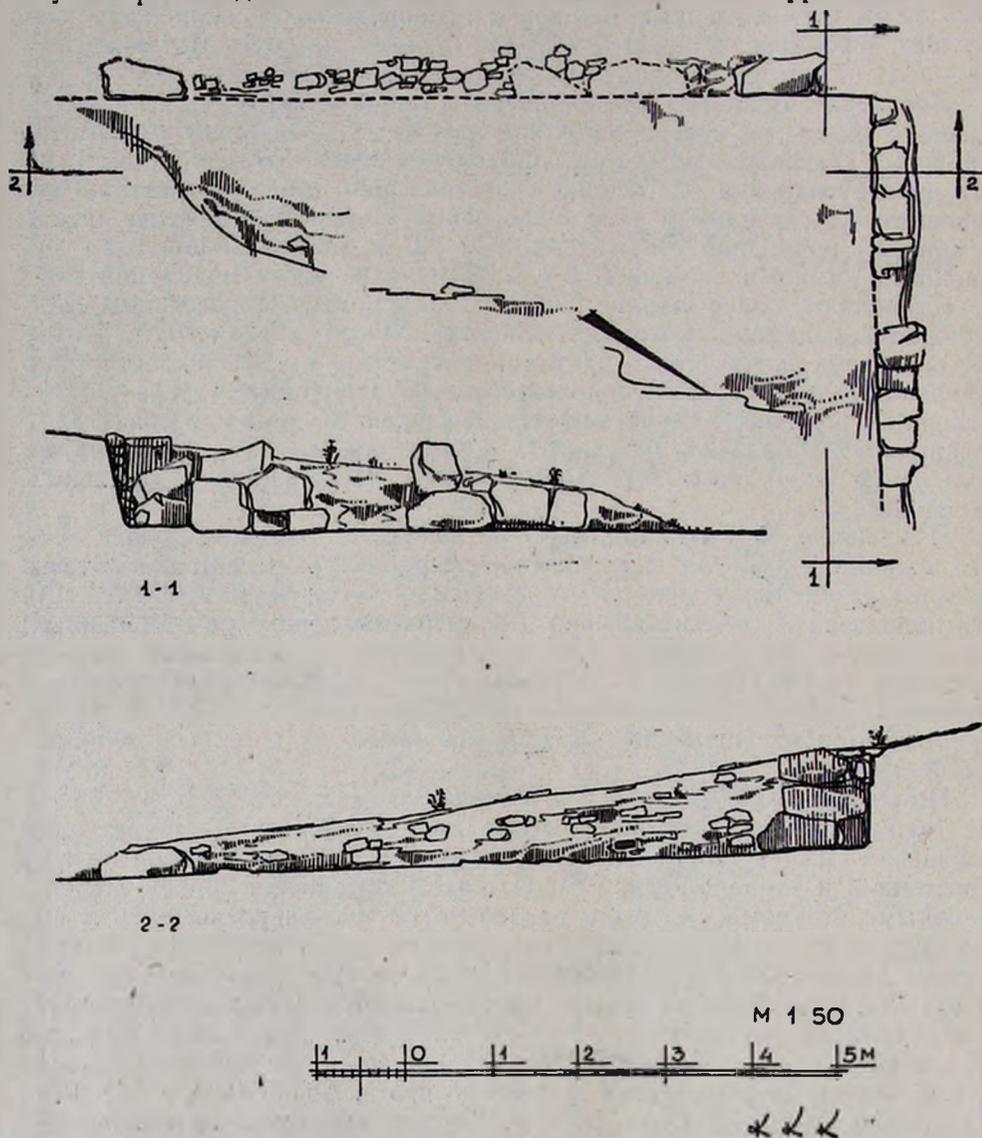

Рис. 2. План и разрез помещения № 1 поселения Сгнахнер.

ных глиняных зооморфных фигурок и подставка в форме усеченного конуса. В центре комнаты открыта каменная скамья, изготовленная из двух плит,—первая находка такого рода в памятниках Армении III тыс. до н. э. Около нее найдена зернотерка с сохранившимися верхним и нижним камнями.

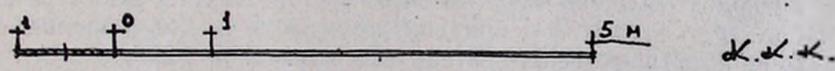
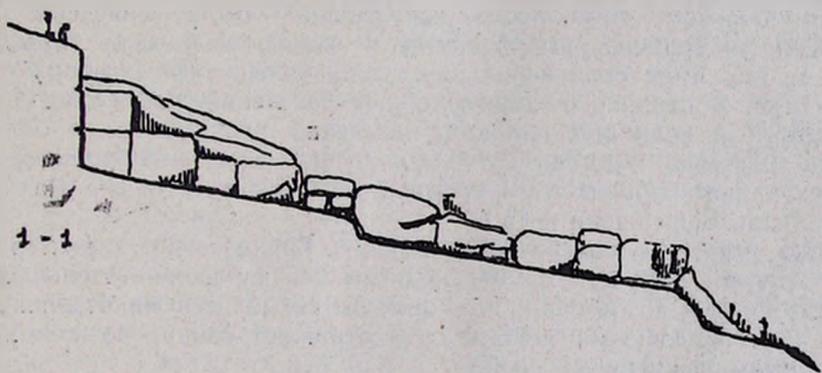
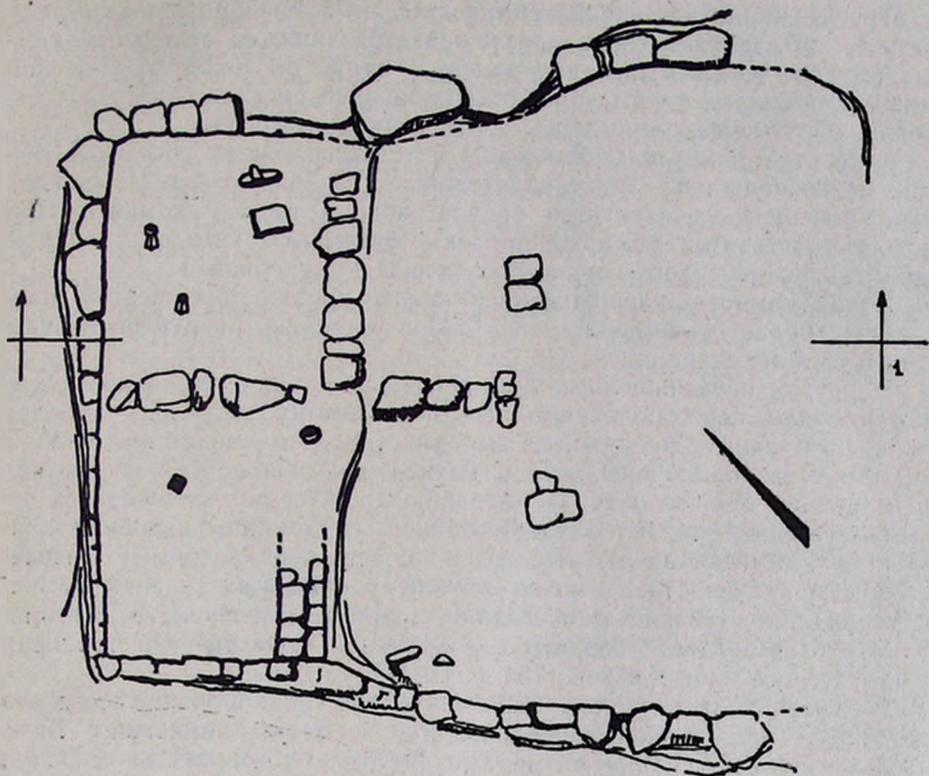

Рис. 3. План и разрез помещения № 2 поселения Сгнахнер.

Третья комната расположена южнее первой. Она занимала площадь в 3 м². Южная стена прослеживается лишь по отдельным камням кладки. Глинобитный пол залегает на 30 см ниже пола первой комнаты и покрыт слоем золы толщиной в 20 см. Здесь найдены несколько фрагментов зернотерок и керамических сосудов.

Четвертая комната площадью 4,5 м² расположена восточнее третьей. Ее южная стена также прослеживается лишь по отдельным камням. Уровень пола идентичен уровню пола в третьей комнате. При расчистке четвертой комнаты найдены фрагменты каменных орудий, керамических сосудов и остеологический материал.

Пятая комната, расположенная южнее третьей и четвертой, имеет самую большую площадь—18 м². Пол ее сильно разрушен, и культурный слой не сохранился.

В других нерасчищенных комплексах поселения также прослеживаются следы перегородочных стен, по-видимому, деливших помещения на различные функциональные участки. Это свидетельствует о том, что в жилищах поселения Сгнахнер, как и в других поселениях эпохи ранней бронзы обитали члены большой семьи, являющейся основной единицей родоплеменной общины. В Армении подобная планировка в памятниках III тыс. до н. э. встречается впервые. Разделение помещения на отдельные по функциональному назначению комнаты засвидетельствовано в поселении доурартского времени Кармир-Бура, что позволяет говорить о сохранении этой древней традиции на протяжении многих веков (154, с. 7—17).

Интересная особенность архитектурной планировки поселения прослежена на участке, расположенном восточнее помещения № 2. Здесь открыта площадка размерами 7×7 м, сложенная из туфовых плит толщиной 1 м. Вероятно, она служила двориком для стоявшего рядом дома, с которым соединялась дверью.

Таким образом, дома поселения Сгнахнер были возведены на искусственных террасах, вырубленных в скальном массиве горы, и каждый из них имел свой небольшой выложенный туфом дворик открытого типа. В отличие от многослойных поселений, расположенных в предгорных и долинных районах, поселения Кети занимали более обширную площадь и имели один культурный слой, что характерно и для других памятников этого времени (Гарни, Косп-Котер, Шахлама 2 и 3, Озни, Бешташени и др.).

Однако если для поселений Шенгавит, Гарни и др. характерно жилище круглой формы с примыкающими к нему вспомогательными постройками, то в Кети обширные помещения делятся на отдельные комнаты перегородочными стенами, что отражает социально-экономический уровень развития жителей.

Традиции сооружения отдельных хозяйственно-жилых комплексов восходит к эпохе неолита-энеолита. В Техуте открыты стоящие поодаль друг от друга небольшие круглые в плане строения, без каких-либо пристроек вспомогательного характера (228, с. 41).

По характеру социально-экономического уклада и по архитектурным особенностям поселения региона Кети III тыс. до н. э. являются типичными не только для синхронных памятников Армении, но и для целого ряда памятников соседних с Армянской стран. Они аналогичны

Аричу (254, с. 35, 37), Карниту (29а), Ширавану³, Элару (246, с. 9), Коси-Чотеру (242, с. 152—164), Тагаворанисту (242, с. 27) и Амиранис-Гора, (269, с. 94—103). Все эти поселения, будучи расположены в предгорных и горных областях, сооружены на искусственно выровненных площадках и имеют прямоугольную планировку помещений.

Поселения Кети по прямоугольной планировке жилищ близки и к таким памятникам третьего тысячелетия, как Лчашен (178, с. 95—96), Шахлама 2 (80, табл. 8), Караз (288, с. 349—413), Геледжик-Тепе в долине Малаты (288, с. 349—413), Блур (289, с. 103—104) и Бешташени (119, с. 108—109). Однако памятники этой группы сооружены не на террасах, а на естественных (Лчашен, Бешташени, Шахлама 2) холмах. Памятники горного типа известны и на Северном Кавказе. Из них наиболее типичны поселения Каякенд, Луговая и Великенд (182, с. 31—46).

Раскопки Кети выявили разнообразный археологический материал, состоящий из керамических изделий и каменных орудий.

Каменная индустрия. Каменные изделия изготовлены из местного базальта, речной гальки, обсидиана и кремния. Они применялись при сельскохозяйственных работах, для деревообработки, обработки кожи и т. п. (197, с. 502).

Земледельческие орудия. В эту группу входят орудия для обработки земли, сбора злаков и орудия труда, связанные с переработкой сельскохозяйственных продуктов.

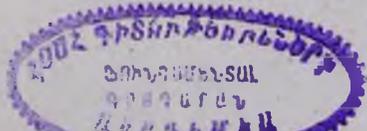
Для обработки земли пользовались мотыгами. Мотыга из речной гальки обнаружена в поселении Сгнахнер, в жилище № 1 (табл. 1, рис. 1). Широкая рабочая часть заострена односторонними сколами. Верхняя часть более узкая и тупая. Мотыга имеет в длину 21 см, в ширину 8 см, вес—1 кг.

Другая мотыга, найденная в поселении Горнер, в его западной части, изготовлена из местного твердого песчаника с выровненной поверхностью; со всех сторон обработана мелкими сколами, что придает ей форму узкого клинка. Длина 19,5 см, ширина у рабочей части 4 см, вес 0,6 кг.

Рассмотрение археологического материала и данные этнографических наблюдений позволяют уверенно говорить об употреблении при использовании мотыг деревянных рукояток коленообразно изогнутой формы (139, с. 123—125). Существовало два способа крепления каменной мотыги к рукоятке; а) камень вставлялся в расщепленный изогнутый выступ ручки и обвязывался; б) камень привязывался к изогнутому выступу руки таким образом, чтобы верхний нерабочий конец мотыги упирался в место изгиба руки.

Судя по форме найденных мотыг, оба образца закреплялись к ручкам вторым способом. Они пока не имеют аналогий из синхронных

³ Раскопки Р. М. Торосяна, О. С. Хикикяна и Л. А. Петросяна. Материал не опубликован. Во избежание повторов при дальнейшем рассмотрении материалов фамилии археологов не будут упомянуты.

памятников Армении, однако сходные с ними изделия обнаружены в памятниках неолитического и энеолитического времен Армении и Азербайджана. По форме и способу обработки близки к нашим образцам мотыги из поселения энеолитического времени Верин Хатунарх (227, с. 245, рис. 1), Сев Блур, Маштоци Блур (216, с. 18, рис. 1, 2) и из памятников северо-восточной Армении (264, с. 293, табл. 2).

Мотыги из камня имели широкое распространение в Передней Азии (Хассунская культура), на Иранском плоскогорье и в Средней Азии (Джейтунская культура) в период распространения раннеземледельческой культуры (227, с. 244).

Типологически общи с нашими образцами мотыги из приморских памятников Западного Кавказа (219, с. 148, рис. 16, 33, с. 115).

При сборе злаков пользовались составными серпами. Нами найдено шесть вкладышей составных серпов сегментовидной, клювовидной или прямоугольной формы, изготовленных из кремня и обсидиана. На рабочую часть их лезвия нанесены мелкие зубцы (табл. 2, рис. 1—6). Вкладыши 2, 4, 6 помещались в конечной части составного серпа, а № № 1 и 5—в центральной.

Распространение составных серпов связано с появлением оседлого земледелия и скотоводства, вышедших на арену истории в эпоху неолитической революции. У наиболее древних вкладышей обработка лишь одна рабочая часть. Вкладыши с зубчатой кромкой лезвия появились в конце IV тыс. до н. э. и получили широкое распространение в III тыс. до н. э. Они известны из Арпча (254, с. 45, рис. 10), Шенгавита (216, табл. XLVII), Элара (242, с. 35), Шахламы (80, с. 4, табл. 10), Шому-Тепе (168, с. 282—288), Баба-Дервиша (96, с. 8, рис. 4—8), Мшгечаура (27, табл. 3) и др.

Для переработки зерна и других продуктов сельского хозяйства пользовались каменными зернотерками, ступками, терочницами. Шесть зернотерок ладьевидной формы, изготовленных из пористого базальта, обнаружено в поселении Сгнахнер (табл. 3, рис. 1). Размеры 4 из них 30×15 см, двух— 56×35 . Крупные камни представляют собой нижнюю часть зернотерки, а меньший—верхнюю. Большое число зернотерок найдено в памятниках Ширака III тыс. до н. э.—в Арпче, Ширикаване, Воскеаске, Карноте, Ороме и др. Они имели широкое распространение и в других районах Армении и Закавказья, в том числе в Шенгавите (216, с. 173), Шреш-Блуре (200, с. 173), Малаклю (21, табл. XIX), Эларе (246, табл. X), Джагацатехе (80, с. 20, табл. 6), Бешташени (119, с. 126), Кюль-Тепе (2, с. 10, табл. 11), Баба-Дервише (98, с. 70, табл. XXI) и др. Для получения круп использовались ступы неправильной шарообразной формы из крупнопористого базальта, найденные на территории памятника Кракарн Сар. Углубления, выдолбленные в базальте, имеют различную глубину и диаметр (табл. 3, рис. 2, 3). Аналогичные ступы обнаружены в Арпче (254, с. 48, рис. 12), Шенгавите, Шреш-Блуре, в нижнем слое Ахтамира (Воскеваза) (242, с. 37) и в других местах. Песты грушевидной формы, изготовленные из гальки, обнаружены нами в жилищах поселения Сгнахнер (табл. 4, рис. 2, 3) и имеют аналоги в памятниках Шенгавит, Шреш-Блур, Элар, Гарни, Коси-Чотер (242) и Джагацатех (80, с. 20, табл. 7).

Найденные вместе с пестами терочки в форме неправильного круга, также изготовленные из гальки (табл. 4, рис. 4, 5), встречаются во всех памятниках раннебронзового времени.

Большую группу составляют скребки (табл. 5), подразделяющиеся на два типа. Первый представлен изделиями из речной гальки удлиненной формы. Одна сторона имеет форму полуокружности или части прямоугольника, другой придана форма узкого лезвия путем односторонней обработки (табл. 5, рис. 1, 2).

Скребки второго типа, также изготовленные из речной гальки, имеют неправильную дисковидную форму. Центральная часть несколько выпуклая, а концы узкие и тонкие. Края местами обработаны односторонними или двусторонними сколами (табл. 5, рис. 3—5). По-видимому, скребки этого типа использовались при обработке кожи⁴.

Из сколов или отщепов обсидиана изготовлены два орудия длиной 2—3 см, имеющие вытянутую прямоугольную форму, обработанные с двух сторон сечения, которые могли использоваться в деревообработке, обработке кожи и других областях хозяйства. Аналогий им из других памятников эпохи ранней бронзы нам пока не известно, но их широкое бытование засвидетельствовано в слоях V—IV тыс. до н. э. памятника Верин Хатунарх⁵. Обнаружение описанных предметов в памятниках региона Кети свидетельствует о сохранении в эпоху ранней бронзы древних традиций.

В коллекции каменных изделий памятников Кети имеются проколки из обсидиана длиной 2,5—3,5 см (табл. 2, рис. 9—12). Их рабочая часть обработана односторонней или двусторонней ретушью. Они также служат доказательством сохранения древних традиций каменной индустрии. Многочисленные аналогии к описанным проколкам обнаружены в Шому-Тепе, Тойре-Тепе, Баба-Дервише 1 (132, с. 35, рис. 10) и Тулин-Тепе (274, с. 127—129) в неолитических слоях. В памятниках эпохи ранней бронзы они единичны. Эти орудия также могли использоваться при обработке кожи или деревообработке.

Оружие представлено наконечниками дротиков и стрел. Наконечники дротиков (табл. 6, 7) в раннебронзовый период встречаются довольно редко. Они изготовлены из камней андезито—базальтовых пород и подразделяются на три вида. Первый включает образцы с небольшим выступом в нижней части. Одна сторона наконечника плоская, другая по краям обработана сколами так, что срединная часть несколько выступает; это придает изделию в сечении треугольную форму. Подобные дротики известны из Квацхелеби (132, с. 74, рис. 26). Наконечники второго вида имеют треугольное острие, прямые боковые стороны и расширяющийся выступ в нижней части (табл. 6, рис. 6, 1—4; табл. 7, рис. 1, 3—5). У некоторых образцов выступы отсутствуют. Все дротики с двух сторон обработаны сколами и в сечении имеют ромбовидную форму. Только один из образцов этой группы частично обработан ретушью и имеет треугольное сечение (табл. 6, рис. 1).

⁴ Трассологический анализ каменных орудий Кети сделан в лаборатории Ленинградского отделения Института археологии С. Щелинским.

⁵ Раскопки Р. М. Торосьяна. Материалы не опубликованы.

Дротники этого вида по форме и способу обработки близки к наконечникам дротиков неолитического времени из Маштоци-Блур и меньшим по размеру наконечникам стрел с череновыми выступами III тыс. до н. э. (216, с. 146, рис. 1, 4). Они имеют сходство и с наконечниками стрел из памятника Тетрампа (109, с. 263—264), который Р. М. Мунчаев относит к энеолитическому времени (184, с. 133—134). Оружие такого типа найдено также и в памятниках раннего этапа ранней бронзы в Грузии в поселении Нижней Гоми (125, с. 129—130, табл. 41) и в погребении № 34 в Самшвилде (169, табл. 40). Близки к рассматриваемым образцам кремневые наконечники бесчереновых стрел из памятника III тыс. до н. э. Сержень-Юрта в Чечено-Ингушетии (184, с. 139, рис. 75).

Третий вид дротиков представлен фрагментарно (табл. 7, рис. 6—9). От одного образца сохранились небольшой черенок, обработанный мелкой наклонной ретушью, и наконечник, обработанный горизонтально направленной ретушью (табл. 7, рис. 8). К сожалению, из-за износа не представляется возможным установить его форму.

В отличие от предыдущих видов дротики этого типа не имеют расширяющегося черенового выступа. Они близки к дротикам из неолитического памятника Маштоци-Блур (216, с. 146) и находкам из вешер Самеле-Клде и Самерцхле-Клде, датированным временем перехода от неолита к энеолиту (132, с. 47). Следует отметить, что фрагмент дротика из второго помещения постройки № 2 памятника Кети был найден вместе с мелкими неправильной формы отщепами андезито-базальта, что может свидетельствовать о его местном изготовлении (табл. 7, рис. 2).

Наконечники стрел изготовлены из отщепов обсидиана треугольной формы, которые обрабатывали мелкой ретушью (табл. 2, рис. 13, 14). Первый образец представляет собой грубо обработанный треугольный камень, по-видимому, являющийся заготовкой для изготовления наконечника. Нам кажется, что аналогичные предметы, обнаруженные в Мингечауре, которые авторами публикации рассматриваются как завершенные наконечники, также являются заготовками (27, табл. 9, рис. 41).

Другой образец имеет миндалевидную форму, овальное сечение и четырехугольную выемку в нижней части для крепления к древку. Наконечники этого вида, появившись в III тыс. до н. э., получают широкое распространение на обширных территориях и с незначительными изменениями бытуют вплоть до I тыс. до н. э. Подобное оружие найдено в значительном количестве в таких памятниках III тыс. до н. э. как Эчмиадзинский Кюль-Тепе (200, рис. 2), Гарни, Джраратский могильник (242, с. 42), Шахлама 2 (80, с. 29, табл. 15), Степанакерт (47, с. 19, рис. 8) и др.

Среди каменных орудий коллекции Кети имеется и молот с прекрасно обработанной поверхностью и закругленными краями (табл. 8, рис. 2). В верхней части сделано горизонтально углубление для крепления деревянной ручки. Однотипные изделия известны из материалов памятников Армении III тыс. до н. э. Кохб, Шрещ-Блур, Звартноц, Армавир (242, с. 47, рис. 48), Шенгавит, Эчмиадзин (216, с. 46, рис. 5), а также Нахичеванского Кюль-Тепе (6, с. 160, рис. 3) и др.

Лошिला (табл. 4, рис. 3, 6, 7) подразделяются на два типа. Пер-

ый тип представляют изделия, изготовленные из речной гальки и имеющие неправильные округлые очертания. Лощила второго типа изготовлены из вулканических шлаков и имеют коническую форму. Лощила обоих типов, использовавшиеся в основном в керамическом производстве для обработки поверхности сосудов, обнаружены в большом количестве во всех синхронных памятниках Армении.

В Кети обнаружен также прекрасный топор⁶ с полированной поверхностью, клинообразной рабочей и округлой тыльной частью (табл. 8, рис. 1), который неоднократно привлекал внимание специалистов. Подобные орудия известны из с. Мармашен (Ганлиджа) Ахурянского района, Эчмиадзина, Айгестана (31, с. 206—208, рис. 1—4). По-видимому они служили прототипами для появившихся в этот период металлических топоров такой же формы.

Каменные обушние топоры найдены также в Грузии в Хизанаант-Гора, в Северной Осетии, на Северном Кавказе в погребении № 9 у селения Новый Ахштир, в Лука-Врублевцевкой и других памятниках. Однако все они несколько отличаются от топоров из Армении, которые типологически более близки к образцам из регионов Древнего Востока III тыс. до н. э., начиная с Трои 2 вплоть до Алишара. Подобный топор обнаружен и в Палестине. По мнению Р. Амирая, он аналогичен топорам Анатолии и более восточных областей и является привозным (242, с. 51).

Таким образом, в Кети в эпоху ранней бронзы, несмотря на наличие предметов из бронзы, в том числе и орудий труда, так же, как и в других памятниках, в различных областях хозяйства продолжают широко использоваться орудия труда и оружие, изготовленные из камня⁷.

Среди обнаруженных в Кети каменных изделий особенно большой интерес вызывает найденная в жилище № 1 поселения Сгнахер небольшая статуэтка идола высотой 15,5 см. Поверхность ее обработана плохо. По-видимому, это сильно стилизованная человеческая фигура. Голова отделена от туловища прерывистой линией, детали туловища не переданы. Голова и туловище имеют неправильные округлые формы (рис. 4). Аналогичный сильно стилизованный идол найден в поселении III тыс. до н. э. в Ариче (254, м. 75, рис. 36). Идол из Кети сходен с глиняными статуэтками из памятников ранней бронзы на территории Закавказья, Северного Кавказа, Малой Азии и Восточного Средиземноморья (132, с. 162, рис. 54). В культуре Древнего Востока они широко известны по находкам из 2—5-го слоев Трои (294, табл. 32). Вероятно, идола помещались в культовом углу жилища и использовались при ритуальных обрядах.

Техника изготовления. Для изделий каменной индустрии в поселениях памятника Кети сырьем служили породы обсидиана, кремня,

⁶ По сведениям старого жителя с. Кети Амбарцума Петросяна, он был найден в 1930 г. на территории памятника Сгнахер жителем данного села Закарянном Закарпом и передан Н. Я. Марру.

⁷ Пользуясь случаем, хотим выразить глубокую благодарность Р. М. Торосяну, Б. Г. Ерицяну и Г. В. Казаряну за оказанную нам помощь в исследовании каменных изделий из памятника Кети.

вулканического шлака, базальта и андезит-базальта, которые добывались из месторождений, расположенных вокруг поселений. При изготовлении орудий труда использовались методы облома, сколов, ретушь, полировка, сверление и оббивка.

Составной частью каменной продукции Кети являются обсидиановые дисковидные нуклеусы из помещения № 1 поселения Сгнахпер (табл. 9, рис. 1—3) с двух сторон полностью и частично оббитые сколами. Несмотря на свою архаичность, нуклеусы встречаются и в памятниках III тыс. до н. э. Очевидно, их продолжали использовать для получения сколов нужной формы (табл. 11).

Отдельную группу составляют семь заготовок из камня (№ 1, 2-клинки, № 3—7-острия) по форме и технике изготовления напоминающие палеолитические орудия труда, полученные при помощи так называемой техники левалуа (табл. 10, рис. 1—7). Эти заготовки и наличие отщепов указывают на факт изготовления каменных орудий на месте.

Путем обломов и грубой сколки обработаны поверхность и рабочие части мотыг и скребков. Показательно, что в III тыс. до н. э. при

Рис. 4. Идол из поселения Горнер.

обработке камня пользовались приемами техники, характерными для более ранних периодов. Ретушью обрабатывали отжимные или отколотые отщепы для получения вкладышей. Широко использовались кремневые лезвия правильной формы или их обломки с зубчатой ра-

бочей кромкой. При обработке поверхностей применялась техника сколов. Значительную часть продукции каменной индустрии памятника Кети представляют многочисленные отщепы и сколы разнообразной формы, использовавшиеся в производстве без дополнительной обработки.

В III тыс. до н. э. широко применялось сверление, использовавшееся в керамическом производстве. Примером служит полированный обушный топорик из Кети. Для получения различной глубины пазов, ямок, борозд использовался и способ оббивки.

В различных областях находили употребленные необработанные речные булыжники (песты, терки, ложила).

Таким образом, на ранних этапах эпохи ранней бронзы еще продолжали изготавливать орудия и оружие из камня. С увеличением объема продукции из бронзы пропорционально сокращался и удельный вес каменного производства и уменьшалось его значение в хозяйстве древних обитателей этого региона.

Керамическое производство. При раскопках поселения Сгнахнер обнаружены многочисленные керамические изделия—карасы, чаши, кубки, миски, крышки и др.

Карасы представлены фрагментами венчиков и горловин, имеющих чернолощеную или коричневую поверхность и светло-коричневую или розоватую подкладку. Шейка высокая, слегка вдавленная, венчик изогнутый, дно ровное. У перехода от плеч к шейке проходит вдавленная горизонтальная линия (табл. 12, рис. 1, 3). Так как карасы сохранились фрагментарно, то об их высоте можно судить лишь по сохранившимся образцам из других памятников, высота которых составляет примерно 50—60 см. Аналогии к описанным карасам мы находим в материалах из нижнего слоя Ширакавана, из Гарни, Элара, из нижнего слоя Аревика, 6-го и более низких слоев Джраовита (243, с. 48, рис. 35—37; 246, с. 24—25), из Коси-Котера⁸, нижних слоев крепости Бешташени (119, табл. XXIII) и др.

Кубки имеют чернолощеную, иногда с серебристым отливом поверхность и коричневатую подкладку. Тулово выпуклое, шейка невысокая, уже тулова, дно небольшое, плоское. Переход от тулова к шейке подчеркивает вдавленный горизонтально опоясывающий сосуд бороздкой. Шейку с горлышком соединяет полушаровидная ручка (табл. 13, рис. 1—3, 6). Точно такие кубки обнаружены в погребениях I половины III тыс. до н. э. Кети № 1, 2, 3, 4, 6, 7, на территории строящейся в г. Ленинакане птицефабрики⁹, в поселении и могильнике Элара в слоях первой половины III тыс. до н. э. (246, с. 25, рис. 14, с. 43, рис. 55, с. 46, рис. 9), в 9-ом слое Джраовита (246, с. 25), в памятнике Амранис-Гора в погребениях в каменных ящиках, датируемых началом III тыс. до н. э. (269, табл. VII), в погребениях в каменных ящиках Самшвилде, датируемых концом IV—началом III тыс. до н. э., во 2-ом слое Нахичеванского Кюль-Тепе (4, табл. 29, рис. 1—35), в Гён-Тепе в слое «К» (280, рис. 88—91) и в других синхронных памятниках.

⁸ Деведжян С. Г. Ташир-Дзорагет в эпоху бронзы и раннего железа. Рукопись диссертационной работы, с. 17, рис. 21—25.

⁹ Материал хранится в МИИ.

Чашы в основном имеют чернолощеную поверхность и розоватую подкладку, изогнутый горизонтальный венчик и ложные глухие ручки-выступы или полушаровидные ручки. Плечики одного экземпляра украшены небольшими ямками (табл. 13, рис. 7). Чашы с ложными ручками и орнаментальными ямочками на плечиках найдены в нижних слоях Ширакавана, в поселении и могильнике Элара (246, с. 26, рис. 17, 18, с. 37, рис. 48), в памятнике Аревик (244, с. 161, рис. 3), в нижних слоях Мецамора, датируемых ранними этапами ранней бронзы (245, с. 13, рис. 16, 17, с. 20, рис. 18). На территории Армянского нагорья подобные чашы найдены в захоронениях в каменных ящиках Арчеша и других памятниках (280, с. 189, рис. 107—109). Другая чаша имеет светло-коричневую лощеную поверхность и розоватую подкладку, отогнутый наружу закругляющийся венчик, в двух местах вжатый внутрь сосуда. В этих местах прикреплены полушаровидные ручки (табл. 13, рис. 8). Аналогичные сосуды найдены в памятниках Арича (254, с. 68, рис. 29), в Эларе, IV слое Шенгавита (246, с. 54—55), датируемых второй половиной III тыс. до н. э. Следовательно, жизнь в поселении Кети продолжалась и в этот период.

Миски имеют светло-розовую поверхность черепка. У них прямые борта, слегка отогнутый наружу венчик и широкое плоское дно (табл. 13, рис. 4). Миски этого типа появляются в V—IV тыс. до н. э. (4, табл. 29; 189, рис. 3) и в большом количестве встречаются в таких памятниках III тыс. до н. э., как Ширакаван, Айриванк (242, табл. 30), Баба-Дервиш (98, с. 45, табл. 13) и др.

В помещении № 2 обнаружен также фрагмент миски с прямым бортиком. Черепок розоватый как снаружи, так и изнутри. На губке венчика имеется обращенный внутрь сосуда треугольный выступ длиной в 3 см, на обеих сторонах которого прорисованы два концентрических расположенных круга (табл. 13, рис. 5). Фрагмент и по составу глины, и по форме бортика несомненно относится к изделиям III тыс. до н. э., отличаясь от них выступом. Прототипом орнамента на выступе могут служить украшения на жаровнях из Техута (228, табл. 5) и на керамических сосудах из памятников западных районов Армянского нагорья на границах Антитавра (279).

Найдены также фрагменты керамических крышек дисковидной формы с ровной нижней и выпуклой верхней частью (табл. 14, рис. 4). Поверхность дисков украшена лепными шнуровыми поясками. На одном из фрагментов сохранилось основание полушаровидной ручки, помещенной в центре крышки. Крышки такого типа характерны для эпохи ранней бронзы и широко представлены во всех памятниках этого периода.

Другие керамические изделия связаны с повседневной хозяйственной жизнью и культом. Это фрагменты культовых предметов, обломки подставки-треножника, части подставки, имевшей формы усеченной пирамиды, и колесико миниатюрной повозки. Они имеют коричневый или розоватый черепок с заглаженной лощилом поверхностью. В отличие от керамических сосудов, имеющих прекрасно лощеную поверхность, данные предметы лишены даже лощения.

Интересную группу образуют очаг и подставки, часто украшенные зооморфными фигурками. До нас дошли фрагменты сильно стилизованных фигур барана (табл. 14, рис. 1). На поверхности одного

из них выгравированы изображения крайне стилизованных животных. Такой способ украшения зооморфных скульптур имеет множество параллелей (278, с. 375, рис. 291). К ним относится и образец из Арича, который, по мнению исследователя памятника, является фрагментом переносного очага (254, с. 81, рис. 42). В слоях III тыс. до н. э. Ширакавана найден предмет культового назначения с двумя выступами, на которых изображены животные. Он был обнаружен в центре прямоугольной комнаты и культового настила для разведения огня, что подчеркивает культовый характер находки. Об этом свидетельствуют и находки из Блура (290, рис. 4).

О распространении культа барана свидетельствуют стилизованные изображения на керамических сосудах и навершиях булавок. В форме бараньей головы сделаны ручки чаши из погребения III тыс. до н. э. Кети (табл. 24, рис. 6). На двух фрагментах керамических сосудов из Гарни (246, с. 76, рис. 73), как и на сосудах из Квацхелеби (61, табл. 36) и Урбниси (261, рис. 4) изображены булавки с навершиями в виде бараньей головы. По мнению Э. В. Ханзадян, керамические сосуды из Гарни, Квацхелеби и Урбниси с изображениями барана имеют местные древние корни (246, с. 77), что подтверждается и нашими находками.

Треножные подставки (табл. 14, рис. 2, 3) сохранились в сильно фрагментированном виде. На один из фрагментов, являющийся ребром подставки, нанесен вдавленный орнамент.

На другом фрагменте подставки типа «усеченной пирамиды» (высота 14 см) с отверстиями в боковой части (табл. 14, рис. 7) сохранились следы длительного пребывания в огне. По-видимому, подставки этого типа ставились прямо в очаг, а на них уже устанавливались различного рода керамические сосуды. Аналогичный обломок обнаружен при раскопках Шенгавита¹⁰. Вместе с керамическими подставками найдена каменная подставка в форме усеченного конуса высотой в 6 см, на поверхности которой также ясно видны следы долгого пребывания в огне. Аналогичные подставки имеются в Эларе (246, табл. 11), Гарни (243, табл. IX), в Коси-Чотере¹¹, Шенгавите, Шреш-Блуре (121, с. 105, рис. 1, 34) и в памятнике Северного Кавказа Луговое (182, с. 124, рис. 44).

Модель колеса повозки изготовлена из плохо отмученной глины с примесью песка, обжиг слабый. Колесо плоское с утолщением в средней части у сквозного отверстия. Модель изображает деревянные колеса повозок эпохи ранней бронзы (табл. 14, рис. 5). Еще в 1955 г. Б. Б. Пиотровский обратил внимание на наличие на керамических лепных статуэтках быков отверстий, служивших для крепления статуэток к модели повозок, и высказал мнение об использовании крупного рогатого скота в эту эпоху в качестве тяговой силы (204, с. 6). Это предположение недавно подтвердилось находкой в Ариче прекрасно сохранившейся модели повозки, запряженной быками (254, с. 74, рис. 35).

¹⁰ Раскопки С. А. Сардаряна. Выставлены в экспозиции Шенгавитского музея.

¹¹ Деведжян С. Г. Ташир-Дзорагет в эпоху бронзы и раннего железа. Канд. дис., с. 25, рис. 61.

Следует отметить, что предметы культового назначения, как и керамические подставки и модели колес, встречены на всех этапах периода ранней бронзы, многих памятников Армении и смежных стран.

Циклопическая крепость. Циклопическая крепость Кети находится в 2 км северо-западнее села, на высоте около 2000 м над уровнем моря. Она занимает две вершины горы Сгнахнер, господствующей над окрестностью (рис. 5)¹². Небольшая юго-восточная часть крепости (600 м²) отделена от остальной ее территории седловиной. Цитадель площадью 1,2 га находится в северо-западной части. Ее стены повторяют очертания холма. На пологих северном и северо-восточном склонах сооружены 4 жилые террасы, усиливавшие оборону. Следы таких же террас прослеживаются на юго-западном склоне (рис. 5). В юго-восточной части прослеживается оборонительная стена однорядной кладки длиной в 110 м. Судя по рельефу местности, она окружала территорию почти в 7 га, включая юго-восточную и северо-западную крепостные постройки.

Цитадель имела более мощные оборонительные сооружения. За ее пределами были сооружены фортификационные системы, представляющие собой участки, окруженные стенами с контрфорсами. Стены цитадели возведены из местного необработанного базальта на скалистых краях вершин. Кладка двусторонняя, внутренняя часть заблана мелкими камнями. Толщина стен 1,8 м, но на отдельных участках достигает 4 м.

Цитадель имеет два входа. Первый находится в северо-западной части. По обеим сторонам от него стены укреплены мощными контрфорсами длиной 4—7 м и отходящими от стен на 1 м. Изнутри вход укреплен дополнительно системой каменного мешка с глухими продольными стенами, примыкавшими к оборонительным стенам. Напротив входа сооружены две стены, одна на расстоянии 12 м, другая, разделяющая крепость на две неравные части, на расстоянии 20 м.

Противник, прорвавшись сквозь ворота, видел перед собой глухие стены и попадал под удар защитников с 4-х сторон. Такая система фортификации была широко распространена в крепостях Армении эпохи поздней бронзы и раннего железа (80, 15 и сл.), а также в урартских крепостях (202, с. 15, рис. 1, 159, рис. 11).

Второй вход шириной в 2 м в южной части западной крепостной стены с внутренней стороны был снабжен коридором длиной в 17 м по-видимому, игравшим роль каменного мешка. Подобные ворота—коридоры, устроенные иногда и снаружи, встречены в указанный период в ряде крепостей Северо-Восточной Армении (80, с. 15).

В цитадели и в крепости сохранились следы многочисленных прямоугольных жилищ. За пределами крепости они не прослеживаются. По нашему мнению, это объясняется наклонным рельефом местности, не позволявшим вести строительство. По-видимому, они служили убежищем для населения и загонем для скота при осаде крепости.

По характеру оборонительных сооружений и по технике строительства крепость Кети близка к таким крепостям Ширака, как Шин-Блур, Мец-берд, Верн-берд, Вари-берд, расположенных в окрестно-

¹² Обмеры циклопической крепости и поселения Кети произведены архитектором К. К. Кафадаряном.

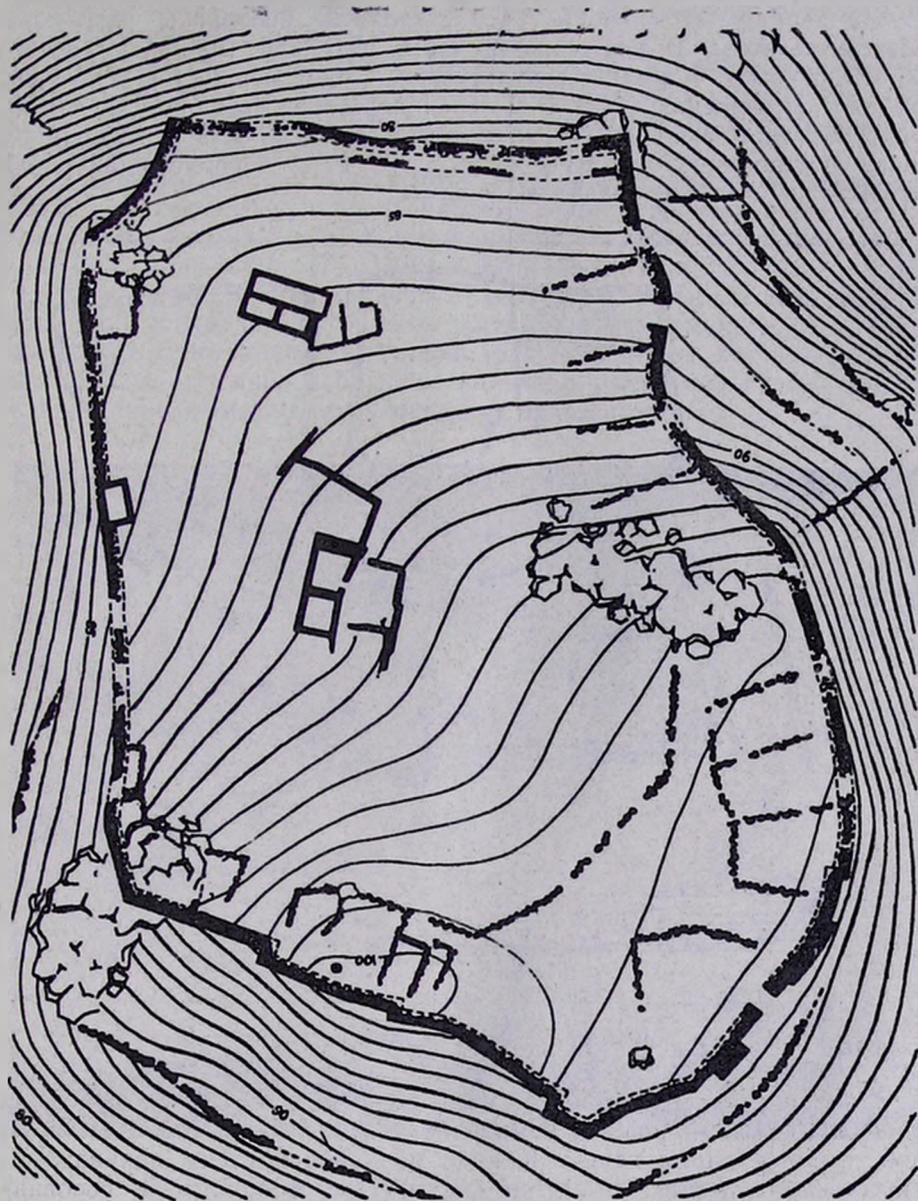

Рис. 5. План циклопической крепости Кетик.

стях сел Сарнахпюр и Лернакерт и относящихся к XVIII—XV вв. до н. э. и Покр-Берд, датируемый XIII—X вв. до н. э., которые, согласно систематизации К. К. Кафадаряна, представляют образцы второго этапа в развитии оборонительных сооружений Армянского нагорья (105). Много общего имеет она также с рядом циклопических крепостей Севанского бассейна (166) и Северо-Восточной Армении эпохи бронзы и железа.

На территории крепости были заложены небольшие разведывательные раскопы. В центральной части цитадели (площадь раскопа 200 м²) открыты 7 жилищ с культурным слоем мощностью 0,3—1,8 м (рис. 6). Помещения №№ 1—3, соединявшиеся дверными проемами, представляли собой единый жилой комплекс, а №№ 4—7—отдельные жилые постройки. Помещения №№ 1 и 4 из-за расположения у восточной стены имели неправильные формы.

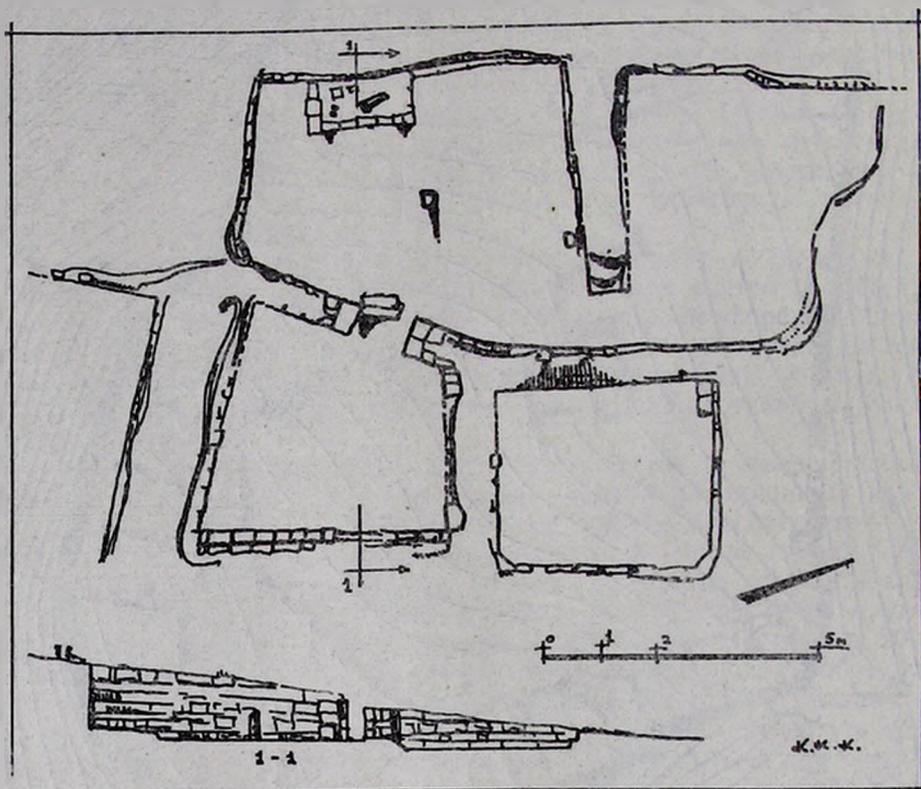

Рис. 6. План помещения №№ 1—4 циклопической крепости Кетик.

Помещение № 1 занимало площадь в 44 м². Стены, возведенные из необработанных рваных камней базальта и песчаника, были обмазаны толстым слоем глины. Южная и западная стены опирались на искусственно срезанный выступ скалы. Пол глинобитный, основание насыпано камнями для нивелировки. Помещение № 1 дверными проемами в восточной и северной стенах соединялось с помещениями №№ 2 и 3 (ширина проемов 0,8 и 0,9 м соответственно). Пол вдоль юго-западной стены был выложен туфовыми плитами длиной в 2,3 м и шириной в 1,2 м, образующими культовый угол. Здесь обнаружен сильно поврежденный каменный идол (рис. 6). Севернее культового угла, напротив западной стены, открыта сложенная из камней скамья-масаба высотой в 0,3 м и шириной в 0,4 м. У северной стены обнаружены сложенный из камней очаг четырехугольной формы (рис. 6), фрагменты жаровен и базальтовая плита со следами долгого пребывания

в огис. В центре помещения в пол был вкопан хорошо обработанный идол из песчаника высотой в 0,7 м (рис. 7).

Аналогичные культовые углы обнаружены в памятниках Армении XI—VII вв. до н. э. в Айриванке¹³, в Тейшебаини (154, с. 23), Ошакане (84), в Аргиштихинили¹⁴, а скамья-мастаба—в Ширакаване, Аргиштихинили¹⁵, Ошакане и др.

Каменные идолы, по-видимому являвшиеся символом плодородия, очага и домашнего культа, в большом количестве обнаружены в Ошакане возле очагов, хлебных ям-хранилищ, карасов и культовых углов (84), в Кармир-Блуре (76, с. 40) и Аргиштихинили.

В помещении № 1 найдены также базальтовые ладьевидные зернотерки, обсидиановые отщепы, кремневые вкладыши серпа, грузило из туфа, точило, лощило из гальки, фрагмент ступы, костяной наконечник стрелы, пряслица и большое количество черепков керамики, украшенной линейным или семечковидным орнаментом.

Рис. 7. Идол помещения № 1 циклопической крепости Кети.

Севернее помещения № 1 расположено помещение № 2, отделенное от него стеной однорядной кладки толщиной в 0,5 м; его западная стена также опирается на искусственно срезанный выступ скалы. Помещение раскрыто лишь наполовину (рис. 6). Мощность культурного

¹³ См. раскопки А. О. Мнацаканяна за 1972 г.

¹⁴ Раскопки А. А. Мартиросяна. Материалы не опубликованы.

¹⁵ Раскопки Р. М. Торосяна. Материалы не опубликованы.

слоя здесь достигала 1,8 м. В нем обнаружены обсидиановые отщепы, кремневые вкладыши серпа, многочисленные фрагменты керамики.

Помещение № 3 расположено восточнее первого, с которым, как уже отмечалось, оно соединено дверным проемом шириной 0,8 м. Стены комнаты возведены из рваных базальтовых камней; кладка двусторонняя с земляной забутовкой. Планировка помещения прямоугольная, но углы слегка закруглены. Стены сохранились лишь на уровне камней фундамента. После расчистки неглубокого, мощностью 0,3 м культурного напластования, вдоль восточной стены открыта сложенная из камней скамья-мастаба шириной в 0,4 м. Археологические находки представлены лишь фрагментами керамики.

Помещение № 4 расположено севернее третьего и примыкает к восточной стене первого помещения. От помещения № 3 оно отличается лишь большей толщиной стен (1,2 м), которые также сохранились на уровне камней фундамента. С внутренней стороны прослеживается вал из крупных обломков камней (рис. 6). Внутри комнаты сохранился культурный слой мощностью 0,3 м, в котором найдены лишь незначительные остатки предметов гончарного производства.

Помещение № 5 площадью в 29,16 м² отстоит к северу от четвертого на 18 м. Три стены сложены из необработанного базальта путем двурядной кладки на глиняном растворе. Четвертая, северная, стена установлена на искусственно выровненном участке, ее толщина в западной части достигает 1 м. Дверной проем шириной в 1 м устроен в восточном углу южной стены. Помещение имеет прямоугольную форму. Пол вымощен плитами, уложенными на песчанниковый грунт. Здесь, как и в помещении № 1, у северной стены открыта каменная скамья длиной 5 м, шириной 0,65 м и высотой 0,45 м. Мощность культурного слоя 0,5—1 м. Здесь обнаружены фрагменты коричневых лощеных сосудов и остеологические останки.

Помещение № 6 площадью 21,5 м² примыкает с севера к предыдущему и имеет прямоугольную форму. Три стены толщиной в 1 м возведены наподобие стен помещения № 5. Четвертая, северная, стена установлена на естественном ровном участке. Дверной проем шириной в 1 м устроен в западном углу у южной стены. Пол покрыт глиняной обмазкой толщиной в 0,20 см, уложенной на песчанниковый грунт. В северо-западном углу открыт сложенный из камней очаг размерами 56×56 см. У очага найдены фрагменты керамических жаровен. В культурном слое мощностью 1—1,2 м обнаружены фрагменты простой и коричневой лощеной керамики и кости животных.

Помещение № 7 площадью 12 м², прямоугольное в плане, находится западнее шестого, восточной стеной наполовину примыкая к его западной стене. Стены возведены тем же способом, что и в предыдущих помещениях. Дверной проем шириной 0,7 м расположен в восточной части южной стены. Пол глинобитный. Обмазка толщиной в 20 см уложена на песчанниковый грунт. В центре комнаты в полу открыт сложенный из камней очаг размерами 50×50 см, аналогичный по устройству очагу из помещения № 1. Мощность культурного слоя достигает 1 м. В нем обнаружены незначительные фрагменты керамических сосудов и остеологические останки.

В различных частях террас, образованных подпорными стенами, где прослеживались следы застроек и жилья, были заложены 4 шур-

фа. В них обнаружены развалины прямых двурядных стен, техника возведения которых аналогична описанной выше, не дающих, к сожалению, представления о планировке построек. Обнаруженный здесь археологический материал синхронен материалам из помещений крепости. Это позволяет утверждать, что террасы вокруг крепости были заселены и функционировали в тот же отрезок времени, что и сама крепость.

Как видно из вышесказанного, раскопки крепости-поселения Сгнахнер дали разнообразный археологический материал из камня, кости и керамики—орудия труда, оружие, бытовую керамику и другие изделия.

Орудия труда представлены предметами, связанными с земледелием, переработкой пищевых продуктов, ткачеством, обработкой кожи и др.

К земледельческим орудиям относятся вкладыши составного серпа прямоугольной формы, изготовленные из кремня (табл. 15, рис. 1—3). Их поверхность обработана горизонтальной ретушью, а рабочее лезвие с зубчатой кромкой—отжимной техникой. Подобные вкладыши бытовали очень долго, в эпоху железа наряду с металлическими серпами продолжали употребляться и серпы с каменными вкладышами, что подтверждается также находками из памятников Севанского бассейна (201, с. 27—31), Ноемберяна (251, с. 209), Хртаноца (150, с. 96), Тмбадпра, Пилор-Пата, Ссв-Сева—Кари тахта, Бердатеха и др. и сохраняли свое место в хозяйстве до середины I тыс. до н. э. (80, с. 164).

Хотя металлических серпов в крепости не обнаружено, находка в одном из погребений Кети такого серпа и точила конической формы из гальки, аналогичного найденному в первом помещении крепости Кети (табл. 17, рис. 2), свидетельствуют о том, что здесь наряду с каменными, применялись и металлические серпы.

Из пористого базальта изготовлены зернотерки ладьевидной формы (табл. 16, рис. 1, 3—6) и ступы шаровидной формы (табл. 16, рис. 2, табл. 17, рис. 4). Песты цилиндрической формы сделаны из речной гальки (табл. 17, рис. 10), как и прямоугольные терочники с сильно закругленными краями (табл. 17, рис. 7—9). Все они всегда встречаются вместе, единым комплексом. Аналогичное явление отмечено в Ширакаване, Двине (134, с. 35, рис. 53), Кармир-Блуре (155, табл. XVIII, в поселении Поплоз-Гаш (80, с. 38, табл. 24) и в целом ряде других памятников.

Среди изделий каменной индустрии Кети встречены два грузила, по-видимому, от ткацкого станка. Одно, в виде колеса, изготовлено из туфа (табл. 17, рис. 5), другое с небольшим углублением в верхней части—из кремневого отщепка. О существовании ткачества свидетельствуют также многочисленные пряслица из камня и кости, найденные как в Кети (табл. 18, рис. 4), так и в других памятниках (258, с. 76).

Из кости изготовлена и проколка, использовавшаяся при обработке кожи (табл. 18, рис. 3). Костяные проколки известны из Меца-мора (245, с. 48, рис. 66) и других памятников. В коллекцию каменных изделий входят также подставка из туфа (табл. 17, рис. 1) и прямоугольное лощило из гальки с четкими ребрами (табл. 17, рис. 6).

Оружие представлено наконечниками стрел из камня и кости. Наконечники треугольной формы из кремня с полукруглой выемкой у основания (табл. 15, рис. 4), как и каменные вкладыши серпов появились в бронзовую эпоху и бытовали до середины I тыс. до н. э. Костяные наконечники имеют вытянутую треугольную форму, круглое сечение и удлиненный суживающийся черенок (табл. 18, рис. 1, 2). Ранние экземпляры наконечников этого типа, относящиеся к III тыс. до н. э., известны из Шенгавита (216, с. 165, табл. XLVI), Хизанаант-Гора (132, с. 74, рис. 26). По форме наконечника и типу черенка мало чем отличаются от образца из Кети наконечники, найденные в погребениях IX—VIII вв. до н. э. Степанавана и Камо (250, с. 107, рис. 38). Аналогии встречаются в Норашене (80, с. 76, табл. 62), в раннеармянском слое поселения Ширакаван, в памятниках Грузии—Самтавро, Бешташени (268, рис. 16), Тетриц Клеби (208, табл. XII) и Цнори (60, табл. 41). Таким образом, костяные наконечники, появившись в III тыс. до н. э. с небольшими изменениями формы бытуют до раннеармянского времени.

С точки зрения хронологии особый интерес представляют образцы керамических мисок, кувшинов, чаш и жаровен. Маленькие лощеные миски сероватого цвета с прямыми вертикальными бортиками украшены одним или несколькими вдавленными поясками (табл. 19, рис. 2—4). Подобная миска найдена и в погребении № 40 Кети. Аналогии к ней известны из таких памятников эпохи раннего железа, как Артик (254, с. 252, рис. 161), из слоя поселения и могильника Ширакавана, относящихся к этому периоду, из доурартского поселения Кармир-Блур (154, с. 50, рис. 21), Кармир Берда (72, табл. XIV) и из погребения № 1 Мецамора (245, с. 167, рис. 160).

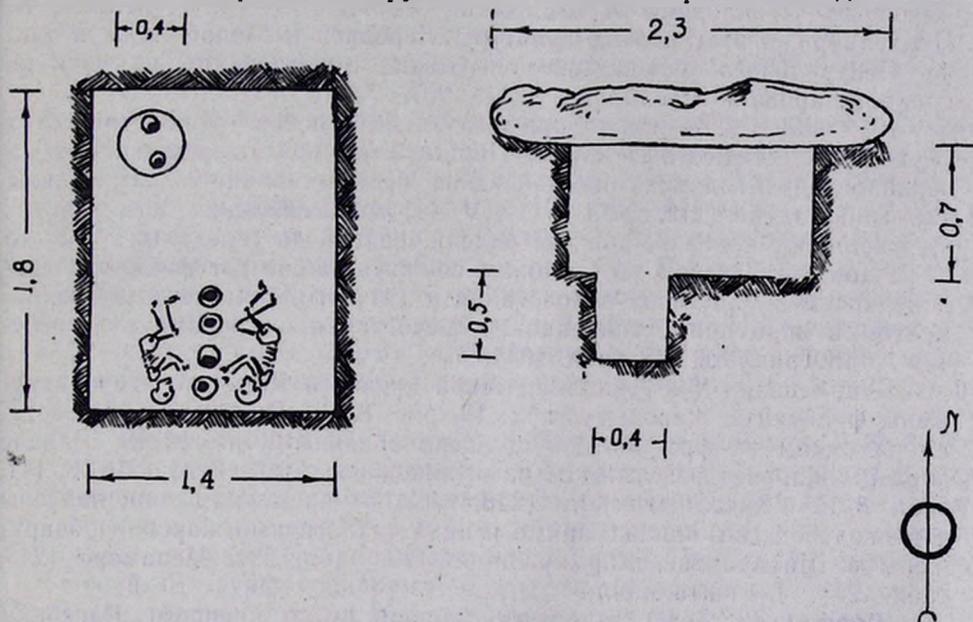
Большие миски имеют черный или коричневый черепок со слабо лощеной или вовсе не лощеной поверхностью. Тулово полусферическое с вогнутым венчиком. Один образец украшен в нижней части тулова прямой сплошной полосой, нанесенной лощением (табл. 19, рис. 5). Большое количество аналогичных мисок обнаружено в синхронных погребениях Кети № 33—36. По форме и орнаментации к рассматриваемым мискам восходят однотипные миски эпохи поздней бронзы. Многочисленные аналогии имеются среди материалов из погребений Артика № 208, 209, 212, 294, 295, относящихся к X—IX вв. до н. э. (255, с. 194 и сл.), из слоя и погребений Ширакавана, датируемых раннежелезным временем, из погребений конца II—начала I тыс. до н. э., расположенных на территории Дилижанского водохранилища и на ул. Камо в Дилижане (103, с. 69; 75, табл. 23). Близки к образцам из Кети и миски из памятников Северо-Восточной Армении Буга-Кара (80, с. 189, табл. 137) и погребения № 2 Цамакаберда (ГИМА, № 1922/31).

В помещении № 1 в верхнем культурном слое, на глубине 0,3 м, обнаружен фрагмент краснолощеной миски с округлым сужающимся в верхней части туловом, слегка выступающим наружу округлым венчиком и горизонтальной вдавленной линией на плечиках (табл. 19, рис. 1). Миски такого типа, датируемые VI—IV вв. до н. э., найдены в Джрашене (177, с. 80, табл. 7), Шахламе 2 (80, с. 31, табл. 17), крепости Норашен (80, с. 75, рис. 61).

В циклопической крепости Кети обнаружено большое число гор-

шков, типологически подразделяющихся на две группы. Горшки первого типа, черно- или сероошпленные, имеют округлое тулово, невысокую шейку и отогнутый наружу венчик, часто украшенный орнаментом (табл. 20, рис. 1, 2). Подобные горшки широко представлены в памятниках раннего железа, таких как Артик (255), Ширакаван, Кармир-Блур (154, с. 62), Трели (222, с. 130), Уч-Тепе (92, с. 131, рис. 17) и др. В черепке горшков второй группы имеется большая примесь песка. Венчик сильно отогнут наружу, иногда загнут вниз (табл. 20, рис. 2—3). Плечики украшены вдавленными прямыми или волнистыми поясками и смечковидным орнаментом. Горшки обоих типов бытовали с эпохи поздней бронзы до раннего железа, почти не видоизменяясь.

Особый интерес представляет фрагмент слабоошпленного сосуда, украшенного концентрическими кружками (табл. 18, рис. 8). Орнамент в виде концентрических кружков не является редкостью для эпохи

М 1.25

Рис. 8. Конструкция погребения № 37 близ с. Кети.

поздней бронзы и раннего железа. Им украшены изделия II группы материалов Артика (254, с. 226, рис. 139), из погребения и слоя поселения Ширакавана конца II—начала I тыс. до н. э., некоторые образцы, обнаруженные в Ленинанкане в 1929 г.¹⁶ В других областях Армении орнамент в виде концентрических кружков хорошо известен по керамическому материалу Редкин-Лагерь (IX—VIII вв. до н. э.), Астхи-Блур (74, с. 83), Лорн-берда (XI—X вв. до н. э.), ямы крепости Дарани, датируемой периодом раннего железа (246, табл. XVI) и погребений около Горнса, датируемых периодом поздней бронзы и вре-

¹⁶ Хранятся в ГМИА, пнв. № 22/23.

менем широкого распространения железа¹⁷. Перiodeм поздней бронзы датируются памятники Грузии, в которых обнаружены керамические сосуды с подобной орнаментацией (112). В большом количестве они найдены в святилище Мели-Гели (210, табл. XXXI—XXXIII).

Учитывая большое количество специальных исследований по вопросам проса орнамента и наличие различных гипотез о его происхождении считаем необходимым вкратце обратиться к рассмотрению этого вопроса.

По мнению Т. Хачатряна, орнамент в виде концентрических кружков появляется в эпоху поздней бронзы и сохраняется и в последующее время (254, с. 224). Э. Ханзадян считает, что наибольшее распространение он получил в XIII—VIII вв. до н. э. (246, с. 84). К. Пицхелаури предполагает, что этот тип орнамента в материалах Восточной Грузии появляется в середине II тыс. до н. э. и исчезает в первых веках II половины II тыс. до н. э. (211, с. 94—95). Согласно К. Пицхелаури, в этот период культуры Передней и Малой Азии, а также Центрального Закавказья испытывали определенное, но пока не конкретизированное влияние (211, 95).

По нашему мнению, орнаментальный мотив концентрических кружков имеет местные корни. Первые его образцы встречаются на чернолощенных гондриях эпохи средней бронзы из таких памятников, как Триалетские (119, табл. I, XXIV, 43) и Айгенатские могильники, ими украшают изделия, как мы видели, вплоть до середины I тыс. до н. э. Доказательством этого может служить также тот факт, что расматриваемый орнамент в сочетании с сетчатым орнаментом и орнаментом в виде прямоугольников встречается и на керамике погребения № 45 Триалети (85, табл. 104).

В помещении № 1 циклопической крепости Кети в очаге обнаружены фрагменты жаровни (табл. 19, рис. 8, 9). Верхняя часть бортика на одном из фрагментов украшена овальными ямочками. Ранние образцы жаровен известны из памятников неолитического (216, с. 141, табл. 391) и энеолитического (228, табл. 5) времен, где они найдены или около очагов, или же прямо в них. Аналогичные жаровни обнаружены в Ширакаване, Кармир-Блуре (79, табл. 39), Менаморе (245, табл. 21), Аргштихини¹⁸ и др.

Шурф I (3×5 м) заложен у южной стены крепости. Раскопки выявили культурный слой мощностью 0,65 м, под которым выступает материковый песчанниковый грунт. При расчистке обнаружены несколько необработанных камней, упавших со стены, фрагменты керамических сосудов черного и серого цвета со слабым лощением, ручки сосуда и каменное грузило-подвеска (табл. 21). Среди них вызывает интерес фрагмент коричневого лощения, украшенный резным орнаментом в виде двух волнистых поясков, помещенных по обе стороны прямого пояска (табл. 21, рис. 10). Орнамент этого типа, беря начало в керамике конца III тыс. до н. э., получает широкое распространение в эпоху средней бронзы и продолжает бытовать во II половине II—начале I тыс. до н. э. Об этом свидетельствуют находки из памятников Ширакавана (конец II тыс. до н. э.), из доурартского слоя

¹⁷ Раскопки О. С. Хикипяна. Материалы не опубликованы.

¹⁸ Раскопки Р. М. Торосяна. Материалы не опубликованы.

¹⁹ Материалы не опубликованы.

Кармир-Блура (134, с. 51, рис. 22), погребения № 2 Мецамора (245, табл. 35), датируемого концом II—началом I тыс. до н. э., захоронений из Гарни X—IX вв. до н. э. (243, табл. 38), из Редкин-Лагеря (80, с. 128—129, табл. 101, 102) и др. На большей части фрагментов черных и серых сосудов сохранился орнамент в виде прямых или волнистых поясков, семечковидный и ногтевой орнамент (табл. 21, рис. 2, 3, 8, 9, 11). Подобные орнаментальные мотивы встречены в вышеперечисленных памятниках, а также в материалах погребений III группы Артика (255, с. 200—201), материалах Двина (134, с. 26, рис. 35), относящихся к IX—VIII вв. до н. э., почти во всех памятниках этого времени Грузии и территории нынешнего Азербайджана.

В I шурфе на глубине 0—0,2 м найдены фрагменты грубых кухонных сосудов с широким рельефным пояском на тулове. Они украшены семечковидным орнаментом и резным орнаментом в виде косых насечек (табл. 21, рис. 5, 6, 12). Керамика с орнаментацией этого типа в основном встречается в памятниках VIII—VII в. до н. э., о чем свидетельствуют находки из мецаморского слоя периода сооружения печей (245, табл. 13).

Дугообразная ручка, обнаруженная в шурфе, имеет налпы в виде пуговок (табл. 21, рис. 4). Аналогичные украшения ручек известны по материалам погребений третьей группы Артика (254, с. 247, рис. 158), Кармир-Блура (154, с. 102, рис. 41) и др. Тут же обнаружен фрагмент маслостойки с кольцевидным отверстием и неровной внутренней обмазкой (табл. 21, рис. 7). Маслостойки с подобными отверстиями известны почти из всех памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа в Армении и Закавказья. Изготовленное из туфа грузило имеет форму, характерную для грузил-подвесок, обнаруженных в многочисленных памятниках Армении III—I тыс. до н. э. (табл. 21, рис. 1).

Шурф 2 (3×4 м) заложен в 30 м южнее помещения № 3. Культурный слой также мощностью 0,6 м залегает на материковой породе песчаника. Здесь открыта кладка из небольших базальтовых камней длиной в 2 м и шириной в 1 м, которая не имела продолжения ни с одной стороны. По характеру кладки стена идентична стенам помещений. В шурфе обнаружены фрагменты различных сосудов, в том числе горшков, мисок и изготовленное из вулканического шлака ложило (табл. 22). Горшки имеют слабоощепленный черный черепок, косые плечи (табл. 22, рис. 3). Горшки этого типа имели широкое распространение в конце II—начале I тыс. до н. э. и известны из погребений III группы Артика (255, с. 194, 196), Ширакавана, доурартского слоя Кармир-Блура (154, с. 62, рис. 286), слоя пожара Мецамора (245, табл. 11), Шемахи (80, с. 153, табл. 118) и других памятников Северо-Восточной Армении.

Одна из мисок имела серолощеную поверхность, полушаровидное тулово, вогнутый венчик (табл. 22, рис. 6). Как мы видели раньше, подобные миски встречены в помещениях крепости, что свидетельствует об их синхронности. Они имели широкое распространение в памятниках эпохи раннего освоения железа Армении—Артике (255, с. 134 и сл.), Ширакаване, Дилижане (103, с. 69), цамакабердском погребении № 2²⁰, Буга-Каре (80, с. 189, табл. 131) и др. Другая мис-

²⁰ Раскопки А. О. Миацаканяна, ГМИА, № 1922/31.

ка имела серолощеную поверхность, слегка сужающиеся стенки и загнутый наружу венчик. Он украшен прямыми и волнистыми бороздками (табл. 22, рис. 9). Аналогичные миски обнаружены и в помещениях крепости (табл. 19, рис. 8). Они хорошо известны по материалам вышеперечисленных памятников и встречены также в Шикаохе (257, табл. 3), Ангехакоте (259, табл. 2), Астхи-Блуре (80, с. 162, табл. 120, с. 190, табл. 126). Остальные фрагменты сосудов и ручек имеют чернолощеную поверхность и украшены широкими бороздками (табл. 22, рис. 5—9). Орнаментированные подобным способом керамические изделия характерны для культуры начала I тыс. до н. э. и имеют широкие параллели в целом ряде вышеупомянутых памятников. На глубине 0,3 м обнаружено небольшое число фрагментов керамики, слегка отличающихся по облику от вышеописанных. Они имеют красную или розоватую слаболощеную поверхность и украшены крупным семечковидным орнаментом и широкими бороздками (табл. 22, рис. 4, 10, 11). По своему облику и орнаменту эти фрагменты близки к керамическим изделиям VI—IV вв. крепостей Сурб Наатак, Норашен (80, с. 72, 74, табл. 58, 60). Лощило из вулканического шлака (табл. 22, рис. 12) имеет широкие аналоги во всех памятниках рассматриваемого периода.

Шурф 3 (2,5×4 м) заложен в северо-западной части, в 25 м южнее главного входа. Культурный слой здесь прослеживается на глубину 0,8 м до материкового грунта. Обнаруженные здесь фрагменты чернолощенных и простых больших горшков, карасов, украшенные рельефными поясками, прямыми и волнистыми бороздками и семечковидным орнаментом (табл. 23), идентичны по орнаменту керамике из других шурфов и датируются тем же временем. Несколько выделяется среди них фрагмент маленького черного слаболощеного караса, украшенного прямыми и волнистыми поясками (табл. 23, рис. 1). Однако следует отметить, что орнамент этого типа не нов для керамики конца II—начала I тыс. до н. э.; он встречается в Мецаморе (245, с. 59, рис. 48, с. 43, рис. 60), Редкин-Лагере (80, с. 126, табл. 100) и других местах.

Шурф 4 заложен за пределами крепости, восточнее ее, на первой террасе. Он углублен до 0,8 м, где встретилась порода песчаника. В северной части шурфа прослежены остатки стены шириной 1 м и длиной 1,5 м. Продолжения стена не имеет. Кладка двурядная с земляной забутовкой. У стены открыт очаг, заполненный золой. С обеих сторон очага установлены камни высотой 0,4 м, покрытые копотью. Около них обнаружены фрагменты жаровни. В шурфе найдены также фрагменты карасов, горшков, мисок (табл. 24), идентичные находкам из вышеописанных шурфов и датируемые периодом раннего железа. Новым типом керамики здесь является фрагмент миски, типологически близкий к блюду, по венчику которой проходит бороздка (табл. 24, рис. 2). Параллели ей есть среди сосудов этого типа в Артике, Ширакаване и погребении № 28 Карчахпюра²¹, Уч-Тепе (92, с. 123, рис. 19) и др.

Таким образом, рассмотрение всего комплекса исследуемого материала показывает, что крепость Кети была основана в X в. до н. э. и функционировала до VI—IV вв. до н. э.

²¹ Раскопки А. О. Мнацакяна, ГМИА, № 2565 (101—102).

ГЛАВА II

НЕКРОПОЛИ И ПОГРЕБЕНИЯ

В изучении древней культуры Ширакской долины наряду с исследованием крепостей и поселений важную роль играет исследование некрополей. Археологический материал из погребений дает возможность рассматривать вопросы по социально-экономическому укладу древних жителей, их духовной культуре, религиозным воззрениям. Большой интерес представляют конструкции погребений и прослеживаемые погребальные ритуалы.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ

На территории памятника Кети обнаружено три некрополя раннебронзового времени, где было раскопано 9 погребений (Кракари Сар, № 6; Горнер № № 1—3 и Карот Хогер, № № 4, 5, 7—9). Погребальное поле Кракари Сар находится в 400 м восточнее с. Кети близ одноименного поселения. Обследованное здесь захоронение в виде каменного ящика размером $1,8 \times 1,4 \times 1$ м было перекрыто двумя необработанными туфовыми плитами размерами $1,6 \times 0,8$ и $1,5 \times 0,7$ м. Ориентировано с С на Ю с отклонением к востоку. С юго-западной стороны на высоте 0,4 м от пола был устроен дверной проем в $0,55 \text{ м}^2$, закрытый снаружи двумя небольшими плитами. Здесь обнаружены останки трех погребенных. Один лежал напротив входа головой на юг, лицом на запад в сильно скорченном положении. Под черепом найдена небольшая плита из туфа. Кости двух других погребенных были собраны у северной стены, что свидетельствует о вторичном захоронении. У западной стены обнаружены 7 керамических сосудов (табл. 31).

Погребальное поле Горнер обнаружено северо-восточнее одноименного поселения. Здесь изучены три каменных ящика.

Погребение № 1 перекрыто двумя плитами размерами $1,5 \times 1,9$ и $1 \times 0,9$ м. Погребальная камера в виде каменного ящика размерами $1,8 \times 1,2 \times 1,1$ м ориентирована с севера на юг (табл. 25, рис. 1). В ней обнаружено семь человеческих захоронений. Можно предположить, что погребенные являются представителями разных поколений одной семьи. Здесь каждое последующее захоронение производилось после того, как аккуратно собирались и складывались у северной стены останки предыдущего погребенного. Костяк предпоследнего погребенного лежал на собранных ранее костях других покойников. Это позволяет предположить, что в период погребения последнего труп предыдущего погребенного был еще в хорошей сохранности (150, с. 44). О

положении погребенных мы можем судить по последнему костяку, который найден в скорченном состоянии на левом боку, головой на юг, лицом на запад. У западной стены обнаружены положенные друг на друга 8 керамических сосудов (табл. 26).

Погребение № 2 расположено в 10 м южнее погребения № 1. По типу устройства и найденным в нем материалам подобно предыдущему захоронению. Здесь обнаружены пять захоронений и 4 керамических сосуда (табл. 27).

Погребение № 3 найдено в полуразрушенном состоянии в 80 м северо-восточнее первого. Отсутствовала часть плит перекрытия. Размеры погребальной камеры $2 \times 1,5 \times 1$ м. По конструкции и ориентации подобно погребениям №№ 6 и 1. Из-за плохой сохранности костяков положение погребенных определить не удалось. В северо-восточном и юго-западном углах погребения найдены 8 керамических сосудов (табл. 28).

Наиболее обширным из исследованных некрополей было погребальное поле Карот хогер, расположенное восточнее поселения Сгнахнер и занимавшее площадь около 50 га. Раскопанные близ поселения погребения относятся к III тыс. до н. э., а более отдаленные от него датируются II—I тыс. до н. э. Погребения этого времени прослеживались на поверхности в виде надмогильных насыпей различной высоты, имевших округлые очертания, в то время как погребения III тыс. до н. э. лишены какого-либо рода надмогильных сооружений или насыпей.

Погребение № 4 расположено юго-восточнее поселения Сгнахнер. Перекрытие каменного ящика размерами $2 \times 1 \times 1$ м отсутствовало, часть стен в верхней части была разрушена. Однако в нижней части кладка сохранилась. В южной стене камеры сооружен небольшой вход-лаз ($0,5 \text{ м}^2$). В погребении обнаружено 6 захоронений. Кости 4 погребенных были сложены у северной стены, а два костяка находились напротив входа. В погребальной камере обнаружены керамические сосуды, 5—в юго-восточном углу, 1—у северной стены (табл. 25, рис. 26, табл. 29).

Погребение № 5 обнаружено в 100 м северо-восточнее погребения № 4. Перекрыто плитами размерами $1,6 \times 1,5 \times 0,9$ и $1,7 \times 1,4 \times 0,4$ м. Стены погребальной камеры возведены из небольших туфовых камней. Особый интерес представляет вход четких прямоугольных очертаний размерами $0,55 \times 0,5$ м. К нему вел небольшой дромос с выложенными камнями стенками длиной 0,5 м. Снаружи вход в камеру был заложен двумя маленькими плитами. Сама камера имела размеры $2 \times 1 \times 1,2$ м. В ней обнаружено 6 захоронений. Здесь также кости предыдущих погребенных сложены у северной стены, а последний лежал в сильно скорченном положении у входа, головой на юг, лицом на восток. Вдоль западной стены на полу расставлены 15 керамических сосудов.

Погребение № 7 находится в северо-западной части могильного поля. Перекрыто тремя каменными плитами размерами $2,4 \times 0,9$, $2,1 \times 1,1$, $1,2 \times 0,6$ м. Вход в камеру, устроенный в южной стене, имеет большие, чем в других погребениях, размеры— $0,8 \times 0,9$ м. Снаружи он был прикрыт двумя каменными плитами. В камере размерами $2,35 \times 1,3 \times 1$ м обнаружены три захоронения. Кости двух погребенных сложены в

углах, а один лежал напротив двери. В углах камеры обнаружены керамические сосуды (табл. 32).

Погребение № 8 находится в 50 м восточнее помещения № 1 поселения Сгнахнер. Перекрыто двумя плитами размерами 1,75×1,5; 1,6×1,55 м. Погребальная камера ориентирована с северо-запада на юго-восток. Имеет размеры 1,9×1,2×1 м. В южной стене на высоте 0,3 м устроен вход 0,6 м², прикрытый снаружи двумя небольшими плитами. В погребении было произведено три захоронения. Один погребенный лежал у входа в камеру на правом боку в сильно скорченном положении головой на юг, лицом на восток. Кости двух других были собраны в кучу у северной стены. Керамические сосуды, сопровождавшие покойников, были расставлены вдоль западной стены (табл. 33).

Погребение № 9 находится в 50 м южнее восьмого. Перекрыто двумя каменными плитами размерами 1,88×1,45 и 1,7×1,55 м. Погребальная камера размерами 1,9×1,1×1 м типологически близка к вышеописанному. В ней обнаружено два захоронения. Кости одного погребенного собраны у северной стены, второй обнаружен у входа в камеру (табл. 34).

Изучение погребений III тыс. до н. э. из трех могильных ям позволяет выявить общие принципы их устройства: а) погребения перекрыты 2—3 необработанными каменными плитами разной величины; пространство между которыми закрыто каменными меньших размеров; б) погребальные камеры сооружены каменными средней и большой величины, имеют прямоугольные очертания и ориентированы с северо-запада на юго-восток; в) камеры имеют специально устроенный в южной стене вход, к которому ведет небольшой коридор-дромос. Все погребения лишены следов погребальных традиций и жертвоприношений, отсутствуют костяки животных.

Говоря о погребениях III тыс. до н. э. в Кетил, следует отметить, что погребения этого времени редки не только для территории Ширака, но и других областей Армении. В Шираке они найдены в Ариче и Спандаряне (254, с. 36, 38), а в других районах — в Эларе (246, с. 37—38), Арагацце (155, ж. м. 2), Джарджаре (178, с. 98) и Карчахпоре (178, с. 98). Погребения Арагаца имеют входы в погребальную камеру.

Погребения культуры Куро-Аракса в каменных ящиках известны и в Грузии — в Кикетах (214, с. 147—162), Амиралис-Роба (269, с. 96—98) и Самшвилде (169). Большая часть захоронений первых двух памятников обнаружена на территории поселений в долинах рек. Они датируются ранним периодом эпохи ранней бронзы. Остатки близки к погребениям памятника Кетил погребения Самшвилде датируемые II половиной IV тыс. до н. э., которые также перекрыты необработанными плитами, имеют прямоугольную форму и вход, прикрытый небольшими плитами (169, с. 74—75). Однако в отличие от погребений из Кетил, имеющих ориентацию с севера на юг, они ориентированы как с севера на юг, так и с востока на запад. Кроме того, здесь встречаются два погребения круглой формы, а также захоронения с положением трупа на спине (195, с. 215).

Все погребения из вышеперечисленных памятников роднятся с погребениями из Кети близким ритуалом захоронения. Разница в количестве керамических сосудов, наблюдаемая в погребениях Кети, вероятно, объясняется тем, что в каждом из них было произведено несколько захоронений—от 2 до 7 и с каждым покойником в качестве сопровождающего инвентаря клали 1—2 сосуда.

В погребениях Кети нет никаких следов жертвенных животных или положения с покойником мяса, что присуще всем другим синхронным погребениям. С этой точки зрения интересную параллель представляют погребения из 1 слоя Нахичеванского Кюль-Тепе, устроенные под полами жилых комплексов. В каждом из них обнаружено 1—4 захоронения без следов положения с покойником какой-либо мясной пищи (5, с. 29—44).

Интересным моментом погребального ритуала является укладывание головы покойника на небольшой камень из туфа. Это явление до раскопок погребений Кети было обнаружено лишь в погребениях более позднего железного века из Артика (254, с. 148), Кировакана (247, с. 13), Атарбеяна (254, с. 149) и т. д.

Погребения из Кети охватывают все этапы ранней бронзы. Если их конструкции не изменяются на всем протяжении этой эпохи, то этого нельзя сказать об обнаруженном в них археологическом материале, рассмотрение которого выявляет наличие нескольких этапов развития культуры раннебронзовой эпохи. Особенно ярко это прослеживается при комплексном рассмотрении материалов.

В погребении № 1 обнаружены миски и кубки. Миски имеют светло-серую и светло-коричневую лощеную поверхность, расширяющееся тулово, двускатный расширяющийся, отогнутый наружу венчик, плоское дно (табл. 25, рис. 5—8). Аналогичные миски обнаружены в погребениях и поселении Элара. Стратиграфические условия их залегания позволили Э. В. Ханзадян отнести их к I половине III тыс. до н. э. (246, с. 26, 37—49, рис. 17, 19, 40, 43, 53, 63, 66). Подобные миски обнаружены в нижних слоях культурного пласта эпохи ранней бронзы Медамора (246, с. 19—20, рис. 16—18) и в нижних слоях Мохрабура (19, с. 148, рис. 4). Этим же временем датируются находки из помещения № 156 Лчашена²³. Сосуды этого типа известны из каменных ящиков Арчеша, Адилджеваза (280, с. 181, рис. 55, 56, с. 189, рис. 107—109), из слоев К—I и частично К—II Геой-Тепе, также датируемых первой половиной III тыс. до н. э. (132, с. 62) и из погребений ранних периподов ранней бронзы Амиранис-Гора и Самшвилде. Во всех вышеперечисленных памятниках миски этого типа были встречены вместе с сосудами, украшенными орнаментом в виде ямочек, шишек и косых продольных рельефных линий. Аналогичные материалы найдены в погребениях № 5, 6 Кети, которые датируются нами ранним периодом ранней бронзы. Эта датировка подтверждается и при рассмотрении кубков. Они имеют чернолощеную поверхность и серую и светло-розовую подкладку, выпуклое тулово, небольшое плоское дно, цилиндрическую шейку и слегка отогнутый венчик. Переход от шейки к тулову подчеркнут небольшой кольцевидной бороздкой (табл. 26, рис. 1—4). На ряде сосудов на стыке тулова с шейкой помещена полуша-

²³ Раскопки А. О. Минацаканяца, ГМИА, № 2489/137.

ровидная ручка. Кубки этого типа имеют многочисленные параллели в большом числе памятников Армении и соседних стран, датируемых первой половиной III тыс. до н. э. Они встречены в материалах Ленинанкана²⁴, некрополя и поселения Элара (246, с. 25, рис. 14, с. 37—49, рис. 41, 45, 55, 59, 63, 67), 9-го горизонта Джраовита (246, с. 25), 2-го слоя Нахичеванского Кюль-Тепе (4, табл. 29) и других памятников. В большом числе кубки этого типа обнаружены в каменных ящиках Самшвилде (169, табл. 9, 10). Приведенные параллели позволяют убедительно датировать материалы из погребения № 1 I четвертью III тыс. до н. э.

К этому же времени относятся находки из погребения № 2 Кети — кубки, миски и горшки того же типа, что и в погребении № 1, украшенные ямочками (табл. 27, рис. 3—4). Один из горшков имеет черноточенную поверхность, вздутое тулово, высокую цилиндрическую шейку, слегка отогнутый венчик и плоское дно. На плечах сосуда имеются ложные лепные пирамидальные ручки (табл. 27, рис. 1). Другой черноточенный горшок имеет высокую цилиндрическую шейку, плоский горизонтальный венчик, вздутое тулово и плоское дно. На плечах сосуда помещены ручки с вдавленными ребрами (табл. 27, рис. 2). Точная аналогия ему обнаружена в нижнем слое Е Хизанаант-Гора (132, с. 74, рис. 26). Следующий горшок близок к горшкам, обнаруженным в Камо, Эларе (242, табл. 14) и Гарни (243, с. 48, рис. 38). Подобные горшки, датируемые ранними периодами ранней бронзы, известны и из Игдира (121, с. 77, рис. 34), Арчеша (3280, с. 182—183), слоев К—1 и К—2 Геой-Тепе (282, рис. 8, 9), а также из памятников I половины III тыс. до н. э., Амиранис-Гора (269, табл. VIII), Самшвилде (169, табл. XIX) и Баба-Дервиш (98, с. 25, табл. II).

Обнаруженные в погребении № 3 кубки и миски типологически повторяют образцы из погребения № 1 (табл. 28, рис. 7). Здесь найден также сосуд цилиндрической формы коричневатых-розовых оттенков, изготовленной из глины с большой примесью песка. Дно широкое плоское, венчик с горизонтальными губками (табл. 28, рис. 8). Сосуды этого типа без изменений бытуют с начала III тыс. до н. э.

Обнаруженные в погребении № 4 горшки, кубки и миски (табл. 29, рис. 1—6) типологически повторяют вышеописанные сосуды.

То же относится и к кубкам, горшкам и мискам из погребения № 5 (табл. 30, рис. 8—14). Но в двух экземплярах выявляются новые черты (табл. 30, рис. 14). Одна миска отличается способом крепления ручки к венчику (табл. 30, рис. 14). Подобными ручками наделены сосуды из нижних слоев (9—8 м глубины) Караза (132, с. 69, рис. 24), слоя К—1 Геой-Тепе (132, с. 90, рис. 35), из каменных ящиков Арчеша (280, с. 183, рис. 102), Амиранис-Гора (269, табл. 7, 8), слоя Е Хизанаант-Гора (132, с. 74, рис. 26), II слоя нижнего горизонта Нахичеванского Кюль-Тепе (4, табл. 29).

Вторая миска имеет вдавленное дно и небольшие ручки-выступы на плечах, и по обе стороны от которых на одинаковом расстоянии помещены косые рельефные линии. Подобное расположение ручек-выступов и рельефных косых линий прослеживается на фрагментах мис-

²⁴ Несколько кубков этого типа были недавно обнаружены на территории Ленинанканской птицефабрики. Хранятся в МИИШ.

ки из некрополя Элара (246, с. 46, рис. 61), плечики которой украшены тремя выступами в сочетании с рельефными выступами седловидных очертаний. Оба сосуда украшены ямочками и вдавленными косыми ребрами (246, с. 25, рис. 16, с. 46, рис. 60). Сосуды с идентичными украшениями характерны для нижних (9—6) горизонтов Джравита (246, с. 47). Парными выступами или выступом в сочетании с косым рельефным ребром украшены фрагменты мисок из погребений Джрарата²⁵ и часть керамики из II слоя Нахичеванского Кюль-Тепе (7, с. 45, табл. 2), Мингечаура (169, табл. 11).

Сосуды с вдавленным дном появились в поселении раннеземледельческой культуры Техута (228, табл. 9) и получили особое распространение во II половине III тыс. до н. э., поэтому их невозможно использовать для точной датировки.

В погребении № 5 встречен еще один вид горшков. Они имеют черную или коричневую поверхность при розовой или коричневой подкладке. Тулово вздутое, плавных очертаний с низкой цилиндрической шейкой и широким плоским дном. Венчик отогнут наружу. На плечах имеются двойные полушаровидные ручки (табл. 30, рис. 5, 6). На плече одного сосуда помещена пара спиралевидных украшений (табл. 30, рис. 6). Горшки этого типа известны из окрестностей Ани (147, с. 18, табл. 7) и Арагаца (139, рис. 44). Сосуды со спиралевидными украшениями лишь на одной стороне изделия известны из нижних слоев Караза (132, с. 69, рис. 24), Амиранис-Гора (269, с. 79, рис. 11), II слоя Нахичеванского Кюль-Тепе, согласно радиокарбонной датировке, относящегося к началу III тыс. до н. э. (7, с. 45, табл. 2).

Обнаружение в нижних слоях Мохраблур, датруемых согласно новейшим данным временем перехода от IV к III тыс. до н. э., образцов керамики, орнаментированных небольшими ямочками и редкими спиралями, также говорит в пользу датировки наших находок I половиной III тыс. до н. э. (19, с. 148—153).

В погребении № 5 обнаружены также черные или коричневые лощеные кувшины с розовой или коричневой подкладкой, вздутым туловом, высокой цилиндрической шейкой, отогнутым наружу венчиком и плоским дном. На месте соединения шейки с туловом помещена слегка вытянутая горизонтальная ручка полушаровидной формы. На одном из экземпляров имеются три ручки (табл. 30, рис. 1—4). Параллели известны из материалов Армавирского холма (121, табл. XXIII), Дидубе (119, рис. 23), Самшвилде (169, табл. XIII), нижних слоев Амиранис-Гора (132, с. 74, рис. 26), Грени (59, с. 36, рис. 1, с. 64, рис. 18), слоев Хизанаат-Гора Е, Квацхелеби—С (132, с. 74, рис. 26), Квемо-Картли (193, табл. XXXII, XXXIII). Они обнаружены и во II слое нижнего горизонта Нахичеванского Кюль-Тепе (4, табл. 27), в курганах Степанакерта (221, с. 93, рис. 6—8), поселении Луговое (187, с. 109, рис. 31), в слое К—I Геой-Тепе (132, с. 90, рис. 35) и в Арчеше (280, рис. 84). Сосуды этого типа бытуют на всех этапах эпохи ранней бронзы с некоторыми изменениями пропорций тулова—в дальнейшем шейка становится короче и уже, уменьшается диаметр дна, становится более плавным переход от шейки к тулову, а на последнем этапе этой эпохи они приобретают подчеркнутую трехчастность. Мате-

²⁵ Раскопки А. О. Минакакаяна, ГМНА, № 1939/39.

риалы Арича (254, с. 64, рис. 20), Элара (243, с. 77, рис. 69), слоя К—1 Геой-Тепе (132, с. 90, рис. 35) и переходного от ранней к средней бронзе слоя Яник-Тепе (281, с. 138—153) дают возможность проследить развитие кувшинов этого типа на всех этапах.

Обнаруженные в погребении № 6 кубок, горшки, миски, кувшин и цилиндрический сосуд типологически идентичны вышерассмотренным (табл. 31). Кроме них здесь найден сосуд, изготовленный из глины с примесью крупного песка розовато-коричневых тонов. Он имеет широкое дно и расширяющиеся к венчику борта. У венчика помещена одна ручка (табл. 31, рис. 8). Сосуды этого типа встречаются на всех этапах эпохи ранней бронзы и не могут служить датированным материалом.

Рассмотрение материала комплексов погребений № № 1—6 показывает, что они датируются I четвертью III тыс. до н. э.

Следующий этап (II четверть III тыс. до н. э.) развития культуры ранней бронзы представлен материалами из погребения № 7—горшками, мисками и кубком (табл. 32), типологически близкими к вышеописанным сосудам I этапа ранней бронзы. Различие прослеживается лишь в орнаментации. Сосуды этого времени орнаментированы не только с одной стороны, а по всей поверхности тулова. К примеру, во II снизу слое Мохрабура обнаружен сосуд, все тулово которого украшено косыми рельефными ребрами (19, с. 148). В пользу предположенной датировки свидетельствует и тот факт, что на керамических сосудах II половины III тыс. до н. э. этот вид орнамента отсутствует.

Комплексы погребений № № 8 и 9 представляют собой материалы следующего этапа развития культуры эпохи ранней бронзы. В погребении № 8 найдены кубки, горшки и миски (табл. 33). Тонкостенные кубки имеют чернолощеную поверхность, невысокую, слегка суженную шейку и отогнутый наружу венчик. Переход от шейки к выпуклому тулову подчеркнут. Невысокая нижняя часть тулова круто соединяется с низким плоским дном (табл. 33, рис. 1—3). Подобные кубки характерны для комплексов Арича (254, с. 69, рис. 31а) и Элара (243, с. 31, рис. 27). Один из образцов снабжен ручкой, примыкающей к венчику и по очертаниям напоминающей треугольник. Дно подчеркнуто сужением нижней части тулова. Параллели встречены в погребении № 11 Элара и среди случайных находок (243, рис. 76, 77). Особое значение имеет находка аналогичных кубков в III—IV слоях Шенгавита²⁶ (216, с. 182, рис. 2, 3). Согласно радиокарбонному анализу IV слой Шенгавита датируется 2020 ± 80 г. до н. э. (216, с. 182). Подобные кубки обнаружены также в Джуджеване, Джозаге (263, с. 253—254, рис. 73), в погребениях Мец Чала (80, с. 100, табл. 82), в Преш-Блуре, Кюль-Тепе (242, табл. 19), в Двине (134, с. 7, рис. 2), Триалетских курганах (119, табл. 24), слое в Квацхслеби (132, с. 74, рис. 26), Баба-Дервише (132, с. 80, рис. 28) и других памятниках II половины III тыс. до н. э.

Миски имеют чернолощеную поверхность при серой подкладке, выпуклое тулово, отогнутый наружу венчик. Нижняя часть сосуда приземистая. Плоское небольшое дно подчеркнуто сужением. Одни

²⁶ Нумерация культурных слоев Шенгавита автором раскопок, вопреки принятой схеме, дана снизу вверх. Мы вынужденно сохраняем нумерацию С. А. Сардаряна

образа ец украшен вдавленным с двух сторон выступом-ручкой, а другой снабжен рельефными ручками, изображающими голову барана. Все тулово мисок покрыто процарапанным геометрическим орнаментом (табл. 33, рис. 4, 6). Подчеркнутые переходы на сосуде и процарапанный орнамент геометрического характера типичны для керамики II половины и конца III тыс. до н. э. Сосуды с такими чертами обнаружены в большом количестве в слоях II половины III тыс. до н. э. Арча (254, с. 63—69) и Кировакана (242, табл. 25), а также в III—IV слоях Шенгавита, датируемых концом III тыс. до н. э. (216, с. 182). Ту же датировку имеют находки из шурфа Р.—3 III террасы Элара (246, табл. 1—3), из верхнего слоя Джраовита (146, с. 34), из Цалки (43, табл. 7), погребения Тетри-Цкаро (63, табл. 11). Баба-Дервиша (43, табл. 7), погребения Тетри-Цкаро (63, табл. 11), Баба-Дервиша датирует их IV—III тыс. до н. э. (197, с. 63). Но мы вновь подчеркиваем, что миски этого типа не характерны для IV тыс., они появились в начале III тыс. и претерпели значительные изменения в его конце. Фрагменты керамики, орнаментированные тонкими линиями, обнаружены и в памятниках конца эпохи ранней—начала эпохи средней бронзы в районах Малатии (280, рис. 225, 230, 232), Еникье (291, табл. 113), Тепечика (285, рис. 12, 13), Яник-Тепе (281, с. 138—153).

Особый интерес представляет уникальная миска (табл. 33, рис. 6) с ручками в виде бараньих голов. Стилизованные или реалистические изображения барана характерны для данной эпохи. Об этом свидетельствуют находки сосудов ритуального назначения, украшенные выступами в виде бараньей головы, обнаруженные в Кети (табл. 14, рис. 1), Арче (254, с. 89, рис. 42), Ширакаване, Блуре (290, рис. 4) и других местах. Бараньими головками украшены навершия иглопроколов из Квацхелеби (67, табл. 36) и Урбиси (261, рис. 4) и 2 фрагмента керамических сосудов из слоя этого времени Гарни (243, с. 76, рис. 73). Широкое распространение изображений барана может быть связано с его культом.

В этом же погребении обнаружен чернолощеный горшок с сероватой подкладкой, невысокой цилиндрической шейкой, отогнутым наружу венчиком и подчеркнутым переходом нижней части тулова к небольшому плоскому дну. Там, где шейка переходит к тулову, помещены две ложные ручки, украшенные с обеих сторон вдавленными ямочками. Все тулово покрыто процарапанным орнаментом (табл. 33, рис. 5).

Рассмотрение материалов погребения № 8 Кети позволяет убедительно отнести весь комплекс его находок ко II половине и концу III тыс. до н. э.

Последний этап культуры ранней бронзы представлен материалами из погребения № 9 Кети—горшками, кувшинами и фрагментом керамической подставки (табл. 34). Один из горшков имеет чернолощеную поверхность и розоватую подкладку. Тулово выпуклое, шейка цилиндрическая, венчик отогнут наружу, дно плоское. По бокам имеются две ложные ручки с вдавленными с двух сторон ямочками (табл. 34, рис. 2). Как указывалось выше, сосуды этого типа бытуют на ранних этапах ранней бронзы, сохраняясь пережиточно и на его последних этапах. Остальные образцы характерны для этого периода, но в то же время обладают и чертами, присущими последующему периоду.

ду—эпохе средней бронзы. С этой точки зрения интерес представляет кувшин с серовато-коричневой нелощеной поверхностью, вытянутым расширенным туловом, высокой цилиндрической шейкой, слегка отогнутым венчиком и широким плоским дном. Черепок в разломе в отличие от других керамических изделий однослойный. Плечи сосуда украшены двумя процарапанными волнистыми поясками (табл. 34, рис. 1). Подобная орнаментация, присущая концу III—началу II тыс. до н. э., прослежена в верхнем слое Яник-Тепе (281, табл. LXX, LXXI) и в ряде памятников района Малатья (280, рис. 235, 236), в верхних слоях Амиралис-Гора и Караза, в слое В Квацхелеби (132, с. 63, рис. 21, с. 69, рис. 24, с. 74, рис. 26). Кувшины с вытянутыми вздутыми туловами и плавными переходами сравнительно редки для памятников ранней бронзы. Единичные их находки известны из верхних слоев Караза и Яник-Тепе (132, с. 69, рис. 24, с. 94, рис. 39). Однако у кувшинов из этих памятников венчик не отогнут, а обрван, днища имеют острые очертания. Таким образом, в описываемом кувшине древние традиционные черты сочетаются с новыми, присущими последующей эпохе. Это в свою очередь позволяет искать корни культуры эпохи средней бронзы (I половины II тыс.) в материалах III тыс. до н. э.

Третий кувшин розоватого цвета со вздутым биконическим туловом, высокой цилиндрической шейкой и плоским дном. Венчик имеет широкие горизонтальные губки, заходящие внутрь горловины и за все, на которые нанесен процарапанный орнамент в виде сложного меандра, образующего шестиконечную звезду. Углы между концами звезд заполнены треугольниками или параллельными линиями. Горшки этого типа совершенно идентичны группе трехчастных сосудов из Арагаца. Как справедливо отмечено А. А. Мартirosьяном, сосуды этой группы несут на себе следы предыдущей эпохи, приобретая в то же время черты нового этапа керамического производства, ставшие широко распространенными в начале эпохи средней бронзы (155, с. 42—46). Это подтвердилось находками в Нахичеванском Кюль-Тепе фрагментов из слоев начала II тыс., аналогичных изделиям конца III тыс.²⁷, а также находками из верхнего слоя Яник-Тепе (281, табл. LXXI) и слоя К—3 Геой-Тепе (132, с. 90, рис. 35) и других памятников. Уникален венчик сосуда, хотя орнаментальные мотивы на нем, характерные для последних этапов эпохи ранней бронзы, известны по находкам из III—IV слоев Шенгавита (216, с. 182—183, табл. IV—1, IV—II), Гарни (243, с. 52, рис. 41, с. 61, рис. 59) и Элара (246, с. 33, рис. 31). Исходя из формы венчика можно предположить, что сосуд являлся культовым.

Деталь керамической подставки (табл. 34, рис. 4), являвшаяся частью культового предмета, заменяла здесь, по-видимому, сам предмет. Факт положения в погребение предметов культово-ритуального назначения известен в Арагаце²⁸ и в других местах.

²⁷ Раскопки В. Г. Аллева. Пользуемся случаем поблагодарить его за ознакомление нас с неопубликованным материалом.

²⁸ Раскопки Р. М. Торосьяна, материалы не опубликованы.

Таким образом, предметы, обнаруженные в погребениях III тыс. до н. э., составляют неразрывную часть культуры ранней бронзы, к концу которой появляются новые приемы и формы, получившие свое развитие в последующий период.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ

Новые материалы для изучения эпохи средней бронзы—этого еще мало исследованного в Армении и Шираке периода дают погребения I половины II тыс. до н. э.

Погребение № 10 расположено в северной части могильника Карот хогер. Перекрыто двумя плитами размерами $1,6 \times 1,4$ и $1,5 \times 0,7$ м. Погребение грунтовое катакомбного типа. Овальный вход размерами $1,5 \times 0,9 \times 1,7$ м ведет в погребальную камеру размерами $2,8 \times 1,9 \times 0,7$ м (табл. 35, рис. 3). 17 керамических сосудов обнаружены в вырытой нише, а 10—в южной части камеры. Здесь же обнаружены бронзовые проколки, серьга, обсидиановый отщеп и сердоликовая бусина (табл. 36). Вдоль восточной стены найдены части костяка крупного рогатого скота и целый костяк барана. Внутри камеры прослеживались следы пепла и остатки сожженного дерева, что позволяет сделать предположение о практиковании трупосожжения.

Погребение № 11 расположено в 5 м южнее предыдущего. Перекрыто двумя плитами размерами $2,4 \times 1,6$ и $0,7 \times 1,9$ м. Погребение катакомбное в виде овальной ямы диаметром 1,3 м, расширяющейся на глубине 1,6 м до 1,9 м. Здесь также сохранились следы трупосожжения—остатки обуглившегося дерева. На полностью сохранившемся скелете барана лежали бесформенные отщепы обсидиана, а в стороне—дисковидная крышка из вулканического шлака. По краю камеры обнаружены керамические горшки, миски, кубок, солонки, обсидиановые стрелы, маленькие бронзовые бусы (табл. 37).

Погребение № 12 расположено в восточной части некрополя и представляет собой кромлех диаметром 5 м. Оно было перекрыто одной большой ($1,5 \times 1,1$ м) и двумя маленькими плитами. Грунтовая камера размерами $2,3 \times 1,4 \times 1$ м ориентирована с севера на юг. Вдоль северной стены были расставлены 6 кувшинов и 7 мисок. В центре камеры найдены солонка и тарелочка, а у южной стены—миска и биконический сосуд. В одной из мисок обнаружен обсидиановый отщеп (табл. 38). В погребении обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, а также остатки древесного угля. В одном из кувшинов обнаружены обожженные кости погребенного, что свидетельствует о трупосожжении.

Погребение № 13 расположено в 35 м южнее 12-го, перекрыто одной большой плитой размерами $2,3 \times 2,1$ м. Грунтовое захоронение прямоугольной формы с закругляющимися углами ориентированы с востока на запад. Размеры $1,9 \times 1,5 \times 1,25$ м. Костяк отсутствует (табл. 35, рис. 2), что, по-видимому, объясняется трупосожжением. В погребении обнаружены 4 горшка и три миски (табл. 39).

Погребение № 14 расположено в 200 м южнее предыдущего. Перекрыто двумя плитами размерами $1,1 \times 0,7$ и $1 \times 0,65$ м. Грунтовая камера размерами $1,8 \times 0,7 \times 0,8$ м ориентирована с северо-запада на

юго-восток. Костяк не обнаружен. В погребении найден один сосуд (табл. 40, рис. 8).

Погребение № 15 расположено в 7 м южнее погребения № 12. Перекрыто тремя плитами размерами 1,8×0,7, 1,6×0,8 и 1,7×0,75 м. Грунтовая, прямоугольных очертаний погребальная камера размерами 2×1,4×0,8 м ориентирована с востока на запад. В камере обнаружен костяк в скорченном положении, лежащий на левом боку, головой на запад. У головы стояли 4 керамических сосуда (табл. 40, рис. 1—4).

Погребение № 16 находится в 50 м юго-восточнее 10-го. Перекрыто двумя плитами размерами 1,5×1,4 и 1,3×0,6 м. Погребальная камера размерами 1,4×1,1×0,6 м ориентирована с севера на юг. В погребении обнаружен скорченный костяк, лежащий на левом боку головой на север. Рядом найдены 2 керамических сосуда и одна крышка (табл. 40, рис. 5—7).

Погребение № 17 находится в 20 м севернее предыдущего. Погребение полуразрушено. В нем обнаружены разбросанные кости погребенного и два керамических изделия (табл. 41).

Погребение № 18 расположено в 30 м южнее предыдущего. Имеет невысокий кромлех диаметром 7 м. Грунтовая камера, перекрытая четырьмя плитами 1,5×1, 2,4×0,9, 2×0,6 и 1,5×0,5 м, ориентирована с востока на запад и имеет размеры 4×2×2,5 м. Здесь обнаружен костяк, лежащий в скорченном положении на правом боку, головой на восток. У головы и ног обнаружены кости мелкорогатого скота. У головы обнаружены также украшения из камня, бронзы и белой пасты и булавки. У северной стены найдены 17 керамических сосудов (табл. 35, рис. 1, табл. 42).

Погребение № 19 расположено в юго-западной части некрополя. Имеет кромлех диаметром 9,5 м. Перекрыто двумя плитами размерами 1,9×1,6 и 2,1×1,7 м. Грунтовая камера, ориентированная с севера на юг, имеет размеры 1,8×1,5×1,5 м. В ней обнаружены 8 керамических сосудов. Костяк отсутствует (табл. 43).

Погребение № 20 расположено в 150 м северо-восточнее 19-го. Перекрыто четырьмя плитами размерами 1,8×1,1, 9×0,6, 1,1×1, 1,5×0,7 м. Камера прямоугольной формы размерами 2,8×1,5×1,8 м ориентирована с севера на юг. В погребении обнаружен костяк, лежащий на левом боку, головой на север. Руки покойника были подложены под голову. В северо-западном углу найдено 5 керамических сосудов (табл. 44). Один из них обнаружен на очаге, сложенном из трех камней²⁹. Насколько нам известно, очаг в погребениях в памятниках Закавказья встречен впервые. Среди обломков сосудов найдены обломки костей мелкого рогатого скота.

Таким образом, погребения могильника Карот Хогер эпохи средней бронзы подразделяются на три группы: а) грунтовые катакомбы с овальным входом; б) грунтовые захоронения прямоугольной формы; в) каменные ящики прямоугольной формы. Все они перекрыты двумя-четырьмя плитами, а некоторые окружены кромлехами. Если прямоугольная форма погребений характерна для Кети в III тыс. до н. э. и позднее, а также для Арча (254, с. 92—98), Шамирама (20, с. 13), Верин-Навера (218, с. 81), Ширакавана и Лчашена (239), то

²⁹ Этот и два других сосуда были сильно размельчены, и не имеется возможности восстановить их форму.

погребения яйцевидной или овальной формы встречены среди памятников III тыс. до н. э. Арпча (254, с. 93—94), Элара (246, с. 36, рис. 39), Бассейна Севана³⁰, Кирги (80, с. 101). Погребения круглой и овальной формы известны также в Грузии и Азербайджане: Самшвилде (вторая половина IV тыс. до н. э.), Степанакерте (конец III тыс. до н. э. (221, с. 92) и Гянджа-Чае (47, с. 21). Примечательно, что катакомбные погребения Кети имеют сходство с Айгешатским³¹ (Эчмиадзинский район), датируемым первой половиной II тыс. до н. э. и погребениям XVIII—XVII вв. до н. э., открытыми у с. Норабац Масисского района (21, с. 26).

Несколько более поздним временем датируются катакомбные погребения Артика, высеченные в туфовом грунте (255). Таким образом, на основании новых археологических данных можно утверждать, что хорошо известный из раскопок Артика тип катакомбных захоронений восходит к ранним этапам средней бронзы. Катакомбные могилы были широко распространены в Азии и Европе, и к их рассмотрению мы обратимся ниже. Особенно хотелось бы отметить, что катакомбные грунтовые погребения раннего Ашура так же, как и погребения Кети имели вертикальные входы, засыпанные землей и камнями, и были закрыты плитами (273, с. 79).

Как мы видим, в Кети встречаются все формы погребений, обнаруженные в синхронных памятниках Ширака и Армении. Это явление, как будет показано ниже, касается и погребального ритуала. В Кети наблюдается одновременное бытование обычаев трупоположения и трупосожжения, в то время как для погребений Арпча, за исключением погребения № 44 (254, с. 93), Лчашенского памятника, погребений № № 7 и 14 и могильников Верин Навера (218) и Айгешата³², характерно трупоположение. Ритуал трупоположения наблюдается также в погребениях Шамирама (20) и курганных погребениях Трналети за исключением № № 22 и 24 (119, с. 43).

Основным отличием могильника Кети является то, что все обнаруженные здесь разнообразные формы могил были грунтовыми. Исключением следует считать погребение № 16, которое, по нашему мнению, было сооружено в III тыс. до н. э. и впоследствии вторично использовано в период средней бронзы. В пользу этого предположения свидетельствуют черепки сосудов III тыс. до н. э., обнаруженные в его насыпке.

Материалы погребений Кети № № 10—20 можно подразделить на изделия ранних и поздних этапов средней бронзы. К раннему этапу относятся материалы погребений № № 10—17 (табл. 31—41).

В погребении № 10 найдены горшки и разнообразные миски. Горшки изготовлены из глины с большой примесью песка. Неангобированный черепок имеет заглаженную поверхность розоватого или коричневого цвета. Тулово вытянутое, шейка цилиндрическая, высокая, венчик отогнут наружу, дно плоское (табл. 36, рис. 1—5).

Горшки таких пропорций известны в материалах последнего этапа эпохи ранней бронзы из Кети, Степанакерта (221, с. 93, рис. 1—3) и других памятников.

³⁰ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

³¹ Раскопки Р. М. Торосяна, материалы не опубликованы.

³² Раскопки Р. М. Торосяна, материалы не опубликованы.

Миски можно подразделить на два типа. К первому относятся миски розоватого цвета, изготовленные из глины с большой примесью песка. Обжиг плохой. Тулово полусферовидное с загнутым внутрь венчиком и плоским дном (табл. 31, рис. 6—8, 20, 21). Подобные миски встречены в памятниках эпохи средней бронзы в Ариче (254, с. 104, рис. 57, с. 10, 60), Гарни (243, табл. XXV), Эларе (246, с. 77, рис. 105), Айгешате³³, Азнабюрте (12, с. 119, рис. 3) и др. Миски второго типа, розоватого или светло-коричневого цвета с заглаженной поверхностью, также изготовлены из глины с большой примесью песка. Борты вертикальные, края венчика обрезаны, дно плоское (табл. 36, рис. 19). Миски этого типа, появившись в эпоху ранней бронзы, бытовали без изменений до конца эпохи средней бронзы. Они известны по материалам Арича—2 тыс. до н. э. (254, рис. 46), Двина—III тыс. до н. э. (134, с. 9, рис. 9) и др. В погребении найдена крышка из вулканического шлака с вогнутой поверхностью (табл. 35, рис. 221), аналогичная крышкам из 25-го и 2-го погребений Элара (246, с. 64, табл. 12, с. 76, табл. 14), с. Айгешат Эчмиадзинского района³⁴, курганных погребений Триалети (85, табл. 62) и др. Такие изделия известны пока лишь по памятникам эпохи средней бронзы. Бесформенный обсидиановый отщеп (табл. 36, рис. 24), встречающийся во всех погребениях эпохи бронзы, по-видимому имел ритуальное значение (195, с. 216). Шаровидная сердоликовая бусина (табл. 36, рис. 23) характерна для III—II тыс. до н. э. и не может служить датировующим элементом. Здесь найдена также булавка из бронзы круглого сечения с грибовидной головкой, под которой проделано овальное отверстие (Ленинканский краеведческий музей, № 1832). Булавки такого типа известны на территории Армении и Закавказья с начала II тыс. до н. э. по находкам в Кармир-Ванке (155, с. 5, рис. 30), Триалети (43, табл. 17, 21, 24), Трели (222, с. 51, 56), Азнабюрте (112, с. 119, рис. 3) и др. Булавки с грибовидными головками употреблялись в Месопотамии в эпоху ранних династий (292, с. 12—25). По мнению Л. Вулли, украшения этого типа сопровождалась низками бус (292, с. 13, 25). Они обнаружены в погребениях Ура, Аладжа-Гуюка и в других памятниках (292, с. 13—15). В Закавказье они получают широкое распространение в памятниках II половины II тыс. до н. э. (246, с. 103).

В погребении № 11 найдены горшки, миски, кубки, крышки и обсидиановые отщепы (табл. 37). Из 5 горшков 4 повторяют горшки погребения № 10 (табл. 37, рис. 2—5), один (табл. 37, рис. 1) отличается от них наличием на боках вдавленных зигзагообразных линий, украшавших сосуды конца III тыс. до н. э. Арича (254, с. 65—69, рис. 22—25, 29, III—IV слоев Шенгавита (216, с. 182—187, табл. LV—LX), Арагаца, (155, с. 42—45, рис. 10—13), Триалети, табл. 5—35). Они встречаются в кургане № 120 Лчашена. (178), датированном концом III—началом II тыс. до н. э., в погребении № 3 Арича (254, с. 98, рис. 50), в нижних слоях Узерлик-Тепе (131, с. 87—90, рис. 17—21) и в других памятниках эпохи средней бронзы.

Миски схожи с мисками из погребения № 10 (табл. 37, рис. 6—

³³ Раскопки Р. М. Торосяна, Эчмиадзин, краеведческий музей № 2877/79.

³⁴ Раскопки Р. М. Торосяна, материалы не опубликованы.

14). Исключением является миска (табл. 37, рис. 7), нижняя часть тулова которой резко переходит в дно. Подобные миски, являясь редкими для данного времени, обнаруживают отдаленное сходство с сосудами, характерными для некоторых памятников ранней бронзы (Шенгавит, Шрен-Блур) и находками из 2-го погребения Айгешата, датруемыми началом II тыс. до н. э.³⁵

Таким образом, горшки и миски II-го погребения типологически относятся к концу III—началу II тыс. до н. э. Каменная крышка характерна для изделий эпохи средней бронзы. Это дает возможность датировать комплекс погребения XX—XVIII вв. до н. э.

Особого внимания заслуживает серовато-желтый кубок, являющийся редкостью для этой эпохи. Он имеет закругленное тулово с невысокой слегка суженной шейкой с вертикально срезанным венчиком (табл. 37, рис. 15) и типологически также связан с изделиями последних этапов эпохи ранней бронзы, известными по находкам из курганных захоронений Триалети (85, табл. 48) и № 5 Шулавери (193, табл. 38). Точная аналогия кубка из Кети найдена в полуразрушенном погребении с. Ахджагала Эчмиадзинского района³⁶. Обнаруженный здесь кубок вместе с расписными и простыми сосудами этого могильника отнесен А. А. Мартиросяном и Э. В. Ханзадян к раннему периоду эпохи средней бронзы (155, с. 52, табл. 64) и позволяет датировать и кубок этим временем. Ручка кубка аналогична ручкам на сосудах конца эпохи ранней и начала средней бронзы из памятников Грузии—Илто (59, с. 55, рис. 13), Ховле (59, с. 58), Корети (64, с. 138, рис. 29), курганных захоронений № № 39, 41 Триалети (43, табл. 30).

Из обнаруженных в погребении № 12 горшков (табл. 38, рис. 1—6) пять подобны горшкам из погребения № 11, один (табл. 38, рис. 6) украшен треугольниками, образованными вдавленными линиями и заполненными точечным орнаментом, которые помещены между горизонтальными поясами. Аналогично украшена керамика начала II тыс. до н. э. Арича, Айгешата и нижнего слоя Узерлик-Тепе. Найдены также 10 мисок, маленькая солонка и обсидиановый отщеп. По сравнению с рассмотренным выше материалом новостью являются лишь три миски (табл. 38, рис. 7, 9, 10) и солонка с цилиндрическим туловом, характерная для всех этапов средней бронзы (табл. 38, рис. 16). Миски изготовлены из глины с большой примесью песка, нелощеные. Имеют низкое широкое вздутое тулово, выгнутый венчик и плоское дно. Украшены вдавленными кольцевыми поясами (табл. 38, рис. 7, 9, 10). По типу они близки к расписным мискам из Арича (254, с. 103, рис. 55), Тазакенда (129, с. 140—141, рис. 2, 3), Элара (246, рис. 86, 91) и других памятников начала II тыс. до н. э.

Интерес представляет и сосуд сравнительно редкой биконической формы с узким горлом и плоским дном, с роговатой или коричневой целоченой поверхностью (табл. 38, рис. 15), близкий к находкам из погребения № 34 Арича (254, с. 69, рис. 31), датруемым III тыс. до н. э., и из Кахети³⁷.

³⁵ Раскопки Р. М. Торосяна, ЭКМ, № 2876.

³⁶ ЭКМ № 388.

³⁷ Раскопки О. М. Джапаридзе, ГМГ № 82—973—2.

Горшки и миски, обнаруженные в погребении № 13 (табл. 39, рис. 4—7) и № 14 (табл. 40, рис. 8) идентичны вышерассмотренным сосудам и имеют общую с ним датировку.

В погребении № 15 обнаружены две глубокие миски (табл. 40, рис. 1, 2) и кубок (табл. 40, рис. 3), повторяющие исследованные предметы с незначительным отклонением. Ручка кубка более округлая, лишена выступа, а одна из мисок (табл. 40, рис. 2) имеет невысокий поддон, аналогичный поддонам сосудов из погребения № 14 Арича, относящегося к началу II тыс. до н. э. (254, с. 97, рис. 46), и погребения № 123 Лчашена, датируемого XXI—XIX вв. до н. э. (178, табл. 3). Другой сосуд представляет собой хорошо обожженное изделие из глины с большой примесью песка, серовато-коричневого цвета. Тулово яйцевидной формы, венчик обрезан (табл. 40, рис. 4). Аналогичны обнаружены в Ширакаване, Шахламе (80, с. 24, рис. 10) среди материалов эпохи ранней бронзы и в Гянджа-чае среди материалов эпохи ранней и начала эпохи средней бронзы (185, табл. 7). Наиболее ранние параллели известны из Техута (228, табл. 8) и энеолитических слоев Нахичеванского Кюль-Тепе (4, табл. 25).

В материалах погребения № 16 (табл. 40, рис. 5—7) привлекает внимание сосуд розоватого цвета с вздутым туловом, плоским дном и горизонтальными, слегка отогнутыми вверх губками венчика, изготовленный из глины с большой примесью песка (табл. 40, рис. 6). Аналогичны известны из комплексов Арича, относящихся к ранним этапам средней бронзы (254, рис. 46—49) и I слоя Узерлик-Тепе (131, с. 82, рис. 12). Остальные сосуды, как и обнаруженные в погребении № 17 горшок и миска (табл. 41), повторяют изделия из предыдущих погребений и датируются тем же временем. Таким образом, формы сосудов, обнаруженные в 10—17-ом погребениях Кети и манера их ornamentации прослеживаются с поздних этапов ранней бронзы и более характерны для начала эпохи средней бронзы, что позволяет датировать их XX—XVIII вв. до н. э.

К более позднему времени—XVI—XV вв. до н. э. относится погребение № 18 Кети; в котором обнаружены расписные сосуды, украшенные точечным лощеным орнаментом, стрела, булавки, бусы.

Три красноангобированных сосуда, расписанные черной краской, украшены орнаментом двух типов. Орнамент в виде широких сетчатых поясков и примыкающих к ним треугольников покрывает сосуд средних размеров с шаровидным туловом, широкой шейкой, округлым загнутым наружу венчиком и небольшим дном (табл. 42, рис. 1). На двух других сосудах, отличающихся от первого более короткой шейкой, орнамент в виде сетчатого рисунка на сдвоенных треугольниках нанесен лишь на плечах (табл. 42, рис. 2, 3). По форме первый сосуд имеет аналогии среди нерасписных сосудов II этапа средней бронзы из Ахчахали³⁸. Аналогичный орнамент встречен в Ариче (254, рис. 53, 56, 60, 61) и Ширакаване, на черно- или коричневолощенных сосудах, украшенных меандром, поясками или точечным орнаментом. Особого внимания заслуживают материалы из погребений Ширакавана, помогающие уяснить процесс эволюции к эпохе поздней бронзы. Подобные украшения являются излюбленными для расписной кера-

³⁸ Раскопки Р. М. Торосяна, материал не опубликован.

мики Кармир-берда (129, рис. 2, 3), а орнамент в виде треугольничков, заполненный сетчатым рисунком, встречается в Кирзе (15), Эларе (246, с. 68, рис. 94), Кармир-берде (129, рис. 2, 3), Айгеване (83, табл. 3, 4), Верин-Навере (217), Рустави (140, табл. XV), Кармир-Ванкс (155, с. 50), то есть памятниках, датирующихся поздними этапами средней бронзы. Аналогичный орнамент имеется и на фрагменте гондрии, обнаруженном в погребении № 3 Гянджа-Чая, датируемом поздним периодом эпохи средней бронзы (48, рис. 4).

Ряд исследователей считает, что формы и орнаментация сосудов Кармирбердского типа связаны с материалами последнего этапа ранней бронзы и одновременно выявляют новые черты, присущие материалам раннего этапа средней бронзы (91, с. 18—19; 199, с. 146—147; с. 43; 243, с. 117—121; 254, с. 109). Однако впоследствии Э. В. Ханзадян на основе рассмотрения материалов Мецамора, где были встречены и сосуды Кармирбердского типа, пришла к заключению, что нельзя исключать возможность более длительного бытования последних на поздних этапах этой эпохи (245, с. 23—24). С этой точки зрения особый интерес представляют собой находки сосудов тазакендского типа в Айгеване (81), Мецаморе и Джрабовите (246, с. 68—69).

Отдельную группу изделий 18-го погребения Кети составляют чернолощенные горшки с раздутыми туловом, высокими крутыми плечиками, небольшой шейкой, выгнутым венчиком и небольшим плоским дном. Плечи украшены точечным орнаментом, образующим волнистые линии, треугольниками и трехрядными поясками, отходящими от них вниз цепью полукругов и меандров (табл. 42, рис. 4—7, 10, 11). Один из сосудов орнаментирован точечными треугольниками, между которыми помещены нанесенные лощением лучи (табл. 42, рис. 5). Сосуды отличаются завершенностью форм, что более характерно для ранних этапов эпохи поздней бронзы. Подобные сосуды обнаружены в погребениях № 24 и № 85 Арича, датированных поздним этапом средней бронзы (254, рис. 73, 74). В погребении № 10 Ширакавана вместе с расписными сосудами тазакендского типа обнаружены кулонные сосуды, украшенные меандром и шнуровым орнаментом. Сосуды, украшенные точечным орнаментом, обнаружены также и в слое средней бронзы I раскопа Ширакавана, в Муханнат-Тепе³⁹, Кирзе (15, с. 270, табл. 1), Кармир-берде (129, с. 141, рис. 1), Эларе (143, рис. 94, 95), Апаране (249, с. 196—198), Лчашене (178, табл. 4), Нор-Баязете⁴⁰, а также в Тралети (43) и Илто, где они встречены в слоях раннего периода эпохи средней бронзы (59, с. 62, рис. 15), Самтавро (211, табл. 16), Квемо Картли (193, табл. XXX и др.), Трели (222, с. 18—19, рис. 19, 21, 23), в 12-ом погребении Ханлара и 139-ом Гянджа-Чая (49, с. 15—28, рис. 11, 12), в среднем слое Узерлик-Тепе (131, с. 91, 92, рис. 23, 24), в поселениях междуречья Гуручая и Кендаланчая (13, с. 55—56, табл. III, LVI) и др.

Сочетание точечной орнаментации с орнаментацией лощением получило широкое распространение в последние периоды эпохи средней бронзы и в эпоху поздней бронзы. Наиболее ранние образцы сосудов, украшенных орнаментом, нанесенным лощением, известны из

³⁹ ГМИА № 1439/491, 567, 1440/7, 73.

⁴⁰ ГМИА № 115/14.

Арича (254, с. 190) и из 4 и 10 курганов Триалети (43, табл. 5, 6), датированных III тыс. до н. э. В эпоху средней бронзы они встречены в 24 и 44 погребениях Арича (254, с. 112, рис. 67, с. 119, рис. 73), Муханнат-Тапе⁴¹, почти во всех курганах Триалети (43), в погребении № 43 Трели (222, с. 56, рис. 23). Шейка и плечики другого горшка (табл. 42, рис. 8) украшены двумя горизонтальными широкими поясами, нанесенными лощением на черную поверхность. Пространство между поясами заполнено волнистыми поясами и вертикальными стрелками, также нанесенными лощением. Этот способ орнаментации не был распространен в Закавказье за исключением Триалети, где он широко применялся в эпоху средней бронзы, начиная с конца III тыс. до н. э. (43).

Горшки Кети по стилю и характеру орнаментации более близки к изделиям конца I половины II тыс. до н. э. и датируются XVI—XV вв. до н. э.

Кухонный сосуд с вздутым туловом, сужающимся ко дну, и выгнутым венчиком изготовлен из глины с большой примесью песка. Высокие плечики украшены семечковидным орнаментом (табл. 42, рис. 9) довольно редким для кухонной посуды. Он встречается на сосудах из 10-го погребения Ширакавана, 85-го погребения Арича и № 5 Лило. 139-го погребения Самтавро (211, табл. IIб, IIIа), относящихся в основном к самому концу эпохи средней бронзы, как и новонайденные материалы из Ширакавана. Кухонные сосуды с подобной орнаментацией получают широкое распространение в последующий период—в эпоху поздней бронзы. Все это позволяет нам отнести рассматриваемый образец к последнему периоду эпохи средней бронзы—XVI—XV вв. до н. э.

Плечики чернолощеной глубокой миски полушаровидной формы с плоским дном и отогнутым наружу венчиком украшены широкими полосами, составленными из лощеных горизонтальных поясков и зигзагообразных линий (табл. 42, рис. 12). Сосуды с орнаментацией лощением по черной поверхности в виде широких параллельных поясков и пересекающих их линий встречены среди комплексов Арича, датированных XVI—XV вв. до н. э. (254, с. 119).

Обсидиановый наконечник стрелы из 18-го погребения с прямоугольной выемкой у основания (табл. 42, рис. 15) типичен для всех этапов средней бронзы. Аналогии известны из Арича (254, с. 114, рис. 69, с. 116, рис. 70), Эчмиадзина (155, с. 67, рис. 33), Лчашена (178, табл. 1), Триалети (43, табл. 17, 22, 27, 30), Кармир-Ванка (155, рис. 20а) и др. Украшения представлены сердоликовыми бусами шаровидной формы, бусами бочковидной формы из стекловидной пасты, бусами с рельефными выступами из обычной пасты, парными сдвоенными бусами, а также бронзовой булавкой с грибовидной головкой. Шаровидные сердоликовые бусы, характерные для всех этапов эпохи средней бронзы, найдены в Эчмиадзине (155, с. 67, рис. 33), Верин-Навер (218), Триалети (43, табл. 15, 17). Бусы из стекловидной пасты имеют параллели в погребениях эпохи средней бронзы Мецамора⁴², Арича (254, с. 116, рис. 71), Верин-Навера (217), курганах Триалети

⁴¹ ГМИА № 1439/436, 576.

⁴² Раскопки Э. В. Ханзадян, материалы не опубликованы.

(43, табл. 18, 20, 24) и других синхронных памятниках. Парные сдвоенные бусы почти не встречаются в это время и несколько более распространены в эпоху поздней бронзы. Бронзовая булавка с многогранным навершием имеет овальное отверстие. Под навершием имеется квадратной формы расширение. Выступ с грибовидной головкой отличается по форме проколки от булавок конца II четверти II тыс. до н. э. и последующего времени, найденных в Триалети (222, с. 51, рис. 19, с. 56, рис. 23) и в Кармир-Ванке (93, с. 11, рис. 29).

Таким образом, материалы из погребений Кети эпохи средней бронзы относятся к ее поздним этапам и датируются XVI—XV вв. до н. э. Твердым основанием для такой датировки служат уточненные стратиграфические наблюдения, проведенные в последнее время в поселениях Айгевана (81), Мецамора и Джраовита (246, с. 68—69).

Материалов II этапа эпохи средней бронзы, характерных для Ширака и материальной культуры всей Армении, в Кети пока не обнаружено, что объясняется как плохой сохранностью памятника, так и малыми размерами археологических раскопок.

В изучении процесса развития материальной культуры Армении особый интерес представляет исследование памятников, отражающих переходные моменты различных эпох древней истории. С этой точки зрения заслуживают внимания погребения № № 19 и 20 Кети. Обнаруженные в них керамические изделия технологически близки, что позволяет дать им общее рассмотрение.

Горшки имеют черную или коричневую лощеную поверхность, округлое тулово, невысокую шейку, выгнутый венчик, плоское дно. Плечики одного образца украшены волнистыми линиями, нанесенными шагающим гребенчатым штампом, а в центральной части тулова гребенчатым штампом нанесены два пояска. Другие сосуды орнаментированы при помощи лощения сетчатым узором или треугольниками, спаренными горизонтальными поясками. Шейка одного сосуда украшена цепью треугольников, также нанесенных лощением (табл. 43, рис. 1—3; табл. 1, 2). Эти сосуды во многом схожи с изделиями из 18-го погребения Кети и из погребений Арича XVII—XVI и XVI—XV вв. до н. э. (254, с. 106—120). Особый интерес представляет их сопоставление с сосудами, обнаруженными в погребениях XV—XIV вв. до н. э. XIV—XII вв., раскопанных у Ереванской очистительной станции (76, табл. 29). Наиболее древние из них расписаны черной краской по красному ангобу цепью косых треугольников и сетчатым орнаментом. Другие сосуды как по форме, так и по манере орнаментации полностью соответствуют материалу Кети, с тем отличием, что здесь не встречено изделий, украшенных гребенчатым орнаментом. По всей вероятности, в этих погребениях зафиксирован переход от эпохи средней к эпохе поздней бронзы, поскольку на однотипных сосудах в одном случае мы встречаем традиционную расписную орнаментацию, а в другом тот же мотив выполнен способом лощения более характерным для эпохи поздней бронзы. Аналогичные сосудам из Кети имеются среди изделий Лчашена с полихромной орнаментацией (178, с. 113, табл. 4), материалов Севан-ГЭСа (155, с. 57, рис. 21), Дилижана (80, с. 106, табл. 83), Севана⁴³. Большое сходство с материалами Ке-

⁴³ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

ти имеют находки из погребений Трели, датируемых концом второй четверти II тыс. до н. э. (222, с. 48—56, рис. 19, 21, 23) и Хачбулаха (186, с. 27, табл. II). Формы горшков из Кети и орнаментальные мотивы на них получают дальнейшее развитие в последующую эпоху поздней бронзы. Вместе с тем орнаментация гребенчатым штампом почти полностью исчезает, встречаясь лишь пережиточно на сосудах эпохи поздней бронзы, в то время как техника лощения, получившая наибольшее развитие на раннем этапе эпохи поздней бронзы, бытует и в следующие века. Об этом свидетельствуют находки из Арпча, датируемые XIV—XIII вв. до н. э. (254, с. 192, рис. 95, 96, с. 193, рис. 78), Гехарота (155, рис. 42), Мецамора (245, с. 30, рис. 30), Элара (246, табл. 16, 17), Лори-берда (56, с. 189, рис. 11), из памятников Оле и в Кахети, датируемого XV—XIV вв. до н. э. (210, табл. 54), Грмахевистави (222, с. 62, рис. 28, с. 72, рис. 31), Кармир-берда (коллекция Захарянца) (93, с. 8—9), Хачбулаха (108, с. 52—54, рис. 4—6), датируемого XIII—XII вв. до н. э. (108, с. 52—54, рис. 4—6).

Миски из погребений № № 19 и 20 (табл. 43, рис. 4—7, табл. 44, рис. 3) имеют чернолощеную поверхность, полушаровидное тулово и выгнутый венчик. Один образец имеет невысокий кольцевидный поддон. Плечики трех мисок украшены при помощи гребенчатого штампа волнистыми и горизонтальными поясками (табл. 43, рис. 6, 7, табл. 44, рис. 3), а две другие миски украшены сетчатым орнаментом и косыми линиями, нанесенными лощением. Таким образом, орнаментация мисок повторяет орнаментацию горшков.

Среди мисок выделяется сосуд с сероватой нелощеной поверхностью, вертикальным венчиком, плоским дном (табл. 43, рис. 8). Переход от тулова к венчику подчеркнут, здесь расположена шишкообразная ложная ручка. Эту редкой формы миску можно сопоставить с сосудами из Артика (254, с. 195—196, рис. 164, 109) и Элара (246, табл. 16, 18), датируемыми ранним этапом поздней бронзы.

Рассмотрение предметов керамического производства, обнаруженных в этих погребениях, убедительно показывает, что как по форме и орнаментации, так и по характеру изготовления они относятся к промежуточному этапу между эпохами средней и поздней бронзы и могут быть датированы II половиной XV—I половиной XIV вв. до н. э.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Материальная и духовная культура Кети эпохи поздней бронзы представлена материалами 11 погребений, раскопанных в могильниках Карот Хогер.

Погребение № 21 находится в восточной части некрополя. Имеет кромлех диаметром 9,5 м, высотой 0,8 м. Перекрыто четырьмя плитами 4,1×2, 2,6×1, 2,7×9 и 2,9×1,4 м, уложенными в виде ложного свода, причем большие плиты, помещенные в нижней части, несколько выступали над камерой, сужая пролет перекрытия. Камера прямоугольной формы размерами 4×2, 5×2,5 м вырыта в земле с ориентацией север-юг. В ней обнаружены остатки двухколесной повозки. Колеса диаметром 1 м сооружены из трех соединенных между собой досок. Сохранность плохая. Расстояние между ними 1,4 м. Диаметр

ступицы 20 см. У восточной стены найден скелет лошади, а под ним скелет жеребенка. Напротив кузова обнаружены останки погребенного, завернутого в циновки и осыпанного охрой. Он лежал в скорченном виде на левом боку. Около него найдены останки мелкого рогатого скота, а поверх них—отщепы обсидиана. В северной части камеры обнаружено 5 керамических сосудов (табл. 45, рис. 1), три с костями животных и отщепами обсидиана (табл. 46).

Погребение № 22 расположено в 100 м южнее погребения № 21. Погребение грунтовое. Камера неправильно прямоугольной формы размерами 4,2×1,6×2 м и с ориентацией север-юг имеет кромлех диаметром 6 м. Перекрыто тремя плитами размерами 1,3×2,1, 2,1×2,2, 2,2×2,5 м. В погребении были обнаружены лишь разбитые сосуды (табл. 47).

Погребение № 23 расположено в 200 м севернее предыдущего. Имеет кромлех диаметром 5 м. Погребальная камера грунтовая, неправильной прямоугольной формы, размерами 1,5×1,1×1,3 м с ориентацией север-юг. Погребенный лежал на правом боку в скорченном положении. Здесь найдены две миски, бронзовый кинжал, бронзовая пуговица и украшения из ракушек (табл. 48).

Погребение № 24 расположено в 50 м севернее предыдущего. Перекрыто тремя плитами размерами 2,2×1,5×0,4, 1,8×1,1×0,5, 1,5×1,0×0,5 м. Погребальная камера грунтовая, ориентирована с севера на юг, имеет размеры 4×2×3 м. Во время расчистки погребения на высоте 0,8 м от пола были обнаружены 4 бревна диаметром 0,2 м—три вдоль стен, одно—по диагонали. Это позволяет предположить, что каменные плиты поддерживались деревянным перекрытием (табл. 45, рис. 3).

На глубине 2,2 м обнаружен слой песка. В южной части камеры песок смешан с темно-коричневой охрой. На дне камеры обнаружены плохой сохранности костяк и керамические сосуды (табл. 49).

Погребение № 25 находится в 50 м южнее 24-го. Имеет два концентрических круга—кромлеха диаметром 10 и 6 м, перекрыто 4 плитами размерами 2,1×1,3, 2,1×1,5, 2,2×1,5, 2,1×1,2 м. Северная стена грунтовой камеры размерами 3,2×2,2×2,5 м сооружена из камней туфа средней величины. Вероятно, она заменяла дверь. Изнутри камера покрыта слоем песка в 0,6 м толщиной. Часть керамических сосудов оказалась поднятой на его верхний уровень. На песке имеются следы темной охры. На дне камеры найдены плохой сохранности костяк и 4 керамических сосуда (табл. 50). Над «входом» в камеру обнаружено еще одно погребение, относящееся к более позднему времени—1 тыс. до н. э.

Погребение № 26 расположено в восточной части некрополя. Перекрыто тремя плитами размерами 2×1,4, 1,8×1,1, 1,5×0,5 м. Камера грунтовая, размеры 2×1,6×1 м. В северной части найдены части костяка, в средней части—два керамических сосуда (рис. 12, табл. 51).

Погребение № 27 расположено в 50 м севернее предыдущего. Перекрыто 5 плитами размерами 1,75×0,4, 1,0×0,6, 1,6×0,5, 1,7×0,75, 1,9×0,4 м. Камера грунтовая, размеры 1,3×1,2×0,7 м. В ней обнаружены следы костяка и 5 керамических сосудов (табл. 52).

Погребение № 28 расположено в 10 м южнее 27-го, имеет кром-

лек диаметром 10 м. Перекрыто 3 плитами размерами 1,8×1,6, 1,5×1,6, 1,7×0,8. Грунтовая камера размерами 3,5×2×2 м ориентирована с севера на юг. При ее расчистке на глубине 0,6 м стали выходить разрозненные кости погребенного, фрагменты керамики, обломки бронзовых вещей, свидетельствующие о разграблении в древности. На дне найдено три керамических сосуда (табл. 53).

Погребение № 29 расположено в 20 м западнее предыдущего. Имеет кромлех диаметром 10 м. Перекрыто тремя плитами размерами 1,9×0,9, 1,9×0,7, 1,9×0,8 м. Камера грунтовая, ориентирована с севера на юг, размеры 2×1,7×1,2 м. Покойник был уложен на правый бок, головой на север, с подогнутыми ногами и согнутыми руками. Рядом обнаружены 3 керамических сосуда (табл. 54) и кости оленя.

Погребение № 30 обнаружено в 10 м южнее предыдущего. Перекрыто 3 плитами размерами 1,1×1,1, 1,3×0,95, 1,25×1,25 м. Прямоугольная камера размерами 2,5×1,2×1,8 м ориентирована с севера на юг. Покойник уложен головой на север с подогнутыми ногами и согнутыми руками, лицом обращен на восток. Около него обнаружены 3 керамических сосуда (табл. 55) и кости диких животных—лисы и перевязки.

Погребение № 31 расположено в 15 м севернее 30-го. Имеет кромлех диаметром 10 м. Плиты перекрытия отсутствуют. Останки погребенного и фрагменты керамики обнаружены на уровне дневной поверхности, что позволяет говорить о разграблении могилы. Грунтовая камера размерами 3×1,5×1 м ориентирована с севера на юг. На дне камеры обнаружен погребенный в положении на корточках, в центре—фрагменты 3 мисок и один горшок (табл. 56).

Как видно из описанного, все раскопанные нами погребения представляют собой могилы с кромлехом диаметром 5—10 м и с курганной насыпью 0,4—0,8 м высотой. Они имеют перекрытие в виде ложного свода (№№ 21, 23) или же горизонтальное перекрытие плитами (№№ 20, 25—31), в одном случае опирающееся на 4 бревна (№ 24). Все могилы грунтовые. В погребениях №№ 22 и 25 северные стены выложены из камня и играли роль дверей. За этими стенами сооружены дромосы.

Особый интерес представляет погребение № 21, где завернутый в циновку покойник положен вместе с двухколесной повозкой. Погребенный и место вокруг него посыпаны охрой. Вместе с ним захоронены лошадь с жеребенком. Захоронения с повозками зафиксированы в Лчашене (176), Триалети (43), Неркин Геташене (Неркин Адиаман) (135, с. 100), Ширакаване и относятся к эпохам средней и поздней бронзы. Обнаруженные в большом количестве в Передней Азии и Армении повозки подразделяются на двухколесные и четырехколесные (176; 155, с. 96—100; 71, с. 130—143; 258, с. 64—73). Повозка из Кети относится к типу двухколесных повозок, широко распространенных в Армении в эпоху поздней бронзы. Обычай посыпки охрой, распространенный в Армении с древнейших времен, сохраняет бытование в эпоху бронзы. Заворачивание погребенного в циновку прослежено в погребениях эпохи средней бронзы в Верин-Навере (218).

Предметы материнской культуры в погребениях Кети эпохи поздней бронзы представлены в основном керамическими сосудами в

сопровождении небольшого количества оружия и предметов украшения.

В погребении № 21 найдены горшок, большие миски и отщепы обсициана. Чернолощенный горшок с сероватой подкладкой изготовлен на гончарном круге. Шейка низкая, венчик выгнут, дно плоское. Плечи украшены сетчатым орнаментом и горизонтальными поясками, нанесенными лощением (табл. 46, рис. 1). Горшки этого типа широко представлены в Артике (253, с. 97, табл. 11; 255), Лчашене⁴⁴ (155, с. 94, рис. 45), Оле, Гадрекели, Байбурте, Земо-Бодбё (210, табл. III—IV; 211, табл. VI—IX). В последнем они датируются переходным этапом—XV—XIV вв. до н. э. (210, с. 220). В Трели и Намгала-Мица аналогичные горшки относятся к ранним этапам эпохи поздней бронзы (222, с. 72, 76, рис. 31, 33, 37, 43), а в Русетепеси и Иланл-тепеси XV—XIII вв. до н. э. (53, с. 77, табл. 1). В Хачбулахе они обнаружены в погребениях, датированных XIII—XII вв. до н. э. (108, с. 57, рис. 8).

Одна из трех мисок имеет чернолощеную поверхность, полушаровидное тулово с вогнутым венчиком и плоским дном; изготовлена из хорошо отмученной глины с хорошим обжигом. Миска хорошо датируется благодаря аналогиям из памятников Армении и Закавказья XIV—XIII вв. до н. э.—Артика (254, с. 173—195), Гехарота (155, с. 91—95, рис. 44, 45), Элара (245, табл. 7, рис. 2, 4, 6), Лори-берда (155, табл. 5), Муханнат-Тапа⁴⁵, очистительной станции Еревана (70, табл. 2, рис. 7, 9), Ани⁴⁶, Оле у Цхинвальского деревообрабатывающего завода (240, табл. IV, V), Гадрекели (211, табл. XIX) и Минге-чаура (27, табл. XXXII, рис. 1, 9). Другая миска изготовлена из глины с большой примесью песка, имеет коричневую лощеную поверхность, полушаровидное тулово и загнутый внутрь венчик. Верхняя часть миски украшена сетчатым пояском, нанесенным лощением (табл. 46, рис. 3). Аналогии ей известны из Артика, Лчашена, Лори-берда. Следующая миска изготовлена из глины с примесью крупного песка, черепок рыхлый. Имеет заглаженную коричневую поверхность. Верхняя часть украшена сетчатыми поясками, нанесенными лощением (табл. 46, рис. 2). Она относится к типу мисок со срезанным венчиком из первой группы Артика (259, с. 196, рис. 109, с. 286, рис. 140).

Плечи грубо изготовленного кухонного горшка орнаментированы врезанными прямыми и волнистыми поясками (ЛКМ № 948). Он типичен для материальной культуры этого времени и имеет многочисленные аналогии в вышеупомянутых памятниках.

Таким образом, весь материал погребения № 21 имеет четкие параллели в памятниках XIV—XIII вв. до н. э., что позволяет датировать этим же временем само погребение.

В погребении № 22, помимо мисок, аналогичных вышеописанным (табл. 47, рис. 3—6), обнаружены фрагменты кувшинообразных лощеных сосудов темно-коричневого цвета с высокой шейкой, изготовленных из глины с примесью песка. Плечики орнаментированы сет-

⁴⁴ Раскопки А. О. Мпацакаянца, материал не опубликован.

⁴⁵ ГМИА № 1439 (421, 551, 566, 575).

⁴⁶ ГМИА № 123.

чатый пояском, нанесенным лощением (табл. 47, рис. 1, 7). По своему общему облику они близки к 1 группе арктических сосудов с высокой шейкой, полностью орнаментированных методом лощения, имеющих аналогии и в других памятниках Армении, датируемых XIV—XIII вв. до н. э.

Горшок, обнаруженный в погребении № 23, типологически близок к сосуду из погребения № 21, отличаясь лишь нанесенными лощением вертикальными линиями на плечах. Он имеет также аналогии среди материалов Артика, Мецамора и других памятников эпохи поздней бронзы. Миски этого погребения по форме и орнаментации повторяют вышеописанные миски из погребения № 21 (табл. 48, рис. 4, 5).

Помимо керамических сосудов здесь найдены бронзовый кинжал, пуговица и украшения из ракушек каури. Кинжал цельнолитой. Трубочатая ручка образована загнутыми краями рукоятки, а треугольный клинок украшен продольными бороздками (табл. 48, рис. 1). Подобные кинжалы имеют широкое распространение в памятниках Армении и Закавказья эпохи поздней бронзы. В Ширакской долине они обнаружены в первой группе могильников Артика (254, с. 176, рис. 86) и Ширакаване. В других регионах встречены в Кармир-берде (18, с. 241), Эчмиадзине (71, с. 63, табл. XI, рис. 9) и Головино (175, рис. 3).

Кинжалы этого типа, появившись на раннем этапе поздней бронзы, сохраняют свое бытование до начала I тыс. до н. э. Они найдены в Айриванке (71, с. 63, табл. XI, рис. 10), 1-ом погребении Дилижана (75, табл. XX), Джархече (151, рис. 8), Цовинаре (87, с. 142, табл. 3, рис. 9), Хртаноце (75, табл. 20), а также в синхронных памятниках Грузии и Азербайджана: Самтавро (268, с. 101, рис. 13), Навтлуг (Тбилиси) (111, с. 40—41, рис. 1, 3); Восточной Грузии (209), Калакенд (187, табл. III), 76 курган Арчадзора (168, с. 118) и Мингечаур (27, табл. VIII).

Бронзовая пуговица и бусы из ракушек каури, встречающиеся почти во всех памятниках этой эпохи, не являются датирующим материалом.

Обнаруженные в 24-ом погребении однотипные миски по своим формам повторяют сосуды из предыдущего захоронения (табл. 49, рис. 1—4), отличаясь лишь орнаментацией в виде групп косых линий, нанесенных лощением на верхнюю часть сосудов, широко распространенной на раннем этапе эпохи поздней бронзы. Это с полным правом относится и к материалу из погребений № 25—горшку и двум мискам (табл. 50, рис. 1, 2, 3) и № 26, где обнаружены две аналогичные миски (табл. 51, рис. 1, 2). В погребении № 27 обнаружены два горшка и две миски. Миски по форме и орнаменту повторяют вышеописанные (табл. 52, рис. 3, 4). Первый из горшков имеет чернолощеную поверхность, шаровидное тулово с низкой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Плечи украшены поясками (табл. 52, рис. 2). Этот тип горшков характерен как для Ширака, так и для всей материнской культуры Армении эпохи поздней бронзы. Аналогии найдены в Артике, (255, 110 и сл.), Кармир-берде (155, рис. 40) в погребениях XIV—XII вв. до н. э., в слое этого же времени в крепости Элара (246, табл. XVII, рис. 1, 2), в Мецаморе (245, рис. 30). Другой горшок име-

ет чернолощеную поверхность, высокую трубчатую шейку, отогнутый наружу венчик. Плечики также украшены горизонтальными поясками (табл. 52). Сосуды этого типа широко распространены в матерналах раннего этапа этой эпохи из Артика (253, табл. 9, 10), Кармир-берда (18, с. 241), Ереванской очистительной станции (76, табл. 29), Лчашена⁴⁷. Они найдены и в соседних с Арменней регионах—в памятниках Иланли-Тепе (52, табл. 1). Исходя из датировок этих сосудов находки Кети можно датировать XIV и XIII вв. до н. э.

В погребении № 28 найдены 2 горшка (табл. 53, рис. 1, 2), две миски (табл. 53, рис. 3, 4), сердоликовые бусы и одно изделие из бронзы. Горшки и миски как по формам, так и по орнаментации повторяют вышеописанные, за исключением одного горшка, нижняя часть которого украшена нанесенными лощением вертикальными полосами (табл. 53, рис. 3). Он имеет полную аналогию среди сосудов этого типа Артика, датированных ранним этапом эпохи поздней бронзы. Отверстия сердоликовых бус просверлены с обеих сторон (табл. 53, рис. б). Бусы этого типа бытуют на протяжении значительного периода и обнаружены в 3 погребении Мецамора, Кармир-Блуре, колумбарии Малаклу, Редкин-Лагере, Ходжалли, Мингечауре, Самтавро. Они датируются XIV—XIII вв. до н. э. (245, с. 171; 253, с. 49; 121, с. 48; 138, с. 65), и поэтому не могут служить твердо датирующим элементом. Предмет из бронзы (табл. 53, рис. 5) является фрагментом какого-то изделия, от которого сохранился лишь многогранный штырек с одним тупым и другим обломанным концом, и его назначение не поддается определению.

Таким образом, материал погребений № № 21—28 является характерным для раннего этапа эпохи поздней бронзы и может быть датирован II половиной XIV—XIII вв. до н. э.

Последующий этап в развитии культуры эпохи поздней бронзы представлен в Кети материалами погребений № № 29—31.

В погребении № 29 обнаружены горшок и две миски (табл. 54). Слаболощеную черную поверхность горшка по плечам украшают горизонтальные прямые и волнистые пояски. Тулово приземистое, раздутое с вогнутым венчиком на короткой шейке (табл. 54, 1). Этот горшок, имея тесные связи с горшками предыдущего этапа, отличается от них слабым лощением и орнаментом. Он типологически близок к сосудам второй группы Артика (254, рис. 134), к материалам Мецамора из слоя XII—XI вв. до н. э. (245, табл. IX, рис. 7) и находкам 1970 г. из Лчашена⁴⁸, также относящихся к этому времени. Такие сосуды обнаружены в Восточной Грузии и Трели (222, с. 86, и сл.) и других памятниках (210, табл. XIX) и в Мингечауре (27, табл. 1).

Одна миска полушаровидная с вогнутым венчиком. Черепок коричневолощенный. По поверхности проходит горизонтальный поясок (табл. 54, рис. 2). Аналогичные миски, датируемые XII—XI вв. до н. э. имеются в материалах Артика (255, с. III, и сл.), 2 погребениях раскопок 1972 г. Лчашена⁴⁹. Венчик другой миски слегка отогнут внутрь и образует гофрированный поясок (табл. 54, рис. 3). Сосуды

⁴⁷ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

⁴⁸ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

⁴⁹ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

с аналогичным венчиком обнаружены в доурартском слое Кармир-Булура (154, с. 50), в могильниках Тандзавер и Арцваник Кафанского района⁵⁰.

Обнаруженные в погребении № 30 две миски похожи на миски из предыдущего погребения (табл. 55, рис. 1, 2), с той разницей, что нижняя часть одной (табл. 55, рис. 2) украшена вертикальными линиями, нанесенными лощением, что присуще изделиям Артика XII—XI вв. до н. э.

В погребении № 31 найдены фрагменты 3 слабоощенных черных горшков (табл. 56, рис. 4—6). Плечи одного украшены поясками (табл. 56, рис. 5). Аналогии также хорошо известны в вышеупомянутых памятниках, датируемых тем же временем.

Как видно из изложенного, материалы погребений № № 29, 30 и 31 характерны для II этапа эпохи поздней бронзы и датируются XII—XI вв. до н. э.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Материальная культура Кети начала I тыс. до н. э. представлена комплексами погребений этого времени из могильника Карот Хогер, где открыты 6 грунтовых захоронений, два захоронения в каменных ящиках и одно погребение, высеченное в туфе.

Погребение № 32 расположено в восточной части некрополя, перекрыто двумя плитами размерами 2,5×1,3 и 1,7×0,5 м. Грунтовая камера ориентирована с севера на юг и имеет размеры 2,8×1,6×1,2 м. Погребенный лежал на левом боку с согнутыми руками и подогнутыми ногами. В северной части погребения найдено 6 керамических сосудов (табл. 57).

Погребение № 33 расположено в 20 м южнее предыдущего. Грунтовая камера размерами 1,8×1,7×1,3 м ориентирована с севера на юг и перекрыта одной большой плитой размерами 2,3×1,7 м. Погребенный лежал с подогнутыми ногами на левом боку, головой на север. В погребении обнаружены 3 керамических сосуда (табл. 58, рис. 4—6).

Погребение № 34 расположено в 15 м южнее предыдущего. Оно имеет кромлех диаметром 10 м и высотой 0,8 м. Грунтовая камера размерами 3,6×1,3×1,4 м ориентирована с севера на юг и перекрыта 6 плитами размерами 1,8×1, 1,7×0,8, 1,95×1,1, 1,1×1,3, 1,85×1,7, 1,6×1 м. Погребение было разграблено в древности. Кости погребенного смешаны с черепками. Обнаружены фрагментарно и целостно сохранившиеся 8 сосудов (табл. 59).

Погребение № 35 расположено в 15 м западнее предыдущего. Грунтовая камера размерами 1,5×1,1×0,8 м ориентирована с севера на юг, перекрыта двумя плитами 2,1×1,3 и 1,9×1,4 м. Костяк плохой сохранности. В погребении обнаружено 3 сосуда (табл. 58, рис. 1—3).

Погребение № 36 расположено в 10 м западнее погребения № 31. Погребальная камера представляет собой каменный ящик размерами 1,7×1,4×0,3 м, ориентированный с севера на юг, перекрытый тремя

⁵⁰ Раскопки О. С. Хякикяна, материалы не опубликованы.

плитами размерами 2,1×1, 1,9×0,8, 1,7×0,5. Костяк погребенного сохранился очень плохо. Найдено 6 керамических сосудов и бронзовый серп (табл. 60).

Погребение № 37 расположено в 18 м севернее предыдущего. Грунтовая камера размерами 1,8×1,4×0,7 м ориентирована с севера на юг и перекрыта двумя плитами размерами 1,9×1,5, 1,7×0,7 м. В погребении обнаружены останки двух погребенных, лежавших лицом друг к другу, головой на юг, с подогнутыми ногами. В северной части у западной стены обнаружена яма диаметром 0,4 м, глубиной 0,5 м. В ней найдены бронзовый браслет и серьга (рис. 8). В камере найдены также 4 керамических сосуда (табл. 61).

Погребение № 38 расположено в южной части могильника. Перекрыто двумя плитами 1,9×1,8, 0,8×0,6 м. Камера размерами 1,5×0,8×0,6 м высечена в туфовом грунте и имеет ладьевидную форму. В ней найдены два керамических сосуда и железный нож (табл. 62). Отсутствие останков погребенного и следы пепла и древесного угля позволяют предположить, что имело место трупосожжение (табл. 63, рис. 3).

В 50 м западнее погребения № 38 обнаружен кромлех диаметром 9,5 м с курганной насыпью высотой 0,7 м. Под ним открыты погребения № 39 и № 40.

Погребение № 39. Камера грунтовая, ориентирована с севера на юг, имеет размеры 2,5×1,2×1,5 м. Перекрыта тремя плитами размерами 1,9×1,3, 1,8×1,2, 1,85×0,6 м, сложенными в виде ложного свода, наподобие перекрытия погребения № 21. Здесь было совершенно вторичное захоронение. Первое захоронение было совершено на глубине 0,7 м. Здесь обнаружены два костяка в положении на корточках, один—в юго-западном углу, другой—у северной стены (табл. 58, рис. 1). В центре камеры найдены 7 керамических сосудов (один заполнен костями животных) и бронзовые украшения (табл. 59). Второе захоронение было совершено в глубине 1,3 м без сопровождающего материала.

Погребение № 40 расположено в 2 м западнее 39-го. Перекрыто двумя плитами размерами 1,3×1 и 1,1×1,2 м. Камера грунтовая свальной формы, ориентирована с севера на юг. Имеет следующие размеры: длина 1,5 м, ширина в верхней части 1 м, у днища 0,5 м, глубина в центре 0,6 м, по краям 0,4 м. Костяк сохранился очень плохо, и его положение не восстанавливается. Найдены три керамических горшка и бронзовый нож (табл. 56). Судя по оставшимся костям, это погребение ребенка.

Погребения эпохи раннего железа представляли собой небольшие курганы с кромлехами из необработанного базальта диаметром 4,5—10 м и высотой 0,2—1 м, насыпь сооружена из земли и обломков камней. По характеру устройства камеры они подразделяются на 4 группы: 1) грунтовые с прямоугольными очертаниями; 2) грунтовые с ладьевидными очертаниями; 3) высеченные в камне ладьевидные; 4) сооруженные в виде каменного ящика.

Рассмотренные погребения в основном ориентированы с севера на юг, за исключением № 38, ориентированного с востока на запад. Погребальный обряд этого времени в основном сохраняет традиции, идущие из эпохи поздней бронзы. Новым элементом является наличие

парных захоронений (№ 37 и № 39). На правом боку погребали мужчин, на левом—женщин. В отличие от богатых парных захоронений Мчашена, по-видимому, в захоронениях Кети мы имеем место с жертвами несчастных случаев и болезней. Подобные парные захоронения обнаружены в Головино (175, с. 8—9), Мецаморе⁵¹ и Цамакаберде (172, с. 87). Положение на корточках нередко встречается в погребениях Армении и соседних с ней регионов в конце II—начале I тыс. до н. э. Они известны в Головино (175, с. 8), Эларе (246, с. 97), из раскопок Ивановского в 1893 г. на Севане, в Ходжалин Калакенде (87) и из других мест. Особо выделяется захоронение № 38, где, по-видимому, имело место трупосожжение. Таким образом, в Кети в указанный период сохраняются обряды как трупосожжения, так и трупоположения, корни которых уходят в предыдущую эпоху.

Обратимся к рассмотрению комплексов керамических сосудов, оружия, орудий и украшений.

В погребении № 32 найдены горшки, кубки, миски (табл. 57). Горшки представлены двумя типами. Один имеет коричневооленную поверхность, раздутое тулово, короткую шейку с прямым венчиком, широкое дно. На плечах помещен выступ—ручка со сквозным отверстием (табл. 57, рис. 2). Орнамент, составленный из групп треугольников, нанесен на плечи вдавливанием. Подобные сосуды известны из погребения № 631 Артика, датируемого X—IX вв. до н. э. (255, с. 398), из могильника Димац в Кировакане, датируемого XI—X вв. до н. э. (104, 105, с. 145). Другие горшки изготовлены из глины с большой примесью песка и имеют шаровидное тулово с заглаженной поверхностью, невысокой круглой шейкой и плоским дном. Плечики орнаментированы прямыми и волнистыми линиями (табл. 57, рис. 1). Такие же сосуды найдены в циклопической крепости Кети (табл. 20, рис. 3, 7). Этот тип горшков широко представлен во всех памятниках Армении конца II—начала I тыс. до н. э. Кубок цилиндрической формы со слегка суженной верхней частью, коричневооленной поверхностью, двумя вдавленными поясками под венчиком (табл. 57, рис. 5) имеет полные аналоги среди находок из Ширакавана, Мецамора (245, табл. 10), циклопической крепости Поплоз-Гаш (78, рис. 2), датируемых началом I тыс. до н. э. Такие кубки имеют широкое распространение и в памятниках Грузии и Азербайджана—Уч-Тепе (92, рис. 20), Триалети (119, табл. 57), могильнике Гадрекели⁵². Другой сосуд, найденный здесь, имеет заглаженное серое биконическое тулово с узким горлом (табл. 57, рис. 3). Верхняя часть тулова украшена точечным орнаментом. Этот довольно редкий тип керамики имеет аналоги в погребении XIII—XII вв. до н. э. Артика (253, рис. 29) и Редкип-Лагере, в материале конца X—начала IX вв. до н. э. (155, рис. 78). Этим же временем датируются находки из погребения № 99 Гарни (243, табл. XXXVII) и Кахси⁵³. Таким образом, сосуды этого типа бытуют в Армении с раннего этапа поздней бронзы до начала I тыс. до н. э. Найденная в погребении № 32 миска имеет серолощеную поверхность,

⁵¹ Раскопки Э. В. Ханзадян, материалы не опубликованы.

⁵² Раскопки К. Н. Пицхелаури, материалы не опубликованы. Пользуясь случаем, хочу выразить ему признательность за ознакомление с материалом.

⁵³ Раскопки А. О. Мнацакяна, материалы не опубликованы.

полушаровидное тулово с отогнутым наружу венчиком. Плечи украшены горизонтальными поясами (табл. 57, рис. 4). Многочисленные аналогии известны по материалам циклопической крепости Кети (табл. 19, рис. 5, 6, 7), погребений X—IX вв. до н. э. Артика (255, с. 194 и сл.), синхронных погребений Ширакавана, 2-го погребения Дилижана (103, с. 69) и 2-го Цамакаберда⁵⁴, погребения начала I тыс. до н. э., открытого в Дилижане на ул. Камо (7, табл. 23), Буга-Кара (80, табл. 131). Судя по приведенным аналогиям, сосуд из Кети можно датировать X—IX вв. до н. э.

Миска из погребения № 33 (табл. 58, рис. 4) лишена каких-либо украшений и типологически близка к найденной в 32-ом погребении. Кроме нее, здесь обнаружены кувшины и кубок. Кувшин имеет грушевидное тулово с отогнутым наружу венчиком и широким дном. Ручка, слегка возвышаясь над горлышком, спускается на плечи (табл. 58, рис. 5). Такие сосуды известны из Редкин-Лагеря (155, рис. 78), 110-го погребения Мингечаура (27, с. 68) и II кургана Ходжалл (132, с. 113), где они датированы концом II—началом I тыс. до н. э. Кубок имеет серолощеную поверхность, шаровидное тулово, слегка отогнутый венчик, дугообразную ручку (табл. 58, рис. 6). Аналогии известны из памятников Армении и Закавказья конца II—начала I тыс. до н. э.—Мецамора (245, табл. 39), Кармир-берда (79, табл. 17 (2—5)), Еревана (72, табл. 11 (6)), Кармир-берда (72, табл. 14 (25)), Ангехакота (259, табл. 11), Самтавро⁵⁵, Сари-Тепе (187, табл. 19, 12), Хачбулага (107, рис. 2, 6), Кедабек-Калакенда (87, табл. 11 (22)) и др.

В погребении № 34 найдены горшки, миски и кубок (табл. 59). Горшки имеют слабоощеную серую поверхность, широкое тулово, выгнутый венчик (табл. 59, рис. 4, 5). Плечики одного и нижняя часть тулова фрагментарно сохранившегося экземпляра орнаментированы многорядными вдавленными полосками. Многочисленные аналогии известны по материалам конца II—начала I тыс. до н. э. из памятников Артика (265, с. 156 и сл.), Ширакавана, могильника и слоя «пожара» Мецамора (245, с. 170—171, табл. 36—38), из Цинцаро (165, табл. 1, 2, 35), Восточной Грузии (210, табл. 49), Мингечаура (235, табл. 4), Сари-Тепе (187, табл. 16, 19), Кедабек-Калакенда (87, табл. 11) и др.

Миски подразделяются на два типа. К первому типу относятся две полушаровидные миски (табл. 59, рис. 8, 9), повторяющие формы сосудов из вышеописанных погребений. К другому типу относятся две плоские миски (табл. 59, рис. 2) с небольшими ручками, расположенными под венчиком на переходе к тулову. Параллели им известны из Артика, Ширакавана, 28-го погребения Карчапюра⁵⁶ и точно датированного X—IX вв. до н. э. слоя Уч-Тепе (92, с. 123, 19). Найдены также кубок, повторяющий кубок из предыдущего захоронения (табл. 59, рис. 6) и фрагмент железного ножа с широкой спинкой и тонким лезвием (табл. 59, рис. 7). Сопоставительное рассмотрение материала погребения № 34 показывает, что ему присущи черты, характерные для культуры Армении и Закавказья конца II—начала I тыс. до н. э., и он датируется X—IX вв. до н. э.

⁵⁴ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

⁵⁵ ГМГ, № 12—54.

⁵⁶ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

Этим же временем датируется материал из 35-го погребения, представленный кухонным горшком и двумя глубокими мисками (табл. 58, рис. 1—3). Одна из мисок (табл. 58, рис. 2) имеет серовато-коричневую слабоощеную поверхность, небольшое плоское дно. Под венчиком она украшена широким горизонтальным пояском. Подобные миски найдены в циклопической крепости Кети. Они характерны для памятников материальной культуры Армении конца II—начала I тыс. до н. э. и широко представлены в материалах Артика (253, табл. 22 4, 8), Ширакавана, Дилижана (75, табл. 22), Шикаоха, Тандзавера (257, табл. 3, рис. 5) и погребений Ангехакота (259, табл. 2, 35—37), Хурджин-Хогера, Шамахяна, Астхи-Блура, Гехами-Ахпюра (80, табл. 91, 119, 120, 126, 129) и др. Другая миска имеет слабоощеную черную поверхность, широкое тулово, слегка отогнутый венчик и маленькое плоское дно. Верхняя часть украшена горизонтальными прямыми и волнистыми поясками (табл. 58, рис. 3). Она по своему типу повторяет миску из 32-го погребения. Кухонный горшок с широким туловом, выгнутым наружу венчиком, небольшим плоским дном и грубо заглаженной поверхностью украшен по плечам поясками и семечковидным орнаментом (табл. 58, рис. 1). Этот тип горшков также широко распространен в материальной культуре Армении и Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа.

В погребении №36 найдены горшки, миски и бронзовый серп (табл. 60). Один из горшков (табл. 60, рис. 2) по форме и орнаментации полностью повторяет сосуд из погребения № 35. Другой с заглаженной поверхностью серого цвета, имеет вытянутое тулово, низкую шейку, вогнутый венчик, плоское небольшое дно (табл. 60, рис. 1). Верхняя часть сосуда украшена прямыми и волнистыми поясками. Подобные горшки появляются с конца II тыс. до н. э. и широко представлены в памятниках Северо-Восточной Армении—Хурджине-Хогере, Гмшкоте, Редкин-Лагере (80, табл. 91, 95, 111), где они бытуют в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Миски подразделяются на 2 вида. Первый представлен глубокими мисками (табл. 60, рис. 3, 4), второй—мелкими (табл. 60, рис. 5, 6). Оба вида повторяют миски из 34-го и 35-го погребений и датируются тем же временем. Бронзовый серп имеет загнутое узкое лезвие с широкой спинкой (табл. 60, рис. 7). Серпы этого типа широко представлены в памятниках Армении и Закавказья времени поздней бронзы и раннего железа—Артике, Ани, Леникане, Камо, Хаштараке, Кировакане, Ахвесагоре, Бешташени (254, рис. 120; 155, с. 131; 251, с. 211—212, 214—215; 152; 119). А. А. Мартиросян относил материалы из этих памятников, за исключением Артика и Бешташени, к послеворнакской группе и датировал их концом XII—XI вв. до н. э. (155, с. 130—131). Этим же временем датирует их Т. С. Хачатрян (254, с. 207). Находки из Такин датируются концом XI—X вв. до н. э. (155, рис. 53). Таким образом, весь комплекс материалов данного погребения относится к культуре Армении и Закавказья эпохи раннего железа и может быть датирован X—IX вв. до н. э.

Материалы погребения № 37 представлены 3 горшками, кубками, бронзовым браслетом и подвеской (табл. 61). Один из горшков имеет слабоощеную черную поверхность, широкое биконическое тулово, срезанный венчик. В наиболее широкой части тулова проходит глу-

Блкий поясок. Венчик украшен точечным орнаментом, а под ним проходит волнистый поясок (табл. 61, рис. 1). Такие сосуды характерны для эпохи раннего железа Армении и Закавказья и известны по находкам из Редкин-Лагеря (75, табл. 11), Макарашена (155, рис. 79а), Ангахакота (259, с. 101), Хурджин-Хогера (80, табл. 91), Бешташени (119, табл. 41) и Мингечаура (236, табл. 5). Другой горшок имеет серолошеную поверхность, широкое тулово, высокую шейку, выгнутый венчик. Плечики орнаментированы прямыми вдавленными поясками (табл. 61, рис. 3). Такие сосуды наиболее характерны для эпохи поздней бронзы и раннего железа. Об этом свидетельствуют и находки в 631-ом погребении Артика, датируемом I тыс. до н. э., в погребениях у очистительной станции Еревана, в Кармир-берде, в слое «пожара» Мецамора, в погребениях Элара (255, с. 398; 79, табл. 3; 18, рис. 59—61; 245, табл. X; 246, табл. 17), в Эчмадзине⁵⁷, Мармарашене⁵⁸.

Горшок биконической формы с серолошеной поверхностью имеет широкое тулово, вогнутый венчик и широкий невысокий поддон (табл. 61, рис. 2). Аналогии известны среди материалов второй группы Артика (254, рис. 161) и из погребений долины Дебета (17, рис. 14 15), которые также датируются X—IX вв. до н. э.

Сероватый кубок (табл. 61, рис. 4) повторяет по типу находку из погребения № 32, с тем отличием, что орнаментация расположена не под венчиком, а на верхней части тулова. Бронзовый браслет, судя по разлому, был изготовлен из сплавленных бронзовых проволочек и имел слегка утонченные соединяющиеся концы (табл. 61, рис. 5). Браслеты этого типа известны как по материалам эпохи поздней бронзы Артика, Такии (254, рис. 91; 155, рис. 55), так и по материалам эпохи раннего железа (69, рис. 1) и не могут служить датирующим элементом. Другое украшение представляет собой подвеску из тонкой узкой бронзовой пластины с загнутыми наружу концами (табл. 61, рис. 6). Такие подвески известны из находок Редкин-Лагеря, Астхи-Блуря (20 погребение), Айриванка, Дилижана, Мингечаура (155, рис. 77; 80, табл. 121; 248, рис. 3; 103, рис. 4; 27, рис. 54) и других мест, где они датируются началом I тыс. до н. э.

К этому времени относятся и материалы погребения № 38. Здесь найдены железный кинжал, горшок и миска (табл. 62). Горшок имеет серый черепок, биконическое тулово, короткую шейку, выгнутый венчик, плоское дно. Верхняя часть тулова украшена глубоко вдавленным пояском и короткими вертикальными полосами (табл. 62, рис. 1). Аналогичные сосуды известны из погребений Артика, датированных эпохой раннего железа (255, с. 195, и сл.), Иджевана (75, табл. 37), Шамаханяна (80, табл. 119), 3-го погребения Мецамора (245, табл. XXXVI). Обнаруженный в Аргиштихинили аналогичный горшок определен А. А. Мартпросяном как изделие местного производства и датирован IX—VI вв. до н. э. (159, рис. 58). Миска имеет серый неплоский черепок, вертикальный венчик и ложные выступы-ручки на плечиках. Верхняя часть тулова украшена гофрированным пояском (табл. 62, рис. 2). Аналогичные изделия найдены в вышеперечисленных памятниках. Железный кинжал имеет длинное лезвие (кончик

⁵⁷ ГМИА № 766/25.

⁵⁸ ГМИА № 1728.

обломан) (табл. 62, рис. 3). Такие книжалы известны из Артика (254, рис. 149), погребений эпохи раннего железа Головино (175, рис. 10), Ани-Пемзы⁶⁹, Ленинакана (151, с. 72—73), Мухана (171, с. 104), Хртаноца⁶⁰, Хачбулаха (107, с. 221—227).

В погребении № 39 найдено 7 керамических сосудов с ручками и без ручек и орудия и украшения из железа и бронзы (табл. 64). Светло-розовый горшок без ручек имеет широкое тулово, короткую шейку, отогнутый наружу венчик, небольшое плоское дно. Шейка орнаментирована группами коротких вертикальных полос, нанесенных лощением, а плечики—многочисленными поясками (табл. 64, рис. 2). Подобные горшки известны из Артика (255, с. 196, 294), Кармир-Блур (доурартский слой) (154, рис. 286), Ширакавана, Мецамора (245, рис. 51), Гехами-Ахпюра (80, рис. 129), Трели (222, с. 86—130), Уч-Тепе (92, рис. 17) и других памятников эпохи раннего железа. Кухонный горшок с широким туловом и отогнутым наружу венчиком украшен на плечиках семечковидным орнаментом (табл. 64, рис. 4). Он аналогичен горшку из погребения № 38. Следующий сосуд отличается от предыдущего лишь небольшой шейкой и наличием двух ручек на широкой части тулова. Плечи украшены двумя поясками (табл. 64, рис. 3). Такие сосуды, появившись в эпоху поздней бронзы, на последнем ее этапе, широко распространяются в эпоху раннего железа и бытуют до VI—V вв. до н. э. Известны они по находкам в Ленинакане, Артике, Цинцаро, Так-Килисе, Трели, Дедабек-Калакенде, Двине, Шамлуге, долине Зега-чая и других памятниках (155, рис. 51; 254, рис. 159; 134, рис. 32; 80, табл. 102; 119, табл. 29; 222, с. 86—130; 87, табл. X; 237, табл. XIV).

Другой сосуд представляет собой серолощенный кувшин с округлым туловом, высокой узкой шейкой, отогнутым наружу венчиком, плоским дном. Полуокруглая ручка соединяет венчик с плечом. Плечики орнаментированы пояском, составленным из вертикальных прямых и волнистых линий (табл. 64, рис. 1). Ранние образцы одноручных кувшинов известны из Ленинакана, где они датируются концом XII—XI вв. до н. э. (155, рис. 51). Обнаруженные в могильниках Хртаноца, Дилижана, окрестностей Арагаца кувшины датируются началом I тыс. до н. э. (75, табл. XXXI).

Этим же временем можно датировать слаболощеную миску серовато-коричневых оттенков с полушаровидным туловом, гофрированными краями-ребрами и плоским дном (табл. 64, рис. 7). Аналогичная миска обнаружена во время раскопок крепости Кети. Миски этого типа, появившись в конце поздней бронзы, широко бытуют в рассматриваемый период и известны по материалам погребений Артика (255, с. 195—196), Шикаоха, Тандзавера Кафанского района (257, табл. 3) и могильника у с. Ангехакот в Сиснианском районе (259, табл. 2). Они имеются и в коллекциях материалов крепости Поплоз-Гаш и Редкин-Лагеря (80, табл. 23; 188), Уч-Тепе, где миски этого типа относятся к X—IX вв. до н. э. (92, рис. 18).

В рассматриваемом погребении найден также кубок с серолощенной поверхностью, биконическим туловом и плоским дном, верхняя часть которого орнаментирована гофрированными ребрами. Круглая

⁶⁹ ГМИА № 473—474.

⁶⁰ ГМИА № 473—474.

ручка, поднимающаяся над туловом, соединяет венчик с плечами (табл. 64, рис. 6). Аналогичны известны из погребений IX—VIII вв. до н. э. Макарашена (155, рис. 79а), Шикаоха, Тандзавера (257, табл. 3), Ангехакота (259, табл. 2), из катакомб Воскеаска и поселения Варданлы (100, табл. XIII). Чернолощенная ваза с биконическим туловом на невысоком кольцевидном поддоне снабжена массивной ручкой, украшенной вертикальной резной полоской (табл. 64, рис. 5). В верхней части помещены горизонтальные пояски и точечный орнамент, образующие цепь свисающих треугольников. Однотипные вазы найдены в Кармир-берде (18, рис. 42), Айриванке⁶¹, Мингечауре (27, табл. 51). Точечный узор развивает традиции эпохи средней бронзы, что проявляется и в материале урартского времени Макарашена и Кармир-берда. Орнаментация ручек вертикальными прорезями известна по материалам 8-го погребения, датируемого XI—X вв., и 11-го и 12-го погребений, датируемых концом X—VIII вв. до н. э., Лори-берда (58, табл. XV₂, XX₆, XXII₁). Так же украшены ручки стаканов из погребений Мецамора конца II—начала I тыс. до н. э. (245, табл. XXXVI₄).

Железный нож длиной 20 см с узким лезвием и толстой спинкой аналогичен ножам, найденным в погребениях III группы Артика (254, рис. 151) и в Айриванке (248, рис. 2) и датируемым X—VIII вв. до н. э. Ножи из погребения Мухана, аналогичные нашему, датируются VII в. до н. э. (171, табл. 1). Однако следует отметить, что обнаруженные здесь предметы из железа и бронзы более типичны для времени раннего железа, что позволяет датировать их X—IX вв. до н. э. Такие же ножи найдены в погребениях Бешташени (119, табл. 48) и Цинцкаро (165, табл. 1, 32). Из украшений обнаружена лишь бронзовая пуговица из тонкой пластины, украшенная зерну, имеющая аналогии среди материалов 2-го погребения Лори-берда, датированного VII—VI вв. до н. э. (54, табл. 2 (9—12)).

Два обсидиановых отщепа найдены в горшочке, наполненном костями мелкого рогатого скота,—факт, несомненно, свидетельствующий о наличии здесь обычая обеспечивать покойного пищей для заградской жизни (табл. 64, рис. 10).

Таким образом, керамические сосуды из погребения № 39, являясь неотъемлемой частью гончарного производства конца II—начала I тыс. до н. э., сохраняют в форме и орнаментации традиционные черты, идущие из более древних эпох, и свидетельствуют о преемственности культур древней Армении.

Погребение № 40 Кети с захоронением ребенка содержало бронзовый нож и два кухонных сосуда (табл. 58, рис. 1—3). Кухонные горшки повторяют типологически сосуды из предыдущего захоронения. Нож с острым лезвием, загнутым кверху и небольшим выступом для ручки (табл. 58, рис. 1) принадлежит к так называемым ножам-бритвам, широко распространенным в конце II—начале I тысячелетия в памятниках Севанского бассейна (Айриванк), Ходжали, Мингечауре, Кедабеке и других местах (135, рис. 111, 248, рис. 4; 133, рис. 8; 99, рис. 36; 168, табл. V). Наличие на нашем ноже двух круглых отверстий сближает его с находкой из Ошакана⁶². Материалы этого погребения, относящиеся к эпохе раннего железа, датируются X—IX вв. до

⁶¹ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

⁶² Раскопки С. А. Есяяна, А. А. Калантаряна, материалы не опубликованы.

и. э. Они не только обогащают коллекцию изделий культуры эпохи раннего железа, но и дополняют наши знания по истории этого периода. Особенно интересно сохранение в материалах этого времени традиций эпохи поздней бронзы. Характерная для предыдущего этапа чернолощенная керамика сменяется серо- или коричневолощенной, а орнаментация лощением почти исчезает, сменяясь орнаментацией, вдавленными прямыми или волнистыми линиями, бытующей и в последующий период. Это свидетельствует, с одной стороны, об обогащении традиций керамического производства, а с другой,—о его рыночном характере, что относится, не только к керамике, но и к производству орудий, оружия и украшений.

ВОСКЕАСК

Другой исследованный нами памятник находится на восточной окраине с. Воскеаск Ахурянского района (правый берег р. Ахурян), на треугольном плато. Здесь под слоем чернозема в 1,5—2 м, без каких-либо следов на дневной поверхности, расположены рядом семь катакомбных захоронений, открытых при строительных работах⁶³.

Погребение № 1 представляло собой камеру с прямоугольным вертикальным входом размерами 0,6×0,7×1,4 м, высеченную в туфе. Найдено в полуразрушенном состоянии. Вход в катакомбу был закупорен ладьевидным камнем⁶⁴ и завален небольшими камнями. Погребальная камера размерами 1,85×1,6×1 м ориентирована с северо-востока на юго-запад. Имела овальные очертания. В ней обнаружены остатки жертвоприношений, кости коровы, овцы. Вследствие разграбления во время строительных работ никаких других предметов не найдено.

Погребение № 2 расположено в 3 м западнее 1-го. Высеченный в туфе прямоугольный вертикальный вход размерами 0,7×0,5×1,7 м был забит камнями. Погребальная камера размерами 4×2,5×1,2 м со сводчатым потолком имела яйцевидную форму и была ориентирована с северо-востока на юго-запад. В северной части камеры обнаружен ладьевидно обработанный камень размерами 0,9×0,6 м и захоронение лошади с бронзовыми и железными частями удила. Тут же найдены фрагмент железного дротика и украшения из бронзы. У входа в камеру обнаружены бронзовый наконечник стрелы и керамические сосуды (табл. 63, рис. 5; табл. 65)⁶⁵.

Погребение № 3 обнаружено в 2,5 м севернее предыдущего. Формы входа (0,7×0,6×1,8 м) и погребальной камеры (2,5×2,2×1,3 м) повторяли погребение № 2. Погребение было разграблено, и в нем не

⁶³ Раскопки С. В. Арутюняна, Л. А. Петросяна, Л. Еганян.

⁶⁴ Такие ладьевидные камни редки в эту эпоху. Известны в памятниках Ширакавана и Карчахпюра (раскопки А. О. Мнацаканяна в 1972 г.). Такие камни, обнаруженные в погребениях, обычно содержат под собой кости жертвоприношений и сосуды; такие же следы жертвоприношений обнаружены и на верхней части камней, что позволяет говорить о том, что ладьевидные камни имели ритуальное значение.

⁶⁵ В погребениях Воскеаска не обнаружены останки погребенных, за исключением катакомбы № 7, где найден один человеческий зуб.

было никакого матернала, за исключением большого ладьевидного обработанного камня длиной 1,23 м, шириной 0,65 м в северной части камеры.

Погребение № 4 расположено в 4 м южнее 2-го. По формам повторяет предыдущие. Размеры входа 0,8×0,6×1,9 м. Размеры камеры 1,9×1,7×1,3 м. В северной части найден ладьевидный камень длиной 1,5 и шириной 0,5 м, под края которого были положены подпорные камни. Между ними найдены два маленьких керамических сосуда. В центральной части камеры около костяка коровы обнаружено 15 керамических сосудов, железный нож и пастовые и бронзовые бусы (табл. 65).

Погребение № 5 расположено в 3 м западнее 4-го. Вход в виде наклонного дромоса устроен в северо-западной части погребения. Большое входное отверстие шириной 2 м было закрыто 2 средней величины плитами. Погребальная камера размерами 6×5×2 м ориентирована с северо-востока на юго-запад. В ней также найден ладьевидный камень длиной 1,1 м, шириной 0,7 м, лежавший у северной стены. Пол всей камеры был покрыт костями животных (лошади, коровы, овцы). В северной части найдено 17 керамических сосудов, в южной—два бронзовых браслета, железный нож и разнообразные украшения (табл. 63, рис. 6; табл. 67).

Погребение № 6 расположено в 3,5 м южнее предыдущего. По форме входа и камеры аналогично 4-му. Размеры входа 0,75×0,55×1,79 м, размеры камеры 3×2,5×1,1 м. Здесь также у северной стены найден ладьевидный камень длиной 1,17 м, шириной 0,75 м. В центральной части камеры найдены останки лошади и овцы, а около них—фрагменты двух кувшинов, две бронзовые иглы, бронзовая стрела, пинцет и пуговица-украшение (табл. 68).

Погребение № 7 расположено в 2 м западнее 6-го. По форме аналогично предыдущему. Размеры входа 0,8×0,65×1,6 м, размеры 2,3×1,7×1 м. У северной стены найден ладьевидный камень длиной 1,1 м, шириной 0,7 м. В центральной части обнаружены останки лошади, коровы, а около них 9 сосудов, часть которых сохранилась фрагментарно. Здесь найдены два бронзовых наконечника стрелы, бронзовые ладьевидные и полушаровидные пуговицы, фрагмент железного кинжала (табл. 69).

Катакомбные захоронения Воскеаска были высечены в слое туфовой лавы. На их стенах видны следы острых орудий. Первоначально высекался вертикальный вход на глубину 0,6 м, а затем прорубались и тщательно обрабатывались стены погребальной камеры.

Катакомбные захоронения Воскеаска как по форме, так и по обряду, в целом повторяют катакомбные погребения Артика, относящиеся ко времени поздней бронзы и раннего железа (253). Ко времени конца эпохи поздней бронзы относится катакомбное захоронение Арича со сложенной из камней камерой (254, с. 152—153). Катакомбное захоронение, обнаружено и в с. Спандарян, где содержит матерналы X—VIII вв. до н. э. (254, с. 152). Несколько грунтовых полукатакомбных захоронений раскопано в 1981 г. в Ошакане (34а, с. 424).

Таким образом, катакомбные захоронения, появившись в Армении с начала II тыс. до н. э. в Кети, Айгешате, Норабаце, бытуют вплоть до VII в. до н. э. (Воскеаск, Ошакан).

Согласно ряду исследователей, данный тип погребений проник в Закавказье из других стран. Это мнение, высказанное первоначально В. Городецким, было впоследствии поддержано и развито М. Артамоновым (23, с. 330—335), Л. Н. Соловьевым (235, с. 8), И. Спицыным (220, с. 5), Л. С. Клейном (110, с. 78—87) и Ф. Фисенко (235). При этом они предполагают, что данный тип погребений распространился в европейской части СССР с территории Кипра или других областей Европы. Другие же считают, что он распространился с территории Малой Азии или Северного Кавказа или же с территории ареала куро-аракской культуры. Ф. Фисенко находит, что катакомбная культура распространилась в конце III тыс. до н. э. с соседних с Малой Азией и Закавказьем регионов (235, с. 36—37). Р. Мунчаев, рассматривавший материалы Дагестана и Чечено-Ингушетии, связывает возникновение здесь захоронений катакомбного типа с проникновением новых этнических элементов (183, с. 92—96).

Б. Латинин (136, с. 57—58), а впоследствии О. А. Кривцова-Гракова (115, с. 33—38) и Т. Попова считают, что катакомбные захоронения появились на основе грунтовых (213, с. 57—58). Это подтверждается и материалами Армении, где среди катакомбных погребений эпохи средней бронзы (Кети, Арич, Айгешат, Норабац) часть погребальных камер имеет грунтовое устройство, а часть сложена из камня, в то время как высеченные в туфе погребения Артика, Спандаряна, Воскеаска относятся ко II половине II тыс. и началу I тыс. до н. э.

Необходимо отметить предположение Т. С. Хачатряна, считающего, что рассматриваемый тип погребальных конструкций имеет местные истоки, тем более, что это мнение подтвердилось результатами раскопок последних лет в Ариче, в ходе которых были обнаружены катакомбные захоронения с характерным для ранней бронзы инвентарем⁶⁶.

Катакомбные погребения широко распространены в Малой Азии и прибрежных регионах Средиземноморья. Помимо вышеупомянутых погребений Ашура, они известны в Тель-Асе в Сирии (297, с. 150). В Палестине в Газе они датируются 2220—2000 гг. до н. э. (297, с. 150), в Мегидо—XIV в. до н. э. (297, с. 134—135), а на Кипре в Энкоме относятся ко времени раннего железа (298, с. 94).

Таким образом, катакомбы Арича выглядят одним из наиболее ранних примеров сооружений этого типа, что очевидно, следует рассматривать как указание на местный характер их возникновения. Период их бытования охватывает в Армении конец III—нач. I тыс. до н. э. Наглядной иллюстрацией финального этапа развития катакомб в эпоху бронзы и железа являются захоронения Воскеаска, изучение которых в определенной степени дополняет картину генезиса рассматриваемого типа погребений.

Катакомбные захоронения Воскеаска дали богатый материал. Обнаруженные во 2-ом погребении кувшины имеют серолощеную поверхность, широкое тулово, невысокую шейку, выгнутый широкий венчик, плоское дно (табл. 65, рис. 1—3). Первый снабжен двумя ложными ручками-выступами; на двух противолежащих сторонах кувшина имеется ряд концентрических лунниц, нанесенных лощением (табл.

⁶⁶ Устное сообщение Т. С. Хачатряна.

65, рис. 1). Шейка другого украшена у основания 3 выступами с сетчатым орнаментом, нанесенным лощением (табл. 65, рис. 2). Третий кувшин отличается вытянутым туловом; плечи украшены резными треугольниками (табл. 65, рис. 3). Кувшины этого типа с ручкой или без ручек известны в регионе Ширака (155, рис. 51) с конца XII в. до н. э. и получают широкое распространение в начале I тыс. до н. э. Они найдены в Тейшебаини (154, рис. 27а), Кармир-берде (76, табл. 24) и в слое «пожара» Мецамора (245, рис. 57). Орнаментация лощением и резная орнаментация известны в Армении с эпохи бронзы и продолжают бытовать до времени широкого распространения железа.

Обнаруженный в этом же погребении серолощенный горшок имеет вытянутое тулово с двумя ручками, широкое устье и большое плоское дно (табл. 65, рис. 4). Типологически он принадлежит к вышерассматриваемому виду двуручных горшков, отличаясь от них более вытянутой формой тулова и большей величиной устья горла и дна. Аналогий среди керамических изделий этого времени не имеет. Серолощенный кубок с биконическим туловом, слегка вытянутым венчиком, невысоким массивным поддоном и большой кольцевидной ручкой украшен нанесенным лощением косыми линиями, спускающимися из-под венчика (табл. 65, рис. 5). Аналогии широко представлены в памятниках Армении и соседних регионов этого времени—Дилижане (80, табл. 2 (4), Мингечауре (26, табл. 25 (6), Баба-Дервише (14, табл. 1 (3) и др.

Большое значение для установления датировки погребений Воскаска имеют найденные во 2-ом погребении удила (табл. 5, рис. 7), состоящие из двухчастных железных трензелей и подвижных бронзовых псалий. Трензеля прикреплены к центральному отверстию на псалиях. Их составные части сцеплены загнутыми концами. Широкие концы трензелей имеют сквозные отверстия для соединения с кожаной частью упряжи. Концы бронзовых псалий украшены шаровидными выступами с завитками на месте их соединения. В центре псалий прямоугольного сечения имеются отверстия для крепления вожжей. Аналогичные удила известны из Редкин-Лагеря (114, табл. 26 (18), Кировакана (155, табл. XIII, 8, 9), Качагана⁶⁷, Нор-Баязета⁶⁸, Сахсагана⁶⁹, Ленинакана⁷⁰, Лалвара (293, с. 140), Двина (134, рис. 48), из погребений Арчадзора, Балукая, Шамхора, Кировабада, Ханлара-Халдана, Астрахан-Базара (128, с. 165—166; 191, с. 82; 99, рис. 7; 65, рис. 1; 27, табл. XXXIX), Триаleti (119, с. 59), Кахети (210, табл. 22, 23), Тепе-Сиалка (284, табл. XXV), Луристана, Ашура и Малой Азии (283, табл. X (166); 296, табл. XIII (3); 277, рис. 600). Б. А. Куфтин и К. Х. Кушнарева датируют удила этого типа началом I тыс. до н. э. Р. Гиршман считает, что они распространились в Закавказье под влиянием изделий из Ирана и Луристана (284, табл. VII, XXV). По мнению А. А. Мартirosяна, обнаруженные в памятниках Армении экземпляры, несмотря на большую общность с удилами других регионов, являются продуктом местного производства (155, с. 145). М. Н. По-

⁶⁷ ГМИА № 1892/19.

⁶⁸ ГМИА № 20/41, 62.

⁶⁹ ГМИА № 661/3.

⁷⁰ ГМИА № 1267.

гребова считает рассматриваемые удила закавказским вариантом удила переднеазиатского типа (212, с. 79—82). По классификации С. А. Осаяна, рассмотревшего и систематизировавшего все находки удил в Армении, образец из Воскеаска относится к V виду удил и датируется IX—VIII вв. до н. э. Он разделяет мнение А. А. Мартиросяна о местном производстве этих удил, обосновывая это тем, что их псалли ничем не отличаются от псалий удил Армении более раннего времени, изготовленных из костей или рогов животных⁷¹. Это мнение представляется нам более обоснованным.

Украшения из конского набора представлены круглой выпуклой бронзовой бляшкой с выступом в центре и с петлей для крепления в виде плоской припаянной пластины (табл. 65, рис. 6). Такие бляшки укреплялись на лбу и груди лошади. Они широко представлены в находках конских наборов в Армении. Особый интерес представляет образец из Кармир-Блур с нанесенным на него именем урартского царя Сардура, что позволяет точно датировать его VIII в. до н. э. (207, № 56). Бляшки из погребения IX—VIII вв. до н. э. Макарашена обнаружены вместе с частью удил переднеазиатского типа (155, рис. 84 (1—3) и характерны для конских наборов I четверти I тыс. до н. э.

Обнаруженный в погребении плоский наконечник стрелы изготовлен из толстой бронзовой пластины (табл. 65, рис. 8). Такие наконечники известны из погребений XII—XI вв. до н. э. Артика (254, рис. 115), святилища Ширакавана начала I тыс. до н. э. и слоя крепости Норашен, датируемых VI—V вв. до н. э. (80, табл. 62). В Цинцаро (119, рис. 85) и Мингечауре (27, табл. XV) они найдены в комплексах погребений конца II—начала I тыс. до н. э. Данный тип наконечников бытовал на протяжении многих веков и не может служить точно датирующим материалом. Судя по частям ручки и лезвия фрагментарно сохранившегося железного кинжала (табл. 65, рис. 10—12), он относится к широко распространенному в конце II—начале I тыс. до н. э. типу кинжалов. Ко времени поздней бронзы и раннего железа относятся и найденные в погребении полушаровидные бронзовые пуговицы (табл. 65, рис. 9) и сердолниковые бусы (табл. 65, рис. 13).

Таким образом, рассмотрение всего комплекса материала позволяет датировать погребение № 2 IX—VIII вв. до н. э.

Обнаруженные в погребении № 4 кувшины типологически повторяют находки из погребения № 2, отличаясь от них лишь мотивами орнаментации и качеством изготовления (табл. 66, рис. 1—3). Одна из них (табл. 63, рис. 1) имеет дугообразную ручку, соединяющую венчик с плечиком, по которому проходит рельефный поясок. Такие кувшины известны из погребений начала I тыс. Ширакавана и синхронного с ними слоя поселения из памятников Садахло, Шейтан-Дага (293, рис. 151, 153, табл. 5), Дилижана (103, рис. 5; 75, табл. XXX—XXXIII), Астхи-Блур (80, табл. 12), из могильников Дарандж, Крапашти-ял (80, табл. 135), Джуджевана (266, табл. 1) и долины р. Дебет (17, с. 273). На некоторых кувшинах ручки украшены выступами в виде круглых пуговиц. Плечики другого безручного кувшина

⁷¹ Пользуемся случаем выразить С. А. Осаяну благодарность за ознакомление с неопубликованной еще рукописью работы.

орнаментированы шахматным узором, образованным прямыми и волнистыми линиями, с точечным заполнением (табл. 61, рис. 2). Шахматный узор является излюбленным мотивом на расписных сосудах эпохи средней бронзы и бронзовых поясах эпохи железа. По всей видимости, на сосуде из Воскеаска традиционный орнаментальный мотив нанесен новой техникой.

Безручный кувшин, украшенный канелюрами (табл. 66, рис. 3), имеет множество аналогий в материалах 5-го погребения Тейшебаани (154, рис. 286), слоя «пожара» Мецамора и погребений, синхронных с ними (245, рис. 54—57, табл. XXXV—XXXVII), погребений Триалети (165, табл. 1 и сл.), Мингечаура (27, табл. 35), Кедабек Калакенда (92, табл. X), долин Шамхорчая и Зегамчая (237, табл. IX, XIV), погребений X—IX вв. до н. э. у с. Мехмана Мардакертского района (28, табл. 1—2). Для нас важно то, что канелюры в орнаментации сосудов появляются лишь в начале I тыс. до н. э. Сероватые горшки с заглаженной поверхностью имеют широкое тулово, выгнутый венчик и плоское дно (табл. 67, рис. 4—7); плечи одного украшены 3 выступами (табл. 6, рис. 6). Такие сосуды были широко распространены в начале I тыс. до н. э. и известны по материалам погребений Ширакавана, Ангехакота (259, табл. 2), Шейтан-Дага (293, табл. 4, 5), Дилижана (103, рис. 9), Сарп-Тепе (187, табл. 2) и других памятников. Кубки в 4-ом погребении Воскеаска представлены 2 типами. Один образец серолощенный с широким раздутым туловом, низкой шейкой, слегка отогнутым наружу венчиком. Венчик с плечом соединяет дугообразная ручка. Плечи и тулово орнаментированы сетчатым узором и вертикальными полосками, нанесенными лощением (табл. 66, рис. 8). Кубки этого типа, редкие для данного времени, известны по находкам из погребений у с. Лор Сисианского района⁷² и 2-го погребения Ангехакота (259, табл. 2 (9)). Другой тип представлен 4 серолощенными кубками с округлым туловом, высокими прямыми плечами и круглым выгнутым венчиком. Они имеют ножку или же массивный поддон и кольцевидную ручку (табл. 66, рис. 9—11). Аналогии известны в вышеперечисленных памятниках.

В рассматриваемом комплексе найдены две миски. Серолощенная миска с плоским дном и вертикальными стенками (табл. 66, рис. 12, 14)—довольно редкая находка для памятников этой эпохи. Известна из Шейтан-Дага (293, табл. 4 (6)) и Мингечаура (27, табл. XXIII (II)). Большой интерес представляет чернолощенная миска полушаровидной формы с плоским дном и небольшой ручкой в виде выступа у венчика (табл. 66, рис. 12). Венчик подчеркнут горизонтальным пояском, а все тулово украшено вдавленными вертикальными поясками. Дно украшено расходящимися от центра углами. Наиболее близка к ней по орнаментации миска из погребения № 3 Мецамора, датированная концом II—началом I тыс. до н. э. и отличающаяся от нашей вертикальными бортами (245, табл. 57 (8)). С. А. Есяян связывает этот орнамент с культом солнца (73, с. 255).

Тарелкообразные сосуды с широкими пологими краями имеют сероватую или коричневую поверхность (табл. 66, рис. 13, 15). К краям венчика одного образца, с внутренней стороны сосуда, прикреплена

⁷² Рукопись статьи О. С. Хнкияна.

вертикальная круглая ручка, придающая изделию вид корзины. Аналогичен ему сосуд из Мингечаура (27, табл. 22). Такую ручку имеет изделие в виде треножника, найденное в погребении XI—X вв. до н. э. в Хасанлу (276, табл. 146).

Найден также железный нож с прямой неширокой спинкой и острым лезвием (табл. 66, рис. 18). В верхней части лезвия имеется круглая выемка. Ножи с подобными выемками очень редки для памятников рассматриваемого времени. Аналогия известна лишь из погребения конца II тыс. до н. э. Ширакавана.

Украшения представлены разнообразными бусами из пасты и сердолика (табл. 66, рис. 16, 17, 20), типичными для эпохи раннего железа и периода его широкого распространения.

Аналогичный рассмотренному материал обнаружен в погребении № 5 (табл. 67, рис. 2—4). Здесь найдены 3 кувшина, отличающиеся от вышеприведенных лишь орнаментальными мотивами. Первый украшен многочисленными полосками по плечам и двумя рельефными поясками на наиболее широкой части тулова (табл. 67, рис. 3). Ручка другого кувшина украшена в верхней части выступом (табл. 67, рис. 4). Тулово третьего сосуда украшено каннелюрами и горизонтальными вдавленными и точечными поясками, а шейка—лощеным орнаментом в виде вертикальных полос (табл. 67, рис. 5). Все эти орнаментальные мотивы хорошо известны по находкам из вышеперечисленных памятников. Горшки представлены 3 типами. Первый тип составляют горшки с биконическим туловом (табл. 67, рис. 1). Второй повторяет горшки 4-го погребения, с той разницей, что на плечиках, помимо выступообразных украшений, имеется орнаментация в виде горизонтальных линий, волнистых и точечных поясков, также характерных для сосудов этой эпохи. Третий тип представлен серолощеными сосудами с широким туловом, низкой шейкой, выгнутым венчиком и плоским дном (табл. 67, рис. 6, 10—12). Один образец из горшков III типа (табл. 67, рис. 6) имеет сравнительно широкую горловину. Плечи украшены двумя горизонтальными поясками, ниже которых на широкую часть тулова нанесены каннелюры.

Тулово другого сосуда (табл. 67, рис. 12) орнаментировано многочисленными поясками, а шейка—двумя лощеными поясками с расположенными между ними вертикальными отрезками. Два других горшка лишены орнаментации (табл. 67, рис. 10, 11), однако плечики первого имеют выступы в виде ложных ручек. Такие горшки встречаются в основном с одноручными или безручными кувшинами в материалах начала I тыс. до н. э. из Тейшебаини (154, рис. 286), Мецамора (245, табл. 36—39), Редкин-Лагеря (75, табл. 3), Кармир-берда (79, табл. II), Цамакаберда (172, рис. 6), Триалети (165, табл. 1), Мингечаура (27, табл. 35 (6—3) и др. Горшки, украшенные полосами, редки для данного времени и известны по находкам в погребениях IX—VIII вв. до н. э. Лусабаца (34, табл. 1) и по материалам эпохи поздней бронзы, раннего железа Кахети (210, табл. 59).

Найденный в 5-ом погребении серолощенный кубок имеет биконическое тулово со слегка приподнятым венчиком, плоским дном и вытянутой длинной ручкой. Верхняя часть тулова украшена широкими горизонтальными поясками (табл. 67, рис. 17). Несмотря на некоторые типологические особенности, он имеет широкие параллели

среди материалов многих памятников начала I тыс. до н. э. Железные ножи с закругленным концом и широкой спинкой лезвия (табл. 67, рис. 19), появившись в начале I тыс. до н. э., получают широкое распространение в VIII—VI вв. до н. э. в Астхи-Блуре (80, табл. 26, 122), Аргиштихинили (159, рис. 89а), Хртаноце (150, табл. XIII, XV (4), XV (II), Бердатехе (80, табл. 33), Триалети (165, табл. XI—XVII), Варданлы (100, табл. VI).

В комплекс материалов погребения входят бронзовые браслеты (табл. 67, рис. 18), пастовые, сердоликовые бусы и украшения из ракушек каури—типичный набор украшений для времени поздней бронзы и раннего железа.

В 6-ом погребении обнаружены одноручные кувшины (табл. 68, рис. 1, 2), иглы (табл. 68, рис. 6—8), предметы конского украшения (табл. 68, рис. 5), повторяющие находки из вышеописанных погребений и имеющие многочисленные аналогии в материалах памятников I тыс. до н. э. Найден также бронзовый наконечник стрелы с квадратным в сечении черенком и плоской головкой с выступающими шпанами. Наконечники этого типа очень широко распространены в памятниках Армении и Закавказья конца II—начала I тыс. до н. э.—Уджали (133, рис. 2), Шираке⁷³, Ширакаване, Двине (134, рис. 16), Мусперн (293, рис. 56), Кировакане (155, рис. 79 (56), Триалети (165, табл. 2, 3, 5), Мингечауре (29, рис. 66), Ходжали-Калакенде (87, табл. 15 (27)). По мнению А. А. Мартиросяна, этот тип стрел, появившись в конце II тыс. до н. э. как продукт местных культур, усовершенствовался и употреблялся урартами (155, с. 204). Такое же широкое распространение имеют и бронзовые пинцеты (табл. 68, рис. 4), известные по материалам погребений Артика X—IX вв. (254, рис. 150), Шейтан-дага (293, рис. 9), Гли (223, рис. 91) и многих других памятников IX—VI вв. до н. э. По мнению ряда исследователей, они употреблялись в медицине, металлообработке и косметике (275, с. 36; 285, с. 341; 116, с. 83; с. 83; 124, с. 152; 143, с. 146).

Найденные в погребении № 7 кувшины (табл. 69, рис. 1—4), горшки (табл. 69, рис. 5, 8) и кубок (табл. 69, рис. 9) типологически схожи с вышерассмотренными сосудами.

Интерес представляет серозаглаженный чайниковидный сосуд с широким туловом, загнутым внутрь венчиком и плоским поддоном. На крае венчика помещена коленовидная ручка со сквозным отверстием, а с противоположной ей стороны—трубчатый цилиндрический носик. Плечи украшены 18 прорезными кругами с 3 ямочками в центре. Верхняя часть тулова покрыта 2 рядами соединяющихся между собой треугольников, заполненных вдавленными линиями (табл. 69, рис. 6). Аналогии известны из материалов Ширакавана, Камо (Нор-Баязета) (135, рис. 75), Кармир-берда (79, табл. 1066), Ангехакота (259, табл. 2 (40), Мингечаура (27, табл. 52 (3)), где они датируются началом I тыс. до н. э. Однотипные сосуды найдены в памятниках Ирана (276, рис. 148). Хотя они во многом отличны от закавказских находок, близость форм свидетельствует об ирано-закавказских культурных связях.

⁷³ МИШ № 318/3, 20, 28.

В Воскеаске обнаружено редкое для керамических коллекций Армении изделие с цилиндрическим туловом серого цвета, сильно закопченным изнутри и снаружи. На одной стороне тулова имеется овальное отверстие. Необычайно массивные ножки обломаны (табл. 69, рис. 7). Это оригинальное керамическое изделие имеет аналогию из Кировакана (155, табл. 22 (11)). По мнению А. А. Мартirosяна, изделие из Кировакана служило в качестве очага-жаровни. Нам кажется, что оно могло играть и роль переносного очага. Очаги-жаровни бытовали до недавнего времени в соседних с г. Ленинаканом селах и других районах Армении (155, с. 221, 222).

Найденные в рассматриваемом погребении бронзовые наконечники стрел (табл. 69, рис. 10, 11), железный кинжал (табл. 69, рис. 12, 13) и полушаровидная пуговица (табл. 69, рис. 15) также повторяют аналогичные изделия из предыдущих погребений. Гораздо более редко встречаются ладьевидные украшения в виде пуговиц, которых здесь найдено 32 штуки (табл. 69, рис. 14). Аналогии известны из Шейтан-Дага (293, рис. 107) и Камо (Нор-Баязет) (135, рис. 71, 72). Такие же украшения найдены в погребениях эпохи поздней бронзы в Гли (223, рис. 114 (59, 68, 70)).

При проведении строительных работ в Воскеаске найдены точно из речной гальки, бронзовое долото, бытовавшие на протяжении длительного периода, начиная с эпохи поздней бронзы, и наконечники, типологически общие с вышеописанными (табл. 69, рис. 16—18).

Таким образом, в катакомбных погребениях Воскеаска представлены изделия, типичные для материальной культуры начала I тыс. до н. э., в которых развиты традиции эпохи поздней бронзы. Обнаруженные здесь удила, нож с тупым концом, бляшки из конского убора и сосуд с каннелюровидными украшениями позволяют датировать весь комплекс IX—VIII вв. до н. э., которые свое дальнейшее развитие получают в VIII—VII вв. до н. э.

ПОГРЕБЕНИЯ ВРЕМЕНИ ШИРОКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЖЕЛЕЗА

Ко времени широкого распространения железа относятся пять погребений могильника Карот Хогер.

Погребение № 41 расположено внутри кромлеха 24-го погребения. В отличие от других захоронений, здесь погребальная камера находилась на уровне дневной поверхности и представляла собой слесженный из небольших туфовых и базальтовых камней наземный ящик размерами 1,5×1×0,25 м. Погребенный был уложен на левом боку с согнутыми конечностями и ориентирован с востока на запад. Перекрытие не сохранилось. Вокруг костяка найдено пять керамических сосудов, а у затылка—бронзовое кольцо с продетым в него цилиндрическим украшением; на груди обнаружены многочисленные бусины из смальты и пасты (табл. 70). Погребения наземного залегания, обложенные камнями, открыты в Назрване (72, с. 8), Джарджарисе. Ичашене (178, с. 95—96), Тандзавере (257, с. 239), Ангахакоте (259, с. 99), Триалети (119, с. 83), Ходжали (133, с. 109—124).

Погребение № 42 расположено в юго-восточной части могильника. Имело кромлех диаметром 8 м, высотой 0,5 м. Погребение перекрывалось 3 плитами размерами 2—2,3 м. Грунтовая погребальная

камера размерами $2,5 \times 1,6 \times 1$ м ориентирована с востока на запад. Погребенный был уложен в северной части камеры на левом боку, головой на юг, с согнутыми конечностями. У головы найдены два горшка и одна керамическая миска, а в южной части камеры — железный нож и бронзовое кольцо. У головы, на груди и около ног обнаружены многочисленные бусы (табл. 70). По-видимому, вся одежда и головной убор погребенного были обшиты бусинами.

Погребение № 43 расположено в северо-западной части могильника. Погребение разрушено, камни перекрытия отсутствуют. В северо-восточной части камеры на поверхности земли найдены останки погребенного, свидетельствующие о разграблении. Погребальная камера размерами $1,9 \times 0,9 \times 0,8$ м высечена в туфе с ориентацией с востока на запад. На дне камеры обнаружены четыре человеческих черепа, фрагменты серых керамических сосудов и многочисленные бусы (табл. 63, рис. 2, табл. 72).

Погребение № 44 расположено в 50 м севернее предыдущего. Перекрыто двумя плитами черного и красного туфа размерами $1,7 \times 1,9$ м. Погребальная камера размерами $3,2 \times 1,3 \times 0,9$ м сложена из больших плит и ориентирована с востока на запад.

Вследствие плохой сохранности погребения не удалось определить положение 3 покойников. В погребении найдены 7 керамических сосудов, один железный нож и разнообразные бусы (табл. 73, рис. 1, 2, 5, 6, 8, 9, 11, 13, 20). Перекрытие из плит различных цветов засвидетельствовано при раскрытии катакомбных захоронений Артика (253, с. 19) и захоронения в каменном ящике, открытого в 1977 г. в Аргистихинили. Возможно, что это имело определенное ритуальное значение.

Погребение № 45 расположено в 50 м южнее 44-го. Перекрыто черной и красной плитами размерами 2—2,1 м. Представляло собой два прилегающих друг к другу каменных ящика, сложенных из плит, общими размерами $3,3 \times 1,7 \times 0,95$ с ориентацией восток-запад. Восточная часть, отгороженная от западной плитой, имеет более низкий уровень пола. В западной части найдены 5 человеческих костяков. Один покойник уложен поперек погребальной камеры на правом боку, головой на юг, с подогнутыми ногами и прижатыми к подбородку руками. На правом запястье сохранились 3 бронзовых браслета, а на шее и поясе — ряды бус из бронзы и пасты. У ног обнаружены 4 керамических сосуда, а у головы — железный нож и бронзовое шило (табл. 63, рис. 4; табл. 73, рис. 3, 4, 7, 10, 12, 14, 15—19, 21). Останки других 4 покойников были небрежно свалены у западной стены. Возможно, здесь похоронены вождь и его рабы.

Такие захоронения известны по раскопкам Е. А. Лалаяна у с. Неркин Геташен (Н. Адиаман). Здесь покойник был уложен на повозку, а 13 костяков находились в одном углу камеры (138, с. 194—196). Аналогичная картина открыта и в погребении Астхадзора, где около трех погребенных по обряду обнаружено 35 сваленных в кучу костяков⁷⁴. В последние годы в Ширакаване раскопаны погребения с конями, где рядом с погребенными по обряду обнаружены останки 14—20 покойников, уложенных без какой-либо закономерности.

В восточной части погребения обнаружены кости крупных и мел-

⁷⁴ По сообщению С. А. Есяяна.

ких животных, а также большое количество бус. Не исключено, что эта часть камеры служила для жертвоприношений животных, специально украшенных бусами. Двучастные захоронения, редкие для памятников Армении, известны по материалам раскопок Редкин-Лагера (293, с. 15), Карчахпюра⁷⁵, Ширакавана, Канагеха (р-н Камо (22).

Таким образом, в могильнике Кети засвидетельствовано два редких для погребений Армении факта: выделение специальной камеры для жертвенных животных и погребение с рабами. Последний факт, несомненно, свидетельствует о развитии классовых отношений.

Из найденных в 41-ом погребении Кети пяти керамических сосудов интерес представляет серолощенный кувшин с округлым туловом, высокой цилиндрической шейкой, плоским дном и дугообразной ручкой (МНШ № 1836), украшенный рельефным орнаментом в виде концентрических полудуг, между которыми расположены одиночные выступы. Ранние аналоги этому орнаменту известны из слоя Мецамора XII—XI вв. до н. э. (245, табл. IX, рис. 7), в материалах с территории Ереванской очистительной станции (79, табл. 5 (6) и из Воскеаска. Однако он был более распространен в VII—VI вв. до н. э., что хорошо прослеживается по материалам памятников Хртаноца (155, табл. XXVII, 6), Вардениса (Басаргечара) (173, рис. 13), с территории Ереванской очистительной станции (68, табл. XIII (3) и Триалети (165, табл. IV). К тому же времени относятся два матовых кухонных горшка, изготовленные из глины с большой примесью песка. Плечи одного украшены семечковидно вдавленной цепью и четырьмя парами выступов-шишечек (табл. 70, рис. 4). Сосуды с такими выступами известны еще с рубежа II и I тыс. до н. э. по находкам во 2-ом и 4-ом погребениях Мецамора (245, табл. XXXV, XLII) и широко представлены в материалах VII—VI вв. до н. э. погребений Воскеаска и с. Нижний Хоратаг Мартунинского района (28, табл. 2). Более пологие плечи другого горшка украшены двумя цепочками семечковидного орнамента (табл. 70, рис. 3).

Серолощенный кубок имеет широкое тулово с низкой шейкой, отогнутым наружу венчиком, плоским дном и большой кольцевидной ручкой, помещенной в верхней части плеч. Верхняя часть кубка украшена многочисленными поясками (табл. 70, рис. 2). Аналогичные кубки известны из Головино (150, табл. XI, XIII) и 3-го помещения Тмбандира (80, табл. 54), где они датируются VII—V вв. до н. э.

В погребении найдена и маслябойка серого цвета с удлинненным туловом, короткой шейкой и выгнутым венчиком. Небольшое отверстие на плечиках окаймлено кольцевидным выступом, рядом с которым помещена горизонтальная ручка. Верхняя часть тулова украшена многочисленными горизонтальными поясками (табл. 70, рис. 1). Внутренняя поверхность маслябойки шероховатая, для ускорения процесса сбивания масла. Маслябойки этого типа, по классификации Т. С. Хачатряна, относятся ко II типу маслябоек Армении и Закавказья (253, с. 145—146). Аналогичные маслябойки найдены в Артике (254, рис. 152), Воскеаске, Лениканане (149, с. 65), Кармир-Блуре (154, рис. 30), Редкин-Лагере, Головино (150, табл. XIX), в могильниках Цинцкаро и Так-Килиса (119, табл. XXIX), Самтавро (268, табл. XIX), Мингечауре (94, табл. 1), Хачбулаге (107, рис. 2) и в других памятниках.

⁷⁵ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

Среди найденных в 41-ом погребении разнообразных предметов украшения интерес представляют изготовленные из бронзовых пластинок, со сходящимися концами, украшенные зернью и зигзагообразными полосками (табл. 70, рис. 5), а также полукруглая в сечении трубка, украшенная сетчатым орнаментом и зернью (табл. 70, рис. 7). Трубочатые изделия, известные по находкам из кромлеха № 1 Головинно (150, табл. XIII, с. 1, 6), Садахло (293, рис. 102) и Вардениса (173, рис. 14), определены как украшения для волос (173, с. 42).

Цилиндрические, овальные и биконические бусы изготовлены из белой и голубой пасты и стекла (табл. 70, рис. 6).

Особо отметим находки бусин типа «домино». Аналогичные бусы известны из Воскеаска, Ширакавана, Артика (254, рис. 155), 5-го погребения Норадуза (155, рис. 82), Ленипакана (155, с. 211), Головинно, Акнера, (150, с. 84—85) и других памятников. Б. А. Куфтин относил их появление к VI—V вв. до н. э. А. А. Мартиросян, исходя из норадузского материала, временем их возникновения считал X в. до н. э. (155, с. 210). Многочисленные и хорошо датированные материалы из Артика позволили Т. С. Хачатрян также отнести появление бус этого типа к началу I тыс. до н. э. и проследить их бытование вплоть до середины I тыс. до н. э. (254, с. 243).

Таким образом, бусы типа «домино», появившись в начале I тыс. до н. э., широко распространяются в VII—VI вв. до н. э. Среди украшений 41-го погребения найдены две бусины из стекла—бочонковидная и цилиндрическая (табл. 70, рис. 6). А. А. Мартиросян считал стеклянные бусы продуктом урартского времени (155, рис. 107). Это мнение разделяет Э. В. Ханзадян на основании рассмотрения находок из Мецамора, Нор-Баязета, Кахси, Атарбекяна, Кармир-Блуре и колумбария Малаклу (245, с. 273). Однако обнаруженные в последние годы таких бусин в 18-ом погребении Кети эпохи средней бронзы, в погребениях Артика, относящихся ко времени поздней бронзы и в погребениях Ширакавана эпохи раннего железа позволяет отдалить время появления бус этого типа и расширить период их бытования с первой половины II тыс. до VII—VI вв. до н. э.

В погребении № 42 найдены три керамических сосуда, железный нож и бусы (табл. 71). Серый кувшин с широким туловом и высокой шейкой украшен по плечам резным орнаментом в виде треугольников (табл. 71, рис. 1). Он имеет многочисленные параллели в памятниках IX—VIII и VII—VI вв. до н. э.: Кармир-Блуре (150, рис. 27а), Эларе (246, табл. 20), Двине (134, рис. 3), Эчмиадзине, Ереване (68, табл. 13 (2, 4), Хртаноце (150, табл. XI), Атарбекяне (174, рис. 7), Астхи-Блуре (80, табл. 122). Биконическая миска (табл. 71, рис. 3) украшена вдавленными прямыми и волнистыми поясками. На нижней части тулова процарапаны полосы. Аналогичные миски известны из Атарбекяна (174, рис. 6), Хртаноца (150, табл. XII), погребении долины Дебеда, где они датируются VIII—VI вв. (17, рис. 30).

Горшок украшен парными выступами-шишечками (табл. 71, рис. 2), характерными для керамики VII—VI вв. до н. э.

Особый интерес представляет железный нож, широкий в средней части и закругленный в конце (табл. 71, рис. 51), с которым можно сопоставить лишь бронзовый нож из погребений Ширакавана, относящихся ко второму этапу эпохи поздней бронзы. Исходя из того, что

лезвие ножа не имеет выступа для соединения с рукоятью, можно предположить, что это нож-скребок для обработки кожи.

Кольцо из бронзовой проволоки имеет слегка утончающиеся концы (табл. 71, рис. 4). Такие кольца встречаются в могильниках рассматриваемого времени и урартских поселениях (Кармир-Блур, Ошакан).

Бусы изготовлены из сердолика, пасты и кости (табл. 71, рис. 6). Сердоликовые бусы представлены тремя типами: многогранной с обрезанными концами, бочонковидной и шаровидной формы. Бочонковидные и шаровидные бусы являются одними из самых распространенных для рассматриваемой эпохи и широко представлены в памятниках конца II и первой половины I тыс. до н. э.—Артике (255, с. 198—199), Воскеаске, Ширикаване, Мецаморе (245, табл. 7), Тейшебани (150, рис. 65), Ангехакоте (259, табл. I), Сари-Тепе (238, рис. 9), Маралин-Дереси (119, рис. 50) и др. Бочонковидные бусы, представляющие собой развитый вариант шаровидных, изготовлены техникой облома (137, с. 26). Отверстия на бусах имеют следы сверления с обеих сторон (137, с. 26—28). Многогранные бусы с обрезанными концами появляются с X в. до н. э. и известны по находкам и погребениям Ангехакота IX—VIII вв. до н. э. (259, табл. I (19) и Триалети IX—VIII и VII—VI вв. до н. э. (165, табл. I и сл.).

Бусы из пасты представлены шаровидными, овальными, кольцевидными, квадратными и биконическими формами. Шаровидные и свальные бусы, найденные в большом количестве, являются типичным украшением конца II и первой половины I тыс. до н. э. и встречаются почти во всех памятниках. В это же время появляются кольцевидные бусы из пасты и кости, а также бусы с поверхностью, украшенной ямочками, линиями (табл. 71, рис. 6). Наибольшее распространение они получают в VIII в. до н. э. широко известны из Ширикавана, Тейшебани (150, рис. 65), Ангехакота (259, табл. I (18), Триалети (165, табл. I и сл.), Сари-Тепе (238, рис. 9), Хачбулаха (215, табл. VI).

Бусы из голубой пасты квадратной формы, украшенные сетчатым орнаментом (табл. 7, рис. 6), встречаются реже и имеют параллели в погребениях IX—VIII вв. до н. э. Ангехакота (259, табл. I (19, 20), в погребениях времени раннего железа Цинцаро и Так-Килиса (119, табл. XXXIII), в 24-ом погребении Триалети (165, табл. III). Бусины с узорчатой поверхностью являлись не только украшением, но и амулетами (247, с. 11). Об этом свидетельствуют многочисленные материалы по этнографии Армении с древнейших времен по сегодняшний день. Так, армяне из Вана и Татева нашивали бусины на одежду и на головной убор для предохранения от сглаза (270, с. 216).

В погребении № 43 найдены лишь предметы украшения—бусы из сердолика, кости и пасты вышеописанных типов и ракушек каури (табл. 72, рис. 1, 3—6). Особо отметим изготовленные из пасты подвески кольцевидного сечения с орнаментированной поверхностью (табл. 72, рис. 4). Такие подвески найдены в погребениях раннего железа Ширикавана, Норатуза (155, рис. 82), Мецамора⁷⁶ и в 3-ем

⁷⁶ Раскопки Э. В. Ханзадян, материалы не опубликованы.

погребении Тейшебаини, датированном ахеменидским временем (150, рис. 65).

Таким образом, хотя большинство украшений из погребения № 43 бытует во время раннего железа, исходя из того, что узорчатые бусы становятся наиболее распространенными с VIII в., мы датировем данный комплекс VIII—VI вв. до н. э.

Погребение № 44 выделяется многочисленностью находок керамических сосудов и изделий из бронзы и железа (табл. 73, рис. 1, 2, 5, 6, 8, 9, 11—13, 20). Двуручный горшок имеет пологие плечики и широкое дно (табл. 73, рис. 1). Этот тип горшков появился в Армении и Закавказье еще с последнего этапа эпохи поздней бронзы и получил широкое распространение в I половине I тыс. до н. э. Но горшок из Кети по пологости плечиков и широте дна более близок к сосудам из малых курганов VII в. до н. э. Мугано-Карабахской степи (91, рис. 8) и из грунтовых захоронений VIII—VI вв. до н. э. Мингечаура (95, табл. 1), а также изделиям Кетабек-Калакенда (87, табл. X).

Кухонный горшок ручной лепки, изготовленный из глины с большой примесью песка, украшен тремя рядами цепей семечковидного орнамента (табл. 73, рис. 5). Такие горшки широко бытуют в эпохи раннего и широкого распространения железа.

Аналогии розовой миски с заглаженной поверхностью и отогнутым венчиком (табл. 73, рис. 11) известны по материалам Шейтан-Дага (293, 4 (а), Лори-берда (55, табл. 4 (8), крепости Сурб-Наатак (80, табл. 58 (2) и датируются VII—VI вв. до н. э. По мнению А. А. Мартиросяна, их прототипами являются миски, обнаруженные в Аргштихинили и относящиеся к VIII в. до н. э. (159, с. 147). Внимание заслуживают чернолощенные миски с полшаровидным туловом и узким заостренным небольшим дном (табл. 73, рис. 9), аналогичные мискам из Шейтан-Дага (293, табл. IV (2), Бешташени (119, табл. XVIII), Мингечаура (27, рис. 14). По форме и размерам узкого заостренного дна они особенно близки к сосудам урартского производства из Аргштихинили и Тейшебаини (159, рис. 52). По всей вероятности, в данном случае мы видим процесс синтеза форм сосудов местного и урартского производства. Об этом свидетельствует их единая датировка VII—VI вв. до н. э. Судя по форме дна, можно предполагать, что они являлись сосудами культового назначения и ставились на специальные подставки или углубления в платформе.

Редкой находкой для комплексов Ширака второй четверти I тыс. до н. э. является и спаренный чернолощенный сосуд (табл. 73, рис. 8). Он представляет собой два полшаровидных горшочка, со слегка отогнутым венчиком и невысоким поддоном, прилепленных друг к другу. В месте соединения помещена дугообразная ручка. Такой сосуд из трех частей найден в 5-ом погребении Мингечаура (27, табл. 41) и датируется XI—X вв. (52, с. 83). Спаренные сосуды найдены в Тейшебаини, один, датированный VII—VI веками до н. э. в материалах цитадели (207, кат. 117), другой в могильнике раннеармянского времени (150, рис. 66). Если мингечаурский сосуд имеет черную поверхность с точечным орнаментом, то сосуд из цитадели имел красноангобированную поверхность, а из могильника—расписную. Сосуд из Кети по

форме наиболее близок к сосуду из цитадели и датируется VII—VI вв. до н. э.

В погребении № 44 найдены также бронзовая игла и железный нож. Игла изготовлена из бронзовой проволоки (табл. 73, рис. 12) и имеет аналогии среди находок из Артика, в материалах второй и третьей групп погребений (255, с. 194 и сл.), Ленинкана (155, рис. 110), погребений поздней бронзы и раннего железа Ширакавана, Редкин-Лагеря, поселения Пакер (80, табл. 110, 128) и множества других памятников. Серповидный железный нож с толстой тыльной частью лезвия и острой режущей (табл. 73, рис. 20) характерен для Закавказья и Армении VII—VI вв. до н. э. Ножи этого типа найдены в Шейтан-Даге (293, рис. 121), Хртанце (155, рис. 135 (3—5), Цинц-каро (165, табл. 15, 16) и Головино (167, табл. 6 (2, 5)).

Таким образом, хотя значительная часть материалов 44-го погребения несет на себе архаические черты, спаренный сосуд и особенно кривой железный нож, позволяют датировать его VII—VI вв. до н. э.

В погребении № 45 найдены горшки, железный нож, бронзовые браслеты и кольцо. Горшки (табл. 73, рис. 3, 4, 7, 10) по форме и орнаментации не отличаются от сосудов погребения № 44. Кольцо из овальной в сечении проволоки (табл. 73, рис. 14) слегка овальной формы типологически близко к кольцу из погребения № 42 и датируется тем же временем. Браслеты имеют овальное сечение и утонченные сближающиеся концы (табл. 73, рис. 16—18). Такие браслеты найдены в погребениях первой группы Артика (254, рис. 91), погребениях XI—X вв. Такни и Лцена (155, рис. 52, 62), погребениях Норатуза, датируемых IX—VIII вв. (155, рис. 76, 81), слое начала I тыс. поселения Кахни-цар, погребениях Кирги VII—VI вв. (80, табл. 132, 133), слое IX—VIII вв. до н. э. Двина (134, рис. 51), Цамакаберде (171, табл. 1) и др. На территории Грузии и Азербайджане они найдены в погребении конца эпохи поздней бронзы № 39 Маднисчала (232, рис. 14), в Бешташени (119, табл. 50), Кетабек-Калакенде (87, табл. II), Мингечауре (27, табл. XX) и др. Браслеты этого типа, имея длительный период бытования, не могут служить точно датирующим элементом. В датировке захоронения основную роль играет кривой железный нож, позволяющий отнести погребение к VII—VI вв. до н. э.

ГЛАВА III

ХОЗЯЙСТВО И РЕМЕСЛА

Земледелие. Вследствие благоприятных географических и климатических условий Армянское нагорье явилось одним из очагов становления и развития человечества. Начиная с эпохи неолита здесь прослеживается переход от охоты и собирательства к оседлому земледелию и скотоводству. Немаловажную роль в этом сыграло то, что Армянское нагорье являлось одним из очагов распространения дикой пшеницы и других злаковых (37, с. 135—137; с. 54, 229, с. 241—260).

В исследовании процесса становления и развития земледельческих обществ в Армении и Закавказье огромное значение имеет рассмотрение материалов Шенгавита, Мохраблур, В. Хатунарха, Техута (216, с. 149—150; 156), Шулаверн, Арухло, Тойре-Тепе, Баба-Дервиша, Кюль-Тепе 1 (132; с. 26—38) и других раннеземледельческих поселений, где в большом количестве обнаружены использовавшиеся древними жителями орудия из кости и камня, а также керамические изделия, применявшиеся в земледелии и скотоводстве.

О развитии земледелия свидетельствуют найденные в памятниках Армянского нагорья III тыс. до н. э. специализированные орудия труда, в основном мотыги и обуглившиеся зерна культурных растений. Редкая для данного времени каменная мотыга обнаружена в Кети (табл. 6). Широко употреблялась и соха, причем в качестве тягловой силы использовался крупный рогатый скот. Об этом свидетельствуют соха из рога, найденная в Квацхелеби (61, табл. 33 (II)) и каменная статуэтка бычка из Арича (254, рис. 38) с рогообразными выступами с бороздками и ямочками. По мнению Т. С. Хачатряна, они символизируют проведенную сохой борозду с ямками для посева зерен (254, с. 84). Применение сохи и крупного рогатого скота в качестве тягловой силы обусловило расширение площади обрабатываемых земель. В памятниках III тыс. до н. э. обнаружены глиняные статуэтки быков с ярмом на шее, на котором имеются отверстия для привязи и модели повозок (204, с. 6). С этой точки зрения особый интерес представляют найденное в Кети колесико (табл. 14, рис. 5) и глиняная модель повозки из Арича (254, рис. 37). Модели колес обнаружены также в Шреш-Блуре, Гарни, Шенгавите, Коси Чотере (242, с. 39), в Двине (134, рис. 7), Квацхелеби (61, с. 61), Чемикенде (116, рис. 86), Гео-Тепе (282, с. 24—52), Яник-Тепе (281, рис. 62). Об использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы свидетельствуют и наскальные изображения Сюника и Гехамских гор (106, 160). С. А. Есяян одной из причин, обуславливающих появление транспортных средств, считает необходимость перевозки земледельческой продукции с отдаленных полей (76, с. 13).

В раскопанных в 1936—38 гг. Байбуртяном (200, с. 173) и в 1958—56 гг. Сардаряном (216, с. 231) ямах-хранилищах в Шенгавите обнаружены остатки колосьев и зерен различных видов круглой мягкой пшеницы, ячменя и ржи (230, с. 75—80). Остатки зерен мягкой карликовой пшеницы и мелкозерного чешуйчатого ячменя (3, с. 86—87) найдены в Мохраблуре (242, с. 34), Эларе (30, с. 39), Кюль-Тепе (200, с. 178; 7, с. 44).

В поселении Баба-Дервиш найдены зерна как мягкой, так и твердой пшеницы (28, с. 86—87). Остатки зерен найдены и в кургане Дика-Гуцури (164, с. 864).

Развитию земледелия в горных и предгорных районах способствовало сооружение локальных оросительных систем (206, с. 110), к которым относится и оросительная система местечка Сгнахнер, сооруженная в III тыс. до н. э. и состоящая из небольших каналов для ручьев и бассейна, откуда собранную воду по канавкам выпускали для орошения близлежащих земель. Аналогичные оросительные системы открыты в памятниках Северо-Восточной Армении раннебронзовой эпохи (80, с. 160—161). Оросительные системы в долинных участках появляются еще раньше—с эпохи энеолита. Они обнаружены в Араратской долине, Мильской степи, Марнеульском районе (156, 132, с. 108) и др.

О развитии земледелия свидетельствуют найденные в Кети и по всей Армении и Закавказью орудия для сбора и переработки продуктов—каменные вкладыши серпов, зернотерки, песты, терочники. На последующем этапе появляются бронзовые серпы, найденные в Гарни (16, рис. 12), Нахичеванском Кюль-Тепе (30, рис. 25), погребении Амранис-Гора (130, рис. 26). Но несмотря на появление бронзовых сельскохозяйственных орудий, продолжали широко употребляться каменные орудия труда, бытование которых засвидетельствовано вплоть до эпохи железа.

Вся материальная культура Ширака, в том числе Кети, в эпоху средней бронзы представлена находками из погребений, что, естественно, не дает возможности делать какие-либо обобщения по вопросам развития земледелия в эту эпоху. Наши представления о материальной культуре эпохи средней бронзы дополняют материалы из поселений Муханнат-Тапа (155, с. 51—52), Мецамора (245, с. 21) и Узерлик-Тепе (131, с. 78—79). Найденные в них зернотерки, терочники, песты, вкладыши серпов, лошिला и другие орудия почти ничем не отличаются от орудий эпохи ранней бронзы. Это относится и к вкладышам серпа из 17-го погребения Кети (МИШ № 2216).

Не прослеживаются изменения и в видах культивируемых растений, о чем свидетельствуют находки пшеницы, ячменя и ржи в Узерлик-Тепе (126). Найденные тут же ямы-хранилища для зерна свидетельствуют о сохранении традиционных форм хранения урожая.

Важным свидетельством процесса развития земледелия в данную эпоху являются обнаруженные в Зангезуре (67, рис. 1) и Лчашене⁷⁷ каменные плиты для молотбы на гумне с ямочками и отверстиями по краям, свидетельствующими об их использовании с помощью крупного рогатого скота. Однако и в этот период, как и в более раннее время

⁷⁷ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

в качестве вспомогательных средств добычи пищи сохраняется собирательство. Отметим, что различные съедобные дикорастущие растения употребляются в Шираке и до сегодняшнего дня.

Об уровне развития земледелия в Шираке в эпоху поздней бронзы свидетельствуют находки в различных памятниках зернотерок, ступ, пестов, каменных вкладышей составных серпов и особенно бронзовых серпов. Широкое распространение бронзовых серпов в памятниках изучаемого периода, в том числе Кетн, говорит о возросшем уровне сельского хозяйства. Хотя здесь до сих пор не удалось обнаружить остатков зерновых культур в памятниках этого времени, как находки хлебных злаков из памятников других регионов Армении (230, с. 162—172), так и многочисленные письменные источники указывают, что Ширак не мог быть исключением в процессе развития сельского хозяйства Армении. В урартских надписях VIII в. до н. э. (46, с. 103—114; 206, с. 168—169) говорится о захвате в стране Эрпахи (Шираке) больших хлебных хранилищ.

Особый интерес представляет надпись Сардури II, в которой говорится: «...Напав на страну Эрпахи, в один день захватил потайные амбары страны Эрпахи, сооруженные их отцами, дедами и прадедами... Величием бога Халди захватили сто пятьдесят потайных амбаров» (163, с. 279—280). О плодородии Ширака свидетельствует и отрывок из древних преданий, сохраняемый в истории Мовсеса Хоренаци: «(Арамаис) ... своего сына многодетного и прожорливого Шарая со всей семьей отправляет в ближайшую и плодородную долину за склоном северной горы Арагац, где текут многочисленные воды, и эта долина стала называться по его имени Шираком» (179, с. 104). Среди сельчан до сих пор распространена поговорка: «Если у тебя глотка Шарая, то у нас не ширакские амбары».

О высоком уровне развития земледелия свидетельствуют найденные в 508-ом погребении Артика остатки молотильной доски (254, с. 254), каменные прототипы которой, как было указано выше, обнаружены в Зангезуре и Лчашене. В этот период, по-видимому, для вспашки уже употреблялась деревянная соха. Такая соха изображена на фрагменте керамического сосуда из 20-го погребения Ходжалки (194, с. 138). Тягловой силой, вероятно, служили быки. Соха изображена и на наскальных рисунках Сюника (16, с. 85) и Кобыстана (36, рис. 6). В одном из погребений Маралика эпохи поздней бронзы найдена бронзовая модель сохи (295, рис. 100). Очень интересные данные, подтверждающие предположение об использовании крупного рогатого скота в качестве тягловой силы в земледельческих процессах, получены палеозоологом С. К. Межлумян при анализе костей животных, найденных в памятниках этого времени. Обнаруженные в погребениях кости быков (*Bos taurus primigenius*) принадлежали особям преклонного возраста и не были использованы для пищи. Они, по-видимому, служили в качестве тягловой силы.

Дальнейшее развитие земледелия переживает в период раннего появления и широкого распространения железа, что подтверждается находками остатков зерен хлебных культур в памятниках Армении и соседних с ней регионов. В большом количестве обугленные зерна найдены в Мецаморе в слое «пожара» и в комплексах «ремесленных мастерских» (245, с. 66). Они найдены также в окрестностях Джудже-

вана (265, с. II и сл.), доурартском слое Кармир-Блура (155, с. 202). Остатки зерен, хранившихся в пищевых ямах, найдены в Ханларе, Мингечауре и Сари-Тепе (51, с. 16).

Важным моментом в развитии земледелия явилось появление железного наконечника для сохи. Находки в Ленинакане, Кети, Ариче каменных, бронзовых и сохранившихся деревянных частей земледельческих орудий труда показывают, что Ширак издавна был одним из центров выращивания зерновых культур. Это подтверждается и находками железных серпов в погребениях времени раннего железа в Артике (254, рис. 151) и вышеупомянутой молотильной доски в погребении № 508. Такие доски найдены и в других памятниках этого времени—Ахтале (293, с. 138), во 2-ом кургане Ханлара (50, с. 55). О развитии орудий земледелия свидетельствует и находка в урартских памятниках железных сошников (206, с. 115; 138, рис. 56; 159, рис. 4), производительность которых была намного выше деревянной сохи.

Особенно примечательны оросительные системы в центральной части Ванского царства и в Араратской долине, которые позволили намного увеличить территории поливных земель (205, с. 138; 201, с. 26; 25, с. 45).

Расширение оросительных систем, освоение новых земель, использование новых усовершенствованных землеобрабатывающих орудий способствовало общему развитию земледелия.

Надпись урартского царя Аргишти, найденная в Карсской области у Верхнего Сарикамыша сообщает, что он завоевал город Ахурени с хлебными амбарами, а в Ванской надписи царя Сардури II говорится о захвате в стране Эриахи 50 хранилищ зерна (163, с. 278—280).

Скотоводство. Географические и климатические условия Ширака, его расположение в предальпийских и альпийских зонах на высотах 1400—2100 м над уровнем моря способствовали развитию здесь с древнейших времен скотоводства.

Особенно богаты пастбища на юго-западном и северо-западном склонах горы Арагац (101). Альпийскими и предальпийскими лугами покрыты северо-западные склоны Ширакского хребта, богатые родниковыми водами и чрезвычайно удобные для выпаса скота, где находится памятник Кети.

О развитии скотоводства свидетельствует остеологический материал. Анализ остеологических останков из поселения Сгнахнер показывает, что здесь содержался крупный и мелкий рогатый скот. Так, здесь найдены кости двух особей крупного рогатого скота (*Bos taurus primigenius*), одной овцы (*Ovis arles*), одной собаки (*Canis familiaris*), одного оленя (*Cervus elephus*) (табл. 74). Интересные данные получены по материалу Ширакаванского поселения. По 140 останкам животных определены 8 туров, 2 овцы, 1 осел (*Eguus asinus*), 9 оленей, 1 джейран (*Gazella subgutturosa*), 1 козуля (*Capreolus capreolus*), 2 волка (*Canis lupus*), 2 барсука (*Meles meles*). В Шенгавите в основном содержался крупный и мелкий рогатый скот, но в хозяйстве имелись также лошади, свиньи и собаки (280, с. 172). В Эларе на раннем этапе ранней бронзы преобладал мелкий рогатый скот, а во II половине

III тыс. до н. э.—крупный (30, с. 40). Наряду с ними содержались козы, свиньи, лошади и собаки (246, с. 59).

Преобладание во II половине III тыс. до н. э. крупного рогатого скота отмечено и в Коси-Чотере (242, с. 40) и Баба-Дервише (132, с. 109). Материалы памятника северо-восточной части Армении III тыс. до н. э. Джагацатех показывают наличие здесь коров, коз, диких животных—косули, зайца, кабана. Все они представлены молодыми особями, вероятно, употребленным в пищу (80, с. 168). Близкая картина выявлена и по материалам памятника Шахлама 2, где найдены останки трех особей телят, козы, овцы, лошади, осла. Из диких видов найдены останки благородного оленя (80, с. 168—169).

Таким образом, остеологический материал эпохи ранней бронзы свидетельствует о наличии в поселениях как крупного, так и мелкого рогатого скота. С. А. Есаян справедливо считает, что несмотря на увеличение поголовья мелкого рогатого скота в эту эпоху, преобладающим остается крупный рогатый скот (80, с. 170). На широкое развитие в Ширакской долине скотоводства указывают находки в Кети и Ариче (254, с. 77—87) статуэток быков и баранов. Особо отметим находку статуэтки пастуха из Арича (254, рис. 37) и Мохраблур (18а, с. 258), подтверждающую предположение Б. Б. Пиотровского о существовании в этот период больших стад, охраняемых собаками (204, с. 5—15). Развитие скотоводства создавало возможность накопления больших ценностей—скота и получаемого от него продукта, особенно кожи и шерсти, в частном владении. Это в свою очередь обуславливало ускорение процесса социальной дифференциации (199, с. 78). На большую ценность шерстяных изделий указывают ассирийские источники, в которых в перечне товаров, привозимых в Ассирию из различных регионов, в том числе с территории Армянского нагорья, шерстяные изделия следуют за медью (271, с. 29).

Возвращаясь к вопросу о месте скотоводства в Шираке и особенно в Кети, следует подчеркнуть, что соседство последнего с предальпийскими богатыми пастбищами позволяет предположить, что здесь скотоводство играло большую роль, так как не возникало необходимости далеких выгонов скота.

Немаловажную роль в ведении хозяйства играла переработка молока, о чем свидетельствуют фрагменты специализированных керамических сосудов. Определенное место продолжает занимать охота, о чем говорят находки в памятниках этого времени костей диких животных (олень, кабан, коза, заяц и т. д.), а также широкое бытование различных охотничьих видов оружия (наконечники стрел, дротиков и т. д.).

Памятники эпохи средней бронзы слабо представлены и изучены как в Шираке, так и во всей Армении. Это обуславливает неполноту наших знаний о характере и месте скотоводства в хозяйствах этого времени. Поэтому очень важны данные по исследованиям могильников этой эпохи. Так, в погребениях № № 16 и 18 Кети найдены кости овцы, а в погребении № 15—коровы и быка (табл. 74). В Ариче найдены также останки домашней козы (254, с. 122). В погребении с расписной керамикой Арцаберда (с. Кирги, Шамшадинского р-на) из 33 костяков 5 принадлежали крупному рогатому скоту, 2—собаке, 6—оленю, 2—лошади (80, с. 171). Особенно важны данные поселения

предгорного типа Узерлик-Тепе, где определены 26 особей крупного рогатого скота, 20 особей коз и овец, 5 домашних свиней и 1 особь собаки (127, с. 416). Аналогичную картину рисуют материалы насыпи 36-го погребения Ханлара, где все обнаруженные костяки животных принадлежали домашним видам, с преобладанием крупного рогатого скота (коровы и быки), на втором месте были овцы и козы и меньше всех было костяков лошади и свиньи (48, с. 128).

Как видно из приведенных данных, основная масса костяков принадлежит домашним животным, что свидетельствует о ведении оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства. В то же время наличие большого количества костей животных свидетельствует о значительном развитии скотоводства и его большой роли в жизни населения.

Ряд богатых погребений этого периода (Кировакан, Триалети, Кирги, Кети), в которых видно значительное имущественное неравенство, трактуются исследователями как захоронения вождей развитых скотоводческих племен.

Остеологический материал из памятников эпохи поздней бронзы свидетельствует о дальнейшем развитии скотоводства. Несмотря на то, что в погребениях Кети этого времени лишь в двух случаях обнаружены кости животных (в погребении № 20—кости лошади и овцы, в погребении № 28—овцы), материалы погребений Артика богаты остеологическими останками крупного и мелкого рогатого скота (коровы, быка, овцы и козы) (254, с. 256), в основном принадлежавшими молодым особям. Это позволило Т. С. Хачатряну высказать мнение, что в пищу шли в основном молодые животные (254, с. 257). Из найденных в 483 погребениях костяков 157 принадлежали крупному рогатому скоту, а 326—мелкому (254, с. 257). Большое количество останков мелкого и крупного рогатого скота найдено в памятниках Севанского бассейна Мрдби-дзор и Лчашен (135, с. 34).

Весьма важно наблюдение С. К. Межлумян, нашедшей, что количественное соотношение видов крупного и мелкого рогатого скота в эпохи средней и поздней бронзы не меняется (161, с. 65).

Большую информацию об уровне развития скотоводства в Шираке несут данные урартских надписей. В одной из надписей Аргишти I сообщается, что он угнал во время похода на страну Эрнахи и прилегающие к ней области 1104 лошади, 35016 голов крупного и 101829 голов мелкого рогатого скота (163, с. 212; 25, с. 180). В другой надписи, говорящей о походе на страны Эрнахи, Мана, Этиуни, Катарза, упоминаются 1200 коней, 29054 голов крупного и 6000 голов мелкого рогатого скота (163, с. 22; 25, с. 180). Факты такого рода имеются и в надписях Сардури II.

Из данных урартских источников видно, что значительную роль в то время играло и коневодство, что подтверждается и материалами памятников эпохи поздней бронзы. В 20-ом погребении Кети найдены скелеты лошади и жеребенка вместе с повозкой, что говорит об использовании лошади. Кости лошади найдены и в 218-ом погребении Арпича (254, с. 258). О развитии коневодства в Шираке свидетельствуют находки частей конского снаряжения в погребениях Артика, Спандаряна, Сарнахпюра Ахурянского района и др. (254, с. 258).

Обнаруженные в памятниках Ширака (погребение № 100 Артика)

кости собаки говорит о ее использовании в охране и выпасе стад (254, с. 258).

В этот период преобладающим являлся тип отгонного скотоводства, что способствовало развитию обработки молочных продуктов. Это хорошо прослеживается по большому количеству керамических маслбоек и сосудов, использовавшихся для приготовления и хранения молочных продуктов.

Значительную роль в хозяйстве этого времени сохраняла охота, что видно по находкам в 29-ом и 31-ом погребениях Кети костей оленя, лисы (*Vulpes vulpes*), перевязки (*Vormella peregusna*) (табл. 74). Кости оленя найдены и во многих других памятниках Ширака и Армении (254, с. 259). Лиса и хорек, кости которых, по данным С. Межлумян, впервые встречены в памятниках этого времени, вероятно, были ритуальными животными.

В конце эпохи поздней бронзы окончательно утвердился тип отгонного скотоводства. Об этом свидетельствуют и находки последних лет в Кети и Шираке, а также надписи урартских царей.

Остеологический материал раскопок циклопической крепости Кети содержит кости как домашних, так и диких животных. Из них определены 3 вола, 4 коровы, 2 овцы, 2 лошади, 1 осел, 1 волк и 2 джейрана.

Аналогичная картина прослеживается по материалам погребений Кети этого времени. В погребении № 33 найдены кости 1 лошади, № 35-ом—2 быков, 1 зайца (*Lepus eugraeus*), 1 хорька и 1 птицы, а в погребении № 38 найдены кости 1 овцы, 1 коровы и 1 джейрана. Как видим, в остеологических останках превалирует крупный рогатый скот. Небольшой остеологический материал обнаружен и в поселении I четверти I тыс. до н. э. Воскеаска. Здесь определены бык, лошадь и два олененка. Более интересны данные шираканского поселения⁷⁸. Здесь определены 3 коровы и 4 быка, 2 овцы, 17 коз, 4 лошади, из которых одна относилась к типу лошадей с широким копытом, 2 собаки, из которых одна преклонного возраста, 6 кавказских благородных оленей, 1 косуля, 1 джейран, 2 кунницы (*Martes foina*). И здесь, как видно, крупный рогатый скот превалирует над мелким, если не считать коз, столь большое количество которых является, очевидно, исключением. Такая же картина наблюдается и на других памятниках этого времени. Так, в Мецаморе определены 10 коров и быков, 3 овцы, 6 коз (245, с. 66). Превалирование крупного рогатого скота над мелким наблюдается и в памятниках Северо-Восточной Армении—и поздней бронзы, и раннего железа (80, с. 172—174).

Более точные данные по скотоводству Ширака этого времени сообщают надписи урартских царей. В летописном своде Сардури II говорится о частых походах в страну Эриахи (Ширак) и увводе оттуда больших стад. В данных о втором походе в Эриахи сообщается о 412 конях, 6665 гол. крупного рогатого и 25735 гол. мелкого рогатого скота (163, с. 271; 25, с. 180). В других надписях о походе в Эриахи и Пулуади говорится об увводе 1613 коней, 115 верблюдов, 16529 гол. крупного и 37685 гол. мелкого рогатого скота (163, с. 284; 25, с. 180).

⁷⁸ Анализ остеологического материала Ширакана произведен палеозоологом С. К. Межлумян

По подсчетам академика Б. Б. Пиотровского, только во время двух походов на Эриахи оттуда было угнано 23194 гол. крупного и 63420 гол. мелкого рогатого скота, а в период всех походов Сардури—110000 гол. крупного и 200000 гол. мелкого рогатого скота (205, с. 149).

Помимо разведения крупного и мелкого рогатого скота, как сообщают урартские источники, подтвержденные анализами костей из памятников Ширака, местное население занималось и коневодством, что вызывалось необходимостью использования коня в качестве тягловой силы, боевых конниц и для верховой езды. Продолжает широко бытовать переработка молочных продуктов. Появляется новый вид продукта—сыр, полученный из творожной массы, о чем свидетельствует находка обуглившихся пищевых продуктов в Кармир-Блуре (45, с. 265—270). Получение сыров этим способом является сложным усовершенствованным процессом (45, с. 270).

В то же время жители Кети продолжали заниматься охотой как вспомогательным видом хозяйства, о чем свидетельствуют находки останков оленя, джейрана, зайца, лисы, волка, хорька и птиц (табл. 74). По мнению Б. Б. Пиотровского, это связано с длительными перекочевками скота (204, с. 9).

С. К. Межлумян считает, что останки диких животных в Кети составляют гораздо больший процент по сравнению с другими памятниками этого времени. Находка костей волка, редкого для других памятников, также свидетельствует о значительной роли охоты в жизни древних обитателей Кети.

Металлообработка. Богатая рудными месторождениями Армения издревле являлась одним из центров металлургии Переднего Востока и Закавказья. Об этом свидетельствуют результаты специальных исследований и письменные источники. Так, ассирийские письменные источники конца III тыс. до н. э., говорящие об обменных и торговых связях, сообщают о меди, вывозимой с территории Армянского нагорья через Мусасир (Джуламеркские горы) и Шуприю (Сасунские горы) (271, с. 29—30).

Как показали исследования А. А. Иессена, Алавердские (теперь Туманянские) и Дилнжанские рудники являлись древнейшими центрами добычи меди на Армянском нагорье (88, с. 32—63). В дальнейших исследованиях по определению древних металлургических центров Передней Азии А. А. Иессен выделил районы южнее Трапезунда и Чороха, а также район юго-восточнее Харберда (Элязиг) у Аргана (Эрганимадси). Все они находятся на территории Армянского нагорья и имели важное значение для металлургии не только Закавказья, но и Северной Сирии и Месопотамии (90, с. 6). По мнению А. А. Мартиросяна, еще шумеры, не имевшие своих медных рудников, использовали руду Омана, Малой Азии и Армянского нагорья (155, с. 29).

Широкий обмен изделиями из металла с регионов Армянского нагорья, Закавказья и Переднего Востока отмечен А. А. Иессеном (88), Б. А. Куфтиным (122), Б. Б. Пиотровским (200), Е. И. Крупновым (118), О. М. Джапаридзе (62), А. А. Мартиросяном (242), Р. М. Мунчаевым (182), К. Х. Кушнаревой и Т. Н. Чубинишвили (132), Э. В. Хансаян (242), Т. С. Хачатряном (254), С. А. Есаяном (80) и др. Это подтверждается и новыми материалами с территорией Армянско-

го нагорья и Передней Азии, результаты которых обобщены в исследованиях Р. Селимханова и А. Геворкяна и в других работах.

Заслуживает особого внимания тот факт, что некоторые рудники северной части Армянского нагорья—Алаверди, Ахтала, Шамлуг, Сисмадан используются лишь с эпохи поздней бронзы, а другие—Акнадзор (Шагали-Элар) и Антоновка—с III тыс. до н. э. (39, с. 6; 41, с. 23—27). Вторичные металлургические процессы не производились около рудников. Об этом свидетельствуют многочисленные находки литейных форм и других орудий в памятниках Ширака и Араратской долины.

Как мы указывали выше, в Кети не обнаружено металлических изделий III тыс. до н. э., однако они широко представлены в других памятниках Ширака этого времени. Все находки можно подразделить на две группы: случайные находки, включающие обушные топоры, вислообушный клевец и плоский кинжал (153) и находки из поселения и погребения Арпча.

Топоры представлены двумя типами. Первый тип имеет клиновидное острое короткое лезвие и закругленный обух. Ближайшие аналоги известны по находкам из Кети и других памятников (Ганлиджа, Шенгавит, Ехегнадзор, Хизанаант-Гора, Новый Ахштыр и др.) маленких клиновидных каменных топоров, которые, как справедливо ответил Т. С. Хачатрян, предшествовали металлическим образцам (254, с. 55). Как показали находки в Шенгавите (32, с. 186—197), Гарни (241, рис. 21), Кюль-Тепе (8, с. 67), литейные формы клиновидных топоров являются продуктом местной металлургии. Аналогичные топоры найдены также в Джрашене (158, с. 122—127), Загесе (119, с. 10—13), Северной Осетии (Ялбузи (123, с. 35), Кулбакеби (141, с. 14—16), Брдадзоре (62, с. 103), на Северном Кавказе (89, с. 186, и сл.). А. А. Иессен отмечал, что, являясь в основном продуктом местного металлургического производства, они первоначально проникли сюда с юга в качестве готовых изделий (89, с. 186 и сл.).

Другой обушный топор, найденный на территории Лениканского мясокомбината (40, с. 94—98), повторяет форму топора из Межрислеви (119, с. 6; 113, с. 139), отличаясь от него закругленным обухом, характерным для топоров середины III тыс. до н. э. Если бы не это, можно было бы предположить, что они оба отлиты в одной форме. Спектральный анализ показал наличие в металле значительного процента мышьяка—1,65%, что является показателем специальной искусственной добавки его к меди для получения бронзы (табл. 75). Этот процесс является характерным для бронзовой металлургии Куро-Аракской культуры. В химическом анализе этого изделия определяющим является наличие 0,02% никеля. Как известно, бронзовая металлургия древней Армении представлена металлами двух групп: с высоким (0,03%) и более низким (0,02%) содержанием никеля. Изделия с низким содержанием никеля встречаются на протяжении всего III тыс. до н. э., в то время как изделия с более высоким содержанием никеля—лишь со второй половины III тыс. до н. э. (39, с. 11—12).

Другой найденный в Леникане топор относится к топорам с трубчатым обухом II половины III тыс. до н. э. Он имеет сравнительно длинную рабочую часть, длинный трубчатый обух (155, рис. 9).

Аналогичные топоры найдены в Армении: в Мартуни и Карсе

155, с. 40—41). Для нашей темы наибольший интерес представляет керамическая модель топора с трубчатым обухом из Арича (254, рис. 14). Эта находка свидетельствует об изготовлении топоров такой формы в Шираке (254, с. 56). Топоры такой же формы из Грузии (Сачхери, Эшерн, Чнатура) (132, с. 123) имеют некоторое отличие в очертаниях рабочей части и обуха. Сравнительный анализ показывает, что изделия из Армении более близки по типу к шумерским и Эламским образцам (Киш, Ур, Тепе-Али-Амад), а находки из Грузии—к туристанским (155, с. 41). Таким образом, как находки топоров, так и глиняная модель из Арича свидетельствуют об их местном производстве.

Аналогичные топоры найдены в Алаверди (71, табл. V (6) в кладе Джрашена (158, с. 122—127), в Дманиси (Кахети), на Северном Кавказе (Майкоп) и в ряде стран Переднего Востока (88, с. 86). Среди изделий раннебронзовой индустрии, найденных в Ленинанкане, имеется плоский кинжал с выступом-черенком для крепления рукоятки (148), аналогии которому известны из Арича (254, с. 57), из Элара (242, рис. 7) и Караз-Арсна (288, см. табл.).

Другая группа изделий бронзовой индустрии Ширака—плоские кинжалы с черенками, игловидные булавки, шило и иглы (254, рис. 15). Как указывалось выше, кинжал имеет аналогии в памятниках II половины III тыс. до н. э. и датируется тем же временем.

Игловидные булавки представлены двумя типами—булавками с постепенно суживающимися стержнями, в верхней широкой части которых под навершием в виде двух волют имеется сквозное отверстие и булавками с тонким стержнем и толстой головкой в виде загнутых бараньих рогов. Если булавки первого типа сравнительно редки, то булавки второго типа известны во многих памятниках Грузии первой половины III тыс. до н. э.—Квацхелеби, Урбниси, Дзагина (32, с. 128) и Бешташени (119, с. 117). Бронзовые иглы и проколки из Арича имеют многочисленные аналогии в памятниках этого времени. а шило является более редким изделием; аналогия известна по материалу Шенгавита и Алишара 2 (254, с. 58).

Большой интерес представляют и находки в Ариче глиняных моделей топориков с трубчатым обухом и долотовидного топора, а также литейной формы для серповидного орудия и льячек металлурга-литейщика, свидетельствующих о широком производстве металлических изделий в Шираке (254, с. 55—58).

В последующую эпоху средней бронзы Ширак продолжает традиционно оставаться одним из центров бронзовой металлургии. К изделиям этой эпохи относятся топор из Ленинанкана, наконечники копий, кинжалы с рамочной рукояткой, долото, иглы, фибулы, бусы-разделители из 44, 65, 67, 78 погребений Арича, найденный в Амасии кинжал с черенком для ручки и игловидные булавки из 10 и 18 погребений Кети.

Найденный в Ленинанкане асимметричный топор относится, по мнению А. А. Мартиросяна, к позднему типу топоров из Навура, Кировакана, Грма-Гели и других памятников (155, с. 60—61), которые, как считает С. А. Есян, произошли от обушных топоров и топоров с трубчатым обухом (71, с. 33).

Найденный в 78-ом погребении Арича кинжал с рамочной руко-

ятью представляет собой, по мнению Т. С. Хачатряна, наиболее раннюю форму переднеазиатского типа оружия, получившего широкое распространение в местном производстве в поднебронзовую эпоху (254, с. 114—115).

Фибула и копьё из 44-го погребения Арпча относятся к изделиям, широко распространенным в Закавказье, Средиземноморье и Малой Азии, где они в основном встречены в комплексах с кинжалами с рамочной рукоятью, игловидными булавами и иногда с топорами (254, с. 113). Все это свидетельствует о широком взаимном влиянии культур этих регионов, в результате чего черенковые наконечники копий в Армении и Закавказье были заменены копьями с трубчатой втулкой.

Интерес представляют находки в погребении № 65 бронзовых изделий из спиралевидно загнутой проволоки, игловидных булавок и бус-разделителей (254, рис. 7). Спиралевидные серебряные изделия известны по находкам в Триалети (119, с. 93). Булавки с грибовидной головкой представляют наиболее ранние образцы булавок этого типа, широко распространенного в эпоху поздней бронзы и представленного находками из Закавказья, Малой Азии, Переднего Востока (254, с. 118). Бронзовые бусы-разделители также представляют собой ранние образцы бус этого типа, распространенного в эпоху поздней бронзы.

Найденные в 10-ом и 18-ом погребениях Кети игловидные булавки относятся к различным типам. Первая, относящаяся к типу булавок с грибовидной головкой, бытовавшему и в следующую эпоху, по всему комплексу находок датируется XX—XVIII вв. до н. э. Вторая, с прямоугольной головкой и квадратными выступами на стержне, имеет параллели среди находок из памятников II четверти II тыс. до н. э. Третья (222, рис. 19, 23), Кармир-Ванк (93, 29). Бронзовый кинжал из Амасии с плоским клинком и небольшим черенком для ручки типичен для эпохи ранней и средней бронзы.

Результаты спектрального анализа бронзовых изделий показывают, что в эту эпоху состав бронзы в основном определяется сплавом $Cu + As + Sn$. Из этого сплава изготовлено 87% всех бронзовых изделий (39, с. 15). Тем больший интерес представляет тот факт, что булавки из погребений Кети имеют добавки олова 5,8%, мышьяка 1,8%, а кинжал из Амасии соответственно 6,2 и 0,8%. Это является свидетельством того, что и в Ширакской долине традиционная мышьяковистая бронзовая металлургия сменяется стоящей на более высокой ступени развития бронзовой металлургией с легирующей добавкой олова.

Подавляющая масса изделий из бронзы изготовлена путем отливки в формах и затем уже подвергнута другим методам металлообработки—холодной ковке, сверлению, заточке и т. д.

В это же время окончательно завершается отработка технологии отливок, достигшая наивысшей ступени развития в последующую эпоху поздней бронзы, когда в Передней Азии, Армении и Закавказье отливка оружия, статуэток, украшений и других изделий по восковым моделям приобретает массовый характер.

Развитие металлургии способствовало выделению и оформлению групп ремесленников (157, с. 26—34).

Материалы Ширакской долины XIV—X вв. до н. э. представлены

находками из памятников Артика, Орома, Вардакара, Арпча, Карнута, Ширикавана, Кети и из обнаруженной в Леникане металлургической мастерской.

В 23-ем погребении Кети найдены цельнолитой кинжал (табл. 48, рис. 1), относящийся к типу кинжалов, появившихся в XIV в. до н. э. и сохранившихся до времени раннего железа и бронзовая полушаровидной формы пуговица с мостикообразным ушком (петелькой) (табл. 48, рис. 6). Этот тип пуговиц широко представлен в памятниках Армении и Закавказья этого времени. В Артике обнаружены кинжалы двух типов—плоские кинжалы с небольшим черенком (254, рис. 85) и кинжалы с трубчатой рукоятью (254, с. 176—177), бытовавшие до времени раннего железа, а также мечи переднеазиатского типа с различными рукоятями (253, рис. 6). Мечи этого типа, также будучи первоначально привнесенными в Закавказье, становятся в дальнейшем одним из наиболее распространенных видов оружия местного производства Армении (254, с. 177—178).

О широком производстве в Шираке бронзовых изделий свидетельствуют находка в Леникане литейной формы секиры и многочисленные находки секир этого типа в Артике, Вардакаре, Сарнахпюре (253, табл. 3). Ширак считается одним из центров производства секир «закавказского типа» (254, с. 179).

В погребениях Артика найдены и бронзовые долота, булавки-проколки, браслеты, птицевидные подвески (254, с. 187—188), свидетельствующие о высоком уровне мастерства литейщиков.

Новый этап расцвета бронзовой индустрии приходится на конец эпохи поздней бронзы—XII—XI вв. до н. э., о чем свидетельствуют многочисленные находки бронзовых изделий из погребений Артика, изготовленные с большим мастерством и вкусом—оружие (кинжалы, мечи, наконечники стрел, копий, секиры), орудия (долото, серпы, топоры, удила), украшения (подвески, браслеты, налобники, игловидные булавки, пояса, пуговицы, бляхи и т. д.) (254, с. 198—219). Все они представлены развитыми типами изделий, имевших свои прототипы в предыдущий период.

В 285-ом погребении Артика обнаружен комплекс орудий литейщика—ковши, льячки, сосуды с трубчатым концом (носиком) и т. д., на дне и стенках которых сохранился металлический осадок. Интерес представляют и каменные зернотерки из погребения № 501, использовавшиеся для измельчения руды. Все это еще раз подтверждает, что здесь имелись и металлообрабатывающие мастерские, работавшие на привозном сырье и металле.

Развернувшиеся в последние годы систематические раскопки в Ширикаване также привели к обнаружению большого числа бронзовых изделий: кинжалов, наконечников стрел, долот, обшивки лука, топора, миски, булавок, пуговиц, статуэтки и т. д. Наибольший интерес представляет впервые обнаруженный хорошо сохранившийся лук, на который надевались изготовленные из тонкого бронзового листа втулки и трубки, и композиционная группа из 4 отдельных статуэток—вонна, льва и двух птиц, припаянных на стержень с поперечной перекладной, причем воин и лев поворачиваются вокруг своей оси. Аналогично укреплены статуэтки из Лчашена (176, 142—143),

Артика (254, рис. 129), Нор-Баязета (155, табл. X) и Лори-берда (57, с. 32).

Для изготовления найденных в памятниках этого времени бронзовых изделий применялись различные приемы—литье в форме, холодная ковка, шлифовка, сверление и т. д., что указывает на высокий уровень развития ремесел. Химический и спектральный анализы находок из Артика показывают, что основная масса изделий изготовлена из бронзы, содержащей от 1,4 до 15% олова, хотя имеются и изделия из «чистой» меди.

Отличительной чертой металла артикских изделий является отсутствие мышьяка и олова. Процент содержания в нем серебра и висмута выше, чем в лчашенских изделиях, что объясняется использованием руд из различных рудников (254, с. 260, 261). К сожалению, незначительное количество находок бронзовых изделий из Кети пока не позволяет определить точно их состав. Отметим лишь, что кинжал из 23-го погребения имеет состав (Cu+As+Sn).

Новая эпоха в металлообработке связана с появлением и широким распространением железа. Существовавшие тысячелетиями бронзовые изделия постепенно уступали место более прочным изделиям из железа. Как отмечал Ф. Энгельс, «человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, играющих революционную роль в истории, последний—вплоть до появления картофеля» (1, с. 163).

Первоначально железные изделия повторяют формы бронзовых прототипов, но впоследствии развитие железной индустрии приводит к созданию новых форм. Наиболее ярким примером этого процесса являются ножи, широко представленные в комплексах Лениакана, Пемзашена, Ани-Пемзы, Спандаряна, Ширакавана, Артика, Кети и Воскеаска. Особенно интересны ножи из 4-го погребения Воскеаска и 42-го погребения Кети, имеющие в верхней рабочей части лезвия полукруглую выемку, форма которой сохраняется вплоть до наших дней.

Однако и в этот период продолжают изготавливать из бронзы копья, кинжалы, ножи, щиты, шлемы, доспехи, части конской упряжи и предметы украшения. Особое место занимают бронзовые пояса, появившиеся в последний период эпохи поздней бронзы и бытовавшие до VII—VI вв. до н. э.

Из предметов, относящихся к периоду раннего железа, в Кети в погребении № 36 найден лишь бронзовый серп (табл. 56, рис. 7) с изогнутым лезвием и широкой спинкой, аналогичный серпам из других памятников Армении и Закавказья этого времени. Небольшое количество изделий из бронзы найдено в погребениях Кети VII—VI вв. до н. э. В погребении № 41 обнаружены уникальное кольцо и орнаментированное украшение (табл. 70, рис. 5, 7), имеющие аналоги в ряде памятников этого времени (Головино, Садахло, Басаргечар). В погребении № 42 найдено кольцо с сужающимися концами (табл. 71, рис. 4), известное по материалам погребений этого времени и урартских поселений (Кармир-Блур и Ошакан). Найденные в 44-ом и 45-ом погребениях бронзовые браслеты, иглы и кольца (табл. 73, рис. 12, 14, 16—18) характерны для времени поздней бронзы и железа. В могильнике Воскеаска в погребениях № № 2, 6 и 7 найдены брон-

зовые наконечники стрел, долото, иглы, удила и предметы украшения. О развитии металлургических и металлообрабатывающих ремесел свидетельствуют также находки из Ширакавана, где обнаружены металлообрабатывающая мастерская, литейная форма плоского топора, многочисленные кинжалы, мечи, наконечники стрел, удила, пояса, предметы украшения и др.

Анализ материала изделий этого периода из Кети показал, что их состав остается традиционным. Об этом свидетельствуют находки 5 предметов из оловянистой бронзы и 4 предметов из мышьяковистой бронзы. Серп из 36 и браслет из 41 погребений (табл. 75) также изготовлены из мышьяковистой бронзы. Ряд изделий имеет состав $Cu + As + Sn + Pb$, $Cu + As + Sb$, $Cu + Sn + Pb$, т. е. в качестве новых добавок используются (Pb, Sb). То же относится и к другим памятникам Армении I половины I тыс. до н. э.

Гончарное производство. Основную массу находок III тыс. до н. э. из памятников Кети и Воскеаска составляют керамические изделия. Их изучение имеет большое значение как для понимания характера культуры этой эпохи, так и для изучения гончарного производства.

Керамический материал III тыс. до н. э., рассмотренный нами во II главе, характерен для Армении и Закавказья и соседних регионов, т. е. для регионов Куро-Аракской культуры. Все керамические изделия лепные. Для придания изделиям крепости мастера использовали добавку в глину песка. Все сосуды трехчастные. В посвященной III тыс. до н. э. работе Э. В. Ханзадян показала, что многие фрагменты сосудов этого времени имеют излом именно в месте стыковки (242, с. 69).

Черепок сосудов Кети в основном двухслойный, редко—трехслойный. По мнению Б. А. Куфтина, это могло явиться следствием того, что на основу сосуда был нанесен ангоб из чистой жирной глины. При обжиге действию огня и дыма подвергалась лишь внешняя сторона, в результате чего внутренняя часть черепка—подкладка сохранила светло-розовый цвет (120, с. 13). Большая часть сосудов покрыта снаружи черным, иногда розоватым, сероватым, оранжевым или коричневым лощеным ангобом. Ангоб из тонкого слоя чистой жирной глины подвергался заглаживанию и после обжига сосуд становился гладким; иногда встречаются сосуды, покрытые мелкими трещинами (242, с. 69).

Кухонная керамика, изготовленная из глины с большой примесью песка, имеет грубую неровную поверхность. Сосуды сильно обожжены и закопчены вследствие долгого пребывания на огне. Из такой же глины изготовлены очаги, статуэтки и модели колес.

Карасы, горшки, миски и кубки чернолощенные, с серебристым отливом; встречаются также розоватые и коричневые сосуды. Некоторые из них снабжены полусферическими ручками или ложными ручками-выступами. Все они имеют аналогии среди сосудов Ширака (Арпч, Ани, Воскеаск) и других регионов Армении и Закавказья этого периода.

Значительная часть сосудов Кети украшена выпуклым или вдавленным орнаментом, ямочками и выступами-шишечками, т. е. орнаментом, характерным для керамики этого периода Армении и Закав-

казья. Богатая орнаментация прекрасно лощеных сосудов несомненно отражает возрастающие материальные и эстетические потребности древних жителей.

Следующий этап в развитии гончарного дела в Кети представлен сосудами двух групп—I и III периодов эпохи средней бронзы.

Сосуды первой группы представлены горшками, разнообразными мисками и кубками. От сосудов предыдущей эпохи они отличаются более плавными переходами, раздутым туловом и не имеют трехчастного деления. Они также изготовлены из глины с примесью песка; обжиг плохой, черепок рыхлый. Большая часть этих сосудов лишена орнаментации. Орнаментация в виде треугольников вершинами вниз, заполненных точечным орнаментом, также уходящая корнями в предыдущую эпоху (155, с. 52; 243, с. 73—122; 254, с. 122), имеется лишь на кубках.

Сосуды второй группы представлены найденными в 18-ом погребении чернолощеными, расписными и простыми сосудами.

На чернолощенных сосудах, изготовленных из хорошо отмученного теста, с внутренней стороны видны следы пальцев, что впервые наблюдается на керамике этого времени и свидетельствует о появлении ручного гончарного станка. Этот факт подтверждается и материалом переходного этапа от эпохи средней к эпохе поздней бронзы. В частности, на некоторых сосудах из 19-го погребения Кети с внутренней стороны имеются вдаленные равномерные бороздки, свидетельствующие о появлении гончарного круга, приводимого в движение ногами.

Керамика этого типа имеет хорошо лощеную черную поверхность, украшенную треугольниками, волнистым меандром, поясками и зигзагообразными линиями, нанесенными лощением. Вероятно, сосуды долго окуривались, а затем на них наносился слой жира и терли лощилом. Этот способ лощения, хорошо известный в период поздней бронзы, по-видимому, появляется в I четверти II тыс. до н. э. (142, с. 254).

Три расписных горшка кармирбердского типа изготовлены путем ручной лепки из хорошо отмученного теста. Интересен метод орнаментации этих сосудов. После высыхания глины их поверхность покрывалась ангобом, после чего кистью черной краской наносились квадраты, сетчатые треугольники, двойные секиры, окаймленные двумя поясками. Этот тип орнаментации также восходит к орнаментации сосудов ранней бронзы. В целом же керамика этого времени обладает более развитыми и завершенными формами и орнаментацией.

Рассматривая керамику триалетских курганов, Б. А. Куфтин отмечал, что использование гончарами в это время циркуля, линейки и гончарного круга способствовало переходу к технологии керамического производства поздней бронзы (119, с. 86—87). Это мнение полностью подтверждается рассмотрением гончарного производства эпохи поздней бронзы (258, с. 52—63), наиболее характерной чертой которого являются употребление гончарного круга быстрого вращения и изготовление массовой продукции, ориентированной на рынок. С этой точки зрения представляют интерес сделанные Л. Биговым анализы⁷⁹ керамического материала этого времени, показавшие, что

⁷⁹. Материалы анализов пока не опубликованы.

70—80% изделий формировалось на гончарном круге, а 20—30% лепилось вручную.

Аналогичная картина наблюдалась и в Кети. Вся парадная посуда, составлявшая основную массу находок, изготовлена на круге из хорошо отмученного теста и имеет хороший обжиг. Она в основном орнаментирована вдавленными поясами в виде сетчатого рисунка и косых линий. Сосуды после формовки дополнительно обрабатывались с помощью мокрой тряпки. После непродолжительной сушки поверхность их выравнивалась разными лошिलाми, затем сосуд орнаментировали и обжигали в специальной двухкамерной печи, тип которых определен по материалам Мингечаура (95, с. 31). По всей вероятности, такие печи имелись и в Шираке. Технологический процесс обжига исследован Э. Л. Майсурадзе, который установил, что обжиг производился при температуре 800—900°, а затем при 400° производилось окуривание сосудов дымом (142).

Кухонные сосуды изготовлены путем ручной лепки, имеют неровную поверхность, плохой обжиг. После формовки они обтирались мокрой тряпкой, и на поверхность наносился орнамент в виде вдавленных поясков и волнистых линий. Обжиг производился при более низком температурном режиме (258, с. 61).

В период раннего и широкого распространения железа в результате массового производства керамики стал исчезать нарядный облик керамических изделий. Наряду с традиционными мотивами орнаментики получают распространение и новые орнаментальные мотивы, выражающие новые запросы населения и отражающие его мироощущение. Кратко рассмотрим новые мотивы орнаментации и способы их нанесения. Вся керамика этого периода также подразделяется на парадную и простую. Парадная керамика, в основном лошенная, изготовлена на гончарном круге. Эта керамика типична для памятников Армении и Закавказья. Новостью являются кувшины коричневого лошения с широким туловом и одной ручкой.

Часть кувшинов орнаментирована в верхней части тулова способами вдавливания и лошения сетчатым рисунком, прямыми и волнистыми поясками, а другая часть украшена вписанными друг в друга дугами, треугольниками и каннелюрами; последние, как отметил А. Мартиросян (157, с. 35) делают поверхность сосуда волнистой. Ручки, расположенные в верхней части сосуда, иногда даже у устья, имеют или стилизованно зооморфный облик или выступы. Ручки же расположенные на тулове, имеют кольцевидную форму.

К новым типам сосудов относятся и серолощенные одноручные кувшины с невысокой шейкой, типологически близкие к кувшинам, найденным в Сюнике, а также неглубокие тарелкообразные миски с кольцевидными ручками по краям. Одна из таких мисок, обнаруженная в 4-ой катакомбе Воскеаска, имеет вид корзинки благодаря крестообразной ручке. К новому типу относятся кубки с биконическим широким туловом, кольцевидными или зооморфными ручками и невысоким поддоном. Часть их украшена реными и лошеными поясками, сетчатым рисунком и вертикальными полосками, придающими сосудам нарядный облик. К парадной керамике относится и серолощенный сосуд с трубчатым носиком и зооморфной ручкой из 7-ой катакомбы Воскеаска. Его верхняя часть украшена вдавленными кру-

гамм, треугольниками и ромбами, заполненными точечным орнаментом.

Сравнительно редко встречаются сосуды с шаровидным чернолощенным туловом и острым дном, имевшие, вероятно, ритуальное назначение, как и спаренный кубок черного лощения.

Простые кухонные сосуды с широким туловом, украшенным прямыми и волнистыми поясами, изготовлены из плохо отмученной глины; обжиг плохой. По типу и орнаментации они почти не отличаются от сосудов предыдущей эпохи. Впервые встречены очаги переносного типа, идентифицированные А. А. Мартиросяном по находкам из Кировакана (155, с. 221—222).

Обработка камня. Одной из важных отраслей производства в Шираке в III тыс. до н. э. была обработка камня. Камень неразрывно связан со строительством жилищ, оборонительных сооружений и погребений. Несмотря на наличие металлических изделий, население повсеместно продолжало использовать орудия и оружие из камня, изготовленные традиционными способами.

Из Кети, Арича и других памятников Армении этого времени найдено большое количество орудий—точила, топоры, молотки, ступы и песты, терочники, мотыги, скребки, проколки, ножевидные пластики, вкладыши серпов, наконечники стрел, дротиков, булавы и т. д.

Из-за малого числа раскопанных поселений эпохи средней бронзы количество каменных орудий, обнаруженных здесь, невелико. Однако находки в Узерлик-Тепе, Ширакаване и других памятниках каменных орудий (зернотерок, ступ-пестов и т. д.) свидетельствуют, что и в это время продолжают бытовать почти все виды каменных орудий, известные в предыдущую эпоху. Высокий уровень обработки камня традиционного сохраняется и в эпоху поздней бронзы.

В периоды поздней бронзы и железа на территории Армянского нагорья возводятся многочисленные циклопические крепости (29; 225; 10, 166, 80, 105). Большое развитие получает скульптура. Наряду с традиционными небольшими идолами из камня высекаются большие антропоморфные изображения, идолы, фалосы, образцы которых хорошо представлены находками из Кармир-Блур, Яйджи, Навура и других мест (154, рис. 14а; 155, с. 180; 77, с. 269; 82, с. 22—23). Однако, если в целом каменная индустрия этого периода переживает большой подъем, то отдельные ее отрасли приходят в упадок, что касается прежде всего изготовления оружия и орудий. Ю. А. Мочанов, рассматривая каменную индустрию Уч-Тепе этой эпохи, справедливо отмечает, что упадок переживают в первую очередь отрасли каменной индустрии, имеющие параллели в металлургической индустрии, а каменные изделия, не конкурирующие с металлическими образцами, по своему качеству не уступают изделиям более ранних эпох (181, с. 151—152). Таким образом, можно говорить о постепенном исчезновении тех отраслей каменной индустрии, продукция которых вытеснялась бронзовыми и железными образцами.

Деревообработка. Как камень, так и дерево человек использовал с первых своих шагов. Однако деревянные изделия крайне редко доходят до нас через века. Лучшим доказательством существования в III тыс. до н. э. в Шираке деревообработки является найденная в погребении Арича модель повозки, свидетельствующая о наличии в

этот период колесного транспорта. Изображения повозок встречаются среди наскальных рисунков Сюникских и Гегамских гор. Дерево было неотъемлемой частью каменных и металлических орудий и оружия.

В эпоху средней бронзы дерево широко применялось и в строительстве жилищ.

О развитии деревообработки свидетельствует и бронзовое долото, найденное в 78-ом погребении Арича (254, рис. 69). В изучении вопросов, связанных с деревообработкой, огромную роль играют найденные в Триалети (43) и Лчашене (178, с. 102—108) деревянные повозки, колесницы, корыта и ведра с крышкой, свидетельствующие как о высоком уровне мастерства, так и о широком повсеместном распространении изделий из дерева.

О развитии деревообработки в периоды поздней бронзы и железа свидетельствует находка повозки в 21-ом погребении Кети, колеса которой изготовлены из трех составных досок и имеют диаметр 1 м. Большое число двух- и четырехколесных повозок эпохи поздней бронзы найдено в Неркин-Геташене, Лчашене и Ширакаване. Повозки изображены на керамическом сосуде из Дилижана и на бронзовых поясах из Севанского бассейна, Санаина, Степанавана, Ахталы (258, с. 64) и др.

Интересный материал по вопросам деревообработки дают найденные в погребениях Артика катафалки (254, с. 263). Такие же катафалки из Лчашена имеют ножки с фигурными завершениями-набалдашниками⁸⁰. Катафалки обнаружены и в Цамакаберде и Редкин-Лагере. Их прототип с обкладкой из тонких серебряных пластин обнаружен в богатом кургане Кировакана (199, с. 47).

Деревянная посуда, по формам повторяющая керамические изделия, найдена в Артике (254, с. 263) и Лчашене⁸¹.

В 90-ом погребении Артика найдены орудия труда деревообрабатывающего мастера (секира, ручное долото, пила). Особый интерес вызывает впервые обнаруженная в памятниках этого времени пила с короткими, мелкими зубьями, по всей видимости, употреблявшаяся для работы с мелкими и хрупкими изделиями.

Таким образом, деревообработка занимала большое место как в строительном деле, так и в изготовлении транспортных средств, и широко проникла во все области хозяйства.

Качество имело значительный вес в хозяйственной жизни древних обитателей Ширака, о чем свидетельствуют найденные здесь многочисленные пряслища из кости и камня. Несмотря на то, что археологически ткацкий станок не обнаружен, находки в Шенгавите, Мохраблуре, Нахичеванском Кюль-Тепе и Кети многочисленных каменных подвесок-грузил позволяют исследователям этой эпохи говорить о существовании ткацкого дела. О прядении и вязании свидетельствуют находки в Шенгавите, Эларе и других памятниках спиц из кости.

В энеолитическом памятнике Техуте (228, с. 109—110) и памятнике ранней бронзы в Степанакерте (221, с. 93) обнаружена керамика

⁸⁰ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

⁸¹ Раскопки А. О. Мнацаканяна, материалы не опубликованы.

ка с отпечатками ткани и иглы, свидетельствующие о том, что уже в V—IV вв. до н. э. в Армении умели изготавливать ткани.

Еще большее развитие получает ткачество в периоды поздней бронзы и железа. Об этом свидетельствуют не только археологические материалы, но и сообщения письменных источников. Очень интересны находки цинковки в 21-ом погребении Кети и окрашенных в различные цвета изделий из льна и шерсти в 89, 223, 248 погребениях Артика. Т. С. Хачатрян отмечает, что по орнаментации они близки к современным тканым изделиям Ширака, сохраняющим древние традиционные орнаментальные мотивы (254, с. 264).

Остатки тканей найдены также при раскопках Акнера, Редкин-Лагера (80, с. 210), Дилжана (106, с. 69—75).

Большое количество нитей и тканей обнаружено в Кармир-Блуре (38, с. 67—71). Исследование остатков тканей показало, что они изготовлены из шерстяных и льняных нитей.

Почти во всех памятниках Армении найдены многочисленные пряслица и иглы. Ассиро-урартские источники сообщают о захвате в качестве добычи изделий из шерсти и льна (66, с. 287, 318; 24, с. 148—149).

Кожевенное дело. С ранних этапов становления человечества люди были знакомы с обработкой кожи. Однако, к сожалению, до нас не дошли остатки изделий из кожи, относящиеся к интересующему нас времени. Этот недостаток частично восполняется исследованием орудий из памятников эпохи ранней бронзы, использовавшихся при обработке кожи. С этой точки зрения особый интерес представляют многочисленные скребки, обнаруженные при раскопках в Кети, которые служили для отделения кожи и очистке ее от жил, жира и мяса. Различные лощила использовались для разравнивания кожи, а ножевидные пластины употреблялись как при ее очистке, так и для обрезки. С помощью проколов проделывались отверстия. Аналогичные орудия найдены и в Арпче. Среди них особый интерес вызывают серповидные орудия (254, с. 86). Орудия обработки кожи обнаружены и в других памятниках Армении этого времени—Шенгавите, Эларе, Двине, Гарни и др. Кроме того, здесь найдены костяные и металлические иглы и проколки, использовавшиеся при шитье кожаных изделий, одежды, головных уборов и т. д.

О дальнейшем развитии кожевенного дела эпохи поздней бронзы и железа свидетельствуют остатки кожаных изделий, а также каменные и бронзовые орудия, служившие для обработки кожи. Особого внимания заслуживают плоские бронзовые топорики и их литейные формы, найденные в Ширакаване и Муханнат-Тапе, Кировакване, Лчашене, Алаверди, Зангегуре, Ворнаке и других местах (80, с. 207—208). По мнению ряда исследователей, топорики этого типа употреблялись как при деревообработке, так и в кожевенном деле (80, с. 207; 258, с. 80).

Как верно отмечено Т. С. Хачатряном, к орудиям кожевенного дела относятся и костяные орудия из III кургана Лчашена, при помощи которых на кожу наносился тисненый орнамент (251, с. 240—241).

Еще больший интерес представляют фрагменты изделий из кожи. В 3-ем погребении Артика найден фрагмент кожаных доспехов, а

в погребении № 79—часть узды (254, с. 264). Доспехи с кожаной основой найдены также в Лчашене (71, с. 100), Головино (80, с. 207).

О развитии кожевенного дела свидетельствуют пояса, колчаны и другие изделия. В Ширакаване найдены кожаные пояса, украшенные узорами из мелких бронзовых гвоздиков.

Следует особо подчеркнуть, что кожаные пояса этого типа найдены в целом ряде погребений Ширакавана эпохи поздней бронзы. Найденный в 14-ом погребении Астхи-Блура бронзовый пояс имел кожаную основу, обработанную соляным дублением (80, с. 207). Анализ показал, что для изделия использована телячья кожа. Очень интересен кожаный колчан из могилы племенного вождя в Ширакаване, украшенный накладными тонкими бронзовыми пластинами, в котором найдены 13 наконечников стрел из обсидиана. Кожаные ножи кинжалов также украшены орнаментом из мелких бронзовых гвоздей. Находки из Ширакавана помогают во многом восполнить наши знания по кожевенному делу в Армении. Найденные во многих памятниках керамические сосуды в виде сапожков с такими мельчайшими подробностями, что можно досконально проследить как технологию изготовления и форму обуви, так и манеру ее орнаментации и окраски (157, с. 33).

Из кожи изготовлялись ремни для связывания частей повозок, для кожаной узды и других целей. Из шкур изготовлялись одежда, головные уборы. Шкурами оформляли интерьеры домов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологическое исследование памятников, расположенных близ сел Кети и Воскеаск Ахурянского района Армянской ССР, показало, что они относятся к числу древнейших поселений Армянского нагорья. Благодаря удобному расположению и благоприятным климатическим условиям жизнь здесь существовала непрерывно на протяжении тысячелетий—с III тыс. по VI—IV вв. до н. э.

Все поселения памятника Кети III тыс. до н. э. имеют свободную планировку, жилые помещения представляют собой отдельные комплексы, разделенные свободными участками. В поселениях этого времени можно выделить жилища, принадлежавшие отдельным семействам патриархальной семьи. Все жилища возведены из камня. Внутри домов прослеживается террасовидный уровень пола. Поселения памятника Кети, Воскеаска, Кармракара, как и другие поселения Ширака, относятся к группе горных поселений III тыс. до н. э. и отличаются от многослойных поселений—холмов Араратской долины наличием лишь одного хронологического и культурного слоя.

Рассмотрение археологического материала памятника Кети позволяет говорить о существовании здесь параллельно развитых земледельческой и скотоводческой систем хозяйства. О ведении земледельческого хозяйства свидетельствуют оросительные системы, обнаруженные на территории поселения Карот Хогер и состоявшие из маленьких ручьев, канавок и водоема. Оросительные системы обнаружены и в других регионах Армении—в Араратской долине и на северо-востоке страны. О развитии земледелия говорят находки в памятниках Ширака каменных мотыг, наряду с которыми, как показали материалы раскопок Арича, использовалась и соха.

О развитии скотоводстве свидетельствуют остеологический материал и статуэтки животных.

Развитие земледелия и скотоводства способствовало развитию ремесел, и в первую очередь—металлургии. Несмотря на то, что пока в Кети не найдено металлических изделий III тыс. до н. э. о развитии металлургии в Шираке можно судить по находкам из других памятников этого региона (Ленинакан, Арич) обушных, выскобушенных и трубчатообушных топоров и клевцов, кинжалов, наконечников копий и предметов украшений, а также орудий и предметов, связанных с металлургией и металлообработкой. В свою очередь, металлургия и металлообработка способствовали дальнейшему развитию ткачества, обработки камня и кости и др. Это подтверждается находками в Кети шила, скребков и других предметов.

В Кети найдены керамические изделия, свидетельствующие о высоком уровне мастерства и большом вкусе их создателей. Для этого времени типичны чернолощенные сосуды, украшенные выпуклым рельефным, вдавленным и процарапанным орнаментом с геометрическими мотивами.

Исследование орнаментации позволяет понять представления древних жителей об окружающей их природе, познакомиться с их верованиями. С этой точки зрения особенно интересны найденные в Кети и Ариче лепные глиняные статуэтки людей, животных и другие ритуальные предметы.

Погребения Кети этой эпохи принадлежали малым семьям, вышедшим из большой патриархальной семьи. Каждое погребение представляет собой склеп, в котором захоронены от 2 до 7 человек. Прослеживается ряд общих черт в планировке жилищ и погребений, что связано с представлениями носителей этой культуры о загробной жизни.

Материальная культура Кети III тыс. до н. э. является неотъемлемой частью материальной культуры Ширака и всей Армении и свидетельствует о широких связях жителей этого региона с окружающими областями и странами.

Материальная культура Кети эпохи средней бронзы обнаруживает преемственную связь с культурой предыдущей эпохи. В керамике сохраняются традиционные формы и орнаментальные мотивы. Это неоспоримо доказывает, что жители этих регионов сохраняли единый этнический состав и единую территорию. Однако наряду с традиционными формами и орнаментом появляются новые, оказавшие влияние на керамику последующей эпохи. Новые орнаментальные мотивы и способы их нанесения и определяют культуру этого времени.

Для I половины II тыс. до н. э. характерна расписная орнаментация, а для конца этой эпохи—орнаментация лощением. На основании стратиграфических данных установлено, что расписная керамика бытует в конце эпохи средней бронзы наряду с чернолощеной и кухонной керамикой.

Значительное развитие в эпоху средней бронзы переживает и металлургия. Наряду с мышьяковистой бронзой появляется оловянистая бронза. Появляются и новые формы металлических изделий, получившие дальнейшее развитие в последующий период. В них появляется влияние ближневосточных и Крито-Микенской культур, что свидетельствует о тесных связях этих регионов с территорией Армянского нагорья.

Изменения наблюдаются и в мировоззрении и социальной жизни людей этой эпохи. Усиливается имущественное неравенство, наблюдаемое еще в эпоху ранней бронзы. Больше становится погребений с богатым сопутствующим материалом, наряду с труположением имеет место трупосожжение.

Период перехода от эпохи средней бронзы к поздней представлен материалами, свидетельствующими о неразрывной связи культур этих эпох.

Культура эпохи поздней бронзы представлена материалами двух этапов. Для первого этапа, охватывающего XIV—XIII вв. до н. э., характерна чернолощеноя керамика, орнаментированная лощением и вдавленными поясками, неразрывно связанная с керамикой конца эпохи средней бронзы. Как по форме, так и по орнаментальным мотивам она повторяет керамику предшествующего периода с тем отличием, что орнаментация ранее наносилась красками.

Для второго этапа, датируемого XII—XI вв. до н. э., характерна слабоощенная черная керамика, в основном орнаментированная прямыми и волнистыми поясками и имеющая прототипы в первом этапе. Керамика этого типа имеет многочисленные аналоги в комплексах других памятников Армении и Закавказья.

X—IX вв. до н. э. представлены в Кети материалами раскопок циклопической крепости и погребений. Циклопическая крепость сооружена в традициях фортификационных укреплений, появившихся в Армении с III тыс. до н. э., и относится к укреплениям II этапа, охватывающего памятники этого типа XVIII—IX вв. до н. э. Археологические раскопки позволили выявить не только типологию крепости, но и ее планировку, характер внутреннего расположения жилищ, строительную технику. Найденный здесь материал в основном датируется X—VIII вв. до н. э. Верхний тонкий культурный слой содержит материал более позднего времени—VI—IV вв. до н. э., что позволяет говорить о том, что крепость без каких-либо перестроек функционировала и в раннеармянское время.

Найденный в слое X—VIII вв. до н. э. материал содержит изделия из железа, орудия труда и предметы вооружения, типологически повторяющие бронзовые прототипы. Здесь наряду с традиционной керамикой появляются новые формы—одноручный кувшин с широким туловом и узким горлом, горшки с двумя петлями-ручками и др.

В I половине I тыс. до н. э. получают дальнейшее развитие основные виды хозяйства. В земледелии это связано с появлением плуга, расширением оросительных систем и освоением новых пахотных земель, в скотоводстве—с окончательным укреплением возникшего ранее формы отгонного скотоводства.

В Кети, как и на всей территории Армянского нагорья, в период раннего и широкого распространения железа наблюдается расцвет всех видов ремесел—металлообработки, деревообработки, ткачества, кожевенного дела, обработки камня, строительного дела и т. д. Значительная часть продукции изготавливается на рынок и носит массовый характер. Такой рост производительности объясняется не только внутренними условиями, но и значительным влиянием ассиро-урартского мира.

В изучении материальной и духовной культуры Ширака I тыс. до н. э. важное место занимает рассмотрение материалов катакомбных погребений Воскеаска. Эти погребения, типологически схожие с катакомбами Артика, имеют ряд новых отличительных черт. Здесь в погребениях, в которых было произведено трупосожжение, найдены седловидные камни. Причем если трупосожжение является древней традиционной чертой обряда, то седловидные камни представляют собой новый элемент.

Таким образом, археологическое изучение памятников Кети и Воскеаска дает новые дополнительные ценные сведения по материальной и духовной культуре Ширака. Особенно важны данные о характере социального устройства, духовной культуре и уровне развития основных видов хозяйства и ремесел в Шираке в эпохи бронзы, раннего появления и широкого распространения железа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, 2-е изд., т. 21, с. 23—178.
2. *Абибулаев О. А.* К изучению холма Кюль-Тепе. — *Тр. Ин-та истории и философии АН АзССР*, 1956, т. 9, с. 6—25.
3. *Абибулаев О. А.* Первые итоги раскопок Кюль-Тепе. — *Тр. Музея истории Азербайджана*, 1957, с. 86—87.
4. *Абибулаев О. А.* Археологические раскопки в Кюль-Тепе. — Баку, Изд-во АН АзССР, 1959. — 134 с. — На аз. яз., русск. резюме.
5. *Абибулаев О. А.* Погребальные памятники из поселения Кюль-Тепе в Азербайджане. — В кн.: *Археологические исследования в Азербайджане*. Баку, 1965, с. 24—44.
6. *Абибулаев О. А.* Некоторые итоги изучения холма Кюль-Тепе в Азербайджане. — *СА*, 1963, № 3, с. 157—186.
7. *Абибулаев О. А.* Остатки жилищ во втором слое поселения Кюль-Тепе около Нахичевани. — *МИА*, № 125, с. 40—64.
8. *Абибулаев О. А.* К вопросу о древней металлургии Азербайджана. — *МИА*, № 125, с. 65—73.
9. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. — *Вестн. ГМГ*, т. XIX—A, XXI—A и XXI—B; 1957, с. 216—240. — На груз. яз.
10. *Аджян Л., Гюзальян Л., Пиотровский Б.* Циклопические крепости Закавказья. — *Сообщения ГАИМК*, 1932, вып. 1—2, с. 61—64.
11. *Акопян Т. Х.* Историческая география Армении. — Ереван, Изд-во Ер. пед. ин-та, 1951. — 189 с. — На арм. яз.
12. *Алиев В. Г.* Новые материалы о культуре расписной керамики в Азербайджане. — *СА*, 1967, № 1, с. 115—121.
13. *Алиев В. Г., Исмаилов Г. С.* Новые находки расписной керамики в междуречье Гуручай и Кендаланчай. — *Изв. АН АзССР. Серия истории, философии и права*, 1969, № 2, с. 49—58. — На аз. яз.
14. *Алиев В. Г.* Поселения поздней бронзы и раннего железа в Баба-Дервише. — *МКА*, 1976, т. 8, с. 104—130. — На аз. яз.
15. *Амирян С.* Новые археологические открытия на территории Еревана. — *ИФЖ*, 1969, № 3, с. 268—275. — На арм. яз.
16. *Арикелян Б. П.* Гарни I: Результаты раскопок 1949—1950 гг. — Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1952, 92 с. — (АРА; № 3).
17. *Арешян Г. Е.* Новые археологические открытия в бассейне реки Дебет. — *ИФЖ*, 1969, № 1, с. 269—275. — На арм. яз.
18. *Арешян Г. Е.* Материалы из раскопок Кармирбердского могильника в музее Грузии. — *Вестн. ЕГУ*, 1970, № 1, с. 239—247.
- 19а. *Арешян Г. Е.* Материалы из раскопок Мохраблур 1970. — *Вестн. ЕГУ*, 1972, № 1.
19. *Арешян Г. Е.* К характеристике нижних слоев Мохраблурского поселения. — *Арменоведческие исследования*, 1974, вып. I, с. 144—154. — На арм. яз.
20. *Арешян Г. Е.* Предварительные итоги исследования комплекса Шамирамских памятников в 1975—1976 гг. — В кн.: *Тезисы докладов, посвященных резуль-*

- татам полевых археологических исследований в Армянской ССР 1975—1976 гг. — Ереван, 1977, с. 12—14. — На арм. яз.
21. *Арешян Г. Е., Деведжян С. Г., Израелян А. Р.* Раскопки памятников между селами Норабац и Нижний Чарбах. — Тезисы докладов, посвященных результатам полевых археологических исследований в Армянской ССР 1979—1980 гг. — Ереван, 1981, с. 25—27. — На арм. яз.
 22. *Арешян Г. Е.* Защитные раскопки в Канагехском могильнике. — В кн.: Тезисы докладов, посвященных результатам полевых археологических исследований в Армянской ССР 1979—1980 гг. — Ереван, 1981, с. 2—4. — На арм. яз.
 23. *Артамонов М.* Раскопки курганов на реке Маниче в 1937 г. — СА, 1949, т. II, с. 305—336.
 24. *Арутюнян Н. В.* Новонайденная клинописная таблетка из раскопок Кармир-Блур. — ВДИ, № 3, с. 144—149.
 25. *Арутюнян Н. В.* Земледелие и скотоводство Урарту. — Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1964, 225 с.
 26. *Арутюнян Н. В.* Бшайнили. — Ереван, Изд-во АН АрмССР, 1970, 472 с.
 27. *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур. — Баку, Изд-во АН АзССР, 1959, 190 с.
 28. *Асрян Ю.* Археологические новости в Нагорном Карабахе. — ИФЖ, 1973, № 2, с. 295—300. — На арм. яз.
 29. *Атрпет.* Циклопические крепости Ширака. — Азгагракан андес, 1914, т. В—25, с. 165—188. — На арм. яз.
 - 29а. *Бадалян Р. С.* Раннебронзовая культура Ширака: Автореф. канд. дис., — Ереван, 1986, 18 с.
 30. *Байбуртян Е.* Псевдонеоологические поселения Армении. — Проблемы материальной культуры. 1933, вып. 1—2, с. 39—42.
 31. *Байбуртян Е.* Новые находки каменного века в Армении. — СА, 1937, № 3, с. 206—208.
 32. *Байбуртян Е.* Орудия труда в древней Армении. — Изв. Ин-та истории и яз., 1937, с. 193—231. — На арм. яз.
 33. *Бжания В. В.* Мочарское поселение эпохи неолита и бронзы в Абхазии. — СА, 1966, № 1, с. 113—126.
 - 33а. *Биягов Л. Н.* Некоторые вопросы технологии керамики Астхаблурского могильника. — ИФЖ, 1979, № 1, с. 287—292.
 34. *Биягов Л. Н.* Археологические материалы Лусабаца. — ВОН, 1980, № 2, с. 77—82.
 - 34а. *Биягов Л. Н.* Раскопки погребений в Ошаканс. — В кн.: Археологические открытия за 1980 г. — М., 1981, с. 426.
 35. *Бабиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублецкая на Днестре. — М., Изд-во АН СССР, 460 с. — (МИА: № 38).
 36. *Буниатов Т. А.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. — Баку, Изд-во АН АзССР, 1957, 137 с.
 37. *Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. — Л.: Госиздат, 1926. — 248 с.
 38. *Верховская А. С.* Текстильные изделия из раскопок Кармир-Блур. — В кн.: Кармир-Блур 3. Ереван, 1955, с. 67—71.
 39. *Геворкян А. Ц.* Древнейшая металлургия и горное дело Армении: Автореф. канд. дис. — М., 1972. — 24 с.
 40. *Геворкян А. Ц., Петросян Л. А.* Веслообушный топор из Лениканана. — ВОН, 1979, № 4, с. 94—98. — На арм. яз.

41. Геноркян А. П. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. — 128 с.
42. Геология Армянской ССР. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1962, т. 1, — 586 с.
43. Гозадзе Э. М. Периодизация и генезис культуры Триалети. — Тбилиси: Мецниереба, 1972. — 147 с. — На груз. яз., русск. резюме.
44. Гогинян С. К истории древней металлургии железа в Армении. — ИФЖ, 1964, № 3, с. 229—234.
45. Гулканян В. О. Глиняный спаренно-сообщающийся сосуд из Кармир-Блур. — ИФЖ, 1966, № 1, с. 265—270.
46. Гулканян В. О. О некоторых сельскохозяйственных культурах из Аргнштхикнизи. — ИФЖ, 1966, № 4, с. 103—116.
47. Гуммель Я. П. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. — КСИИМК, № 20, с. 15—28.
48. Гуммель Я. П. Красная керамика в долине Гянджа-Чая. — Изв. АзФАН, 1939, № 5, с. 37—41.
49. Гуммель Я. П. Археологические очерки. — Баку: Изд-во АзФАН, 1940. — 164 с.
50. Гуммель Я. П. Курган № 2 близ Ханлара. — КСИИМК, 1949, вып. 24, с. 55—58.
51. Даниелян О. А. Культура раннего железа в Азербайджане: Автореф. канд. дис. — Баку, 1969. — 23 с.
52. Даниелян О. А. К вопросу о появлении железа в Азербайджане. — ДАН АзССР, Баку, 1971, т. 27, № 8, с. 79—84.
53. Даниелян О. А. Впускные погребения из поселения Русетепеси и Иланлитепеси. — МКА, 1976, т. 8, с. 76—92.
54. Деведжян С. Г. Золотые и серебряные украшения погребения № 2 Лори-берда. — ИФЖ, 1971, № 1, с. 271—275. — На арм. яз.
55. Деведжян С. Г. Погребение № 2 Лори-берда. — ИФЖ, 1972, № 2, с. 267—274. — На арм. яз.
56. Деведжян С. Г. Лорибердский могильник. — СА, 1974, № 2, с. 180—194.
57. Деведжян С. Г. Позднебронзовые колесницы Лори-берда. — ИФЖ, 1976, № 1, с. 209—220. — На арм. яз.
58. Деведжян С. Г. Лори-берд I: Результаты раскопок 1969—1973 гг. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. — 84 с.
59. Дедабришвили Ш. Ш. Курганы Алазанской долины. — Тр. КАЭ, 1969, № 1, с. 35—75.
60. Дедабришвили Ш. Ш. Курганы Алазанской долины. — Тбилиси: Мецниереба, 1979. — 74 с. — (Тр. КАЭ; № 2).
61. Джавахишвили А. И., Глonti И. Урбниси I. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961, — 73 с. — На груз. яз., русск. резюме.
62. Джапаридзе О. М. Ранний этап древней металлургии в Грузии. — Тбилиси: Техника да Шрома, 1955. — 110 с. — На груз. яз., русск. резюме.
63. Джапаридзе О. М. Археологические раскопки в Триалети, 1957—1958 гг. — Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1960. — 52 с. — (Тр. Тбил. ун-та).
64. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. — Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1961. — 288 с. — На груз. яз., русск. резюме.
65. Джафарзаде И. М. Элементы археологической культуры древней Мугани. — Изв. АН АзССР, 1946, № 9, с. 21—51.
66. Дьяконов И. М. Ассиро-Вавилонские источники по истории Урарту. — ВДИ, 1951, № 2, с. 257—356.
67. Есаян С. А., Шагинян А. Н. Археологические находки в Зангезуре. — СА, 1962, № 3, с. 199—208.

68. *Есаян С. А.* Каталог археологических предметов музея истории г. Еревана. — Ереван, 1964. — 75 с.
69. *Есаян С. А.* Бронзовые браслеты Государственного музея Армении. — Изв. АН АрмССР, 1964, № 2, с. 83—94. — На арм. яз.
70. *Есаян С. А., Карапетян Л. Л.* Новонайденный могильник близ Еревана. — ИФЖ, 1965, № 4, с. 281—285. — На арм. яз.
71. *Есаян С. А.* Оружие и военное дело древней Армении. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1966. — 156 с.
72. *Есаян С. А.* Каталог археологических предметов музея истории г. Еревана I. — Ереван: Б. и., 1967. — 115 с.
73. *Есаян С. А.* Амулеты, связанные с культом солнца из Армении. — СА, 1968, № 2, с. 255—260.
74. *Есаян С. А.* Астхилбурский могильник. — ВОН, 1968, № 6, с. 82—97.
75. *Есаян С. А., Оганесян Г. А.* Каталог археологических предметов Дилижанского краеведческого музея. — Ереван: Б. и., 1969. — 173 с.
76. *Есаян С. А.* Ереван. — Ереван: Айастан, 1969. — 112 с.
77. *Есаян С. А.* Каменная статуэтка Шамшадина. — СА, 1969, № 1, с. 269—270.
78. *Есаян С. А., Микаелян Г. А.* О некоторых циклопических крепостях Ноемберяна. — ИФЖ, 1972, № 1, с. 269—276.
79. *Есаян С. А.* Каталог археологических предметов музея истории г. Еревана 3. — Ереван: Б. и., 1972. — 172 с.
80. *Есаян С. А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. — 269 с.
81. *Есаян С. А.* Стратиграфия расписной керамики Айгевана. — В кн.: Тезисы докладов, посвященных результатам полевых археологических исследований в Армянской ССР 1977—1978 гг. — Ереван, 1979, с. 3—4. — На арм. яз.
82. *Есаян С. А.* Скульптура древней Армении. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1980. — 65 с.
83. *Есаян С. А.* Стратиграфия расписной керамики Айгеванского поселения. — ИФЖ, 1981, № 2, с. 195—204.
84. *Есаян С. А.* Раскопки Ошаканского дворца и о некоторых формах домашнего культа. — В кн.: Тезисы докладов, посвященных результатам полевых археологических исследований в Армянской ССР 1979—1980 гг. — Ереван, 1981, с. 9—10.
85. *Жоржикашвили Л., Гогодзе Э. М.* Памятники Триалети в эпоху ранней и средней бронзы. — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 124 с. — (Каталог триалетских материалов; № 2).
86. *Зеленский О. В., Вавилов Н. И.* Проблемы горного земледелия и *Н. И. Вавилова*: Научная сессия, посвященная 75-летию со дня рождения Вавилова. — М.—Л.: Наука, 1966. — 134 с. — (Вопросы географии культурных растений).
87. *Ивановский А. А.* По Закавказью. — М.: Б. и., 1911. — 196 с. — (МАК); Т. 6).
88. *Иессен А. А., Деган-Ковалевский Б. Е.* Из истории древней металлургии Кавказа. — М.—Л.: Соцэкгиз, 1935. — 420 с. — (Изв. ГАИМК, № 120).
89. *Иессен А. А.* К хронологии «Больших Кобанских курганов». — СА, 1950, № 12, с. 157—200.
90. *Иессен А. А.* Кавказ и Древний Восток IV—III тыс. до н. э. — КСИА, вып. 93, с. 3—14.
91. *Иессен А. А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. — МИА, 1965, № 125, с. 10—36.
92. *Иессен А. А.* Поселение Уч-Тепе. — МИА, 1965, № 125, с. 103—127.

93. Известия Императорской археологической комиссии. СПб., Б. и., 1909, вып. 29. — 167 с.
94. Ионе Г. И. Археологические раскопки в Мингечауре. — ДАН АзССР, 1946. № 9, с. 399—406.
95. Ионе Г. И. О гончарных обжигательных печах Мингечаура. — МКА, 1951, т. 2, с. 31—79.
96. Исмаилов Г. С. Новый археологический материал о земледелии в древнем Азербайджане. — ДАН АзССР, 1962. № 3, с. 77—81.
97. Исмаилов Г. С. Орнаментация керамики древнего поселения Баба-Дервиш и ее взаимосвязи с эполеитическими памятниками Закавказья. — В кн.: Археологические исследования в Азербайджане, 1965, с. 54—63.
98. Исмаилов Г. С. Археологические исследования древнего поселения Баба-Дервиш. — Баку: Элм, 1977. — 101 с.
99. Казыев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре. — МКА, 1949, т. 2, с. 9—49.
100. Казыев С. М. Отчет об археологических работах в с. Варданлы. — Изв. АН АзССР, 1960, № 4, с. 25—52. — На аз. яз.
101. Калантар А. А. Алагязские летние пастбища: — Материалы для устройства казенных летних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. — Тифлис: Б. и., 1895, т. 3. — 96 с.
102. Калантар А. А. Открытие дохалдского поселения близ Лениканана. — ПИДО, 1934, № 9—10, с. 166—168.
103. Карапетян Л. Л., Шагинян А. Н. Археологические открытия в Дилижане. — Изв. АН АрмССР, 1961, № 12, с. 69—99. — На арм. яз.
104. Кафадарян К. Г. Раскопки могильников в Кировакане. — Изв. АрмФАН, 1941, № 3—4, с. 55—69. — На арм. яз.
105. Кафадарян К. К. Заметки по урартской фортификации. — ИФЖ, 1972, № 2, с. 151—162. — На арм. яз.
106. Караханян Г. О., Сафян П. Г. Наскальные изображения Сюника. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970. — 46 с. — (АПА, Т. 4). — На арм. яз., русск. резюме.
107. Кесаманлы Г. П. Погребение с бронзовым пояском из Хачбулаха. — СА, № 3, с. 221—227.
108. Кесаманлы Г. П. Хачбулагский курган с массовым захоронением. — МКА, 1976, т. 8, с. 46—75.
109. Киладзе Н. Э. Памятники нового каменного века из Тетрамица. — Материалы по истории Грузии и Кавказа, 1951, вып. 29, с. 237—262.
110. Клейн Л. С. Краткое обоснование миграционной гипотезы о происхождении катакомбной культуры. — Вестн. Ленингр. ун-та. Серия истории, яз. и лит., 1962, № 2, с. 74—87.
111. Коридзе Д. Л. К изучению археологических памятников г. Тбилиси. — Вестн. ГМГ, 1959, т. 20—В, с. 39—54. — На груз. яз., русск. резюме.
112. Коридзе Д. Л. Археологические памятники Тбилиси I. — Тбилиси, Изд-во АН ГССР, 1955. — 234 с. — На груз. яз., русск. резюме.
113. Коридзе Д. Л. Новые находки медных орудий в Квемо-Картлы. — СА, 1958, № 1, с. 134—140.
114. Кашкай М. К., Селимханов И. Р. Из истории древнейшей металлургии Кавказа. — Баку: Элм, 1973. — 222 с.
115. Крайцова-Гракова О. А. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. — Тр. ГИМ, 1938, вып. 8, с. 33—38.

116. *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. — МИА, № 68, с. 7—146.
117. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. — МИА, 1951, № 23, с. 17—74.
118. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 519 с.
119. *Кифтин Б. А.* Археологические раскопки в Триплетн. — Тбилиси: Изд-во Груз. ФАН, 1941, т. 1. — 230 с.
120. *Кифтин Б. А.* К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. — КСИИМК, 1940, т. 8, с. 5—35.
121. *Кифтин Б. А.* «Урартский колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Араксский энеолит. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР. — 171 с. — (Вестн. ГМГ; т. 13—В)
122. *Кифтин Б. А.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии. — Вестн. ГМГ, 1943, т. 12—В, с. 191—397
123. *Кифтин Б. А.* Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в южную Осетию и Имеретию. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1949. — 229 с.
124. *Кифтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. — Тбилиси: Техника да Шрома, 1949, т. 1. — 340 с.
125. *Кифтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. — Тбилиси: Техника да Шрома, 1950, т. 2. — 331 с.
126. *Кушнарёва К. Х.* Раскопки на холме Узерлик-Тепе около Агдама. — КСИИМК, 1957, вып. 69, с. 129—135.
127. *Кушнарёва К. Х.* Поселение эпохи бронзы на холме Узерлик-Тепе около Агдама. — МИА, 1959, № 67, с. 388—430.
128. *Кушнарёва К. Х.* Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. — СА, 1957, № 27, с. 135—177.
129. *Кушнарёва К. Х.* Тазакендский могильник в Армении. — СА, 1960, № 1, с. 137—157.
130. *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Историческое значение Южного Кавказа в III тыс. до н. э. — СА, 1963, № 3, с. 10—24.
131. *Кушнарёва К. Х.* Новые данные о поселении Узерлик-Тепе около Агдама. — МИА, 1965, № 125, с. 74—102.
132. *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. — М.: Наука, 1970. — 190 с.
133. *Кушнарёва К. Х.* Ходжалинский могильник. — ИФЖ, 1970, № 3, с. 109—124.
134. *Кушнарёва К. Х.* Древнейшие памятники Двина. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. — 110 с.
135. *Лалаян Е.* Раскопки могильников в Советской Армении. — Ереван: Б. и., 1931. — 239 с. — На арм. яз.
136. *Латынин Б.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой. — В кн.: Археологический сборник. — Л., 1864, № 6, с. 52—71.
137. *Лемлей Г.* Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. — Изв. ГАИМК, 1947, вып. 18, с. 22—30.
138. *Лемлей Г.* Опыт классификации форм каменных бус. — КСИИМК, 1950, вып. 32, с. 157—172.
139. *Липс Ю.* Происхождение вещей. — Ереван: Айастан, 1957. — 470 с. — На арм. яз.
140. *Ломтаидзе Г. А.* Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. — Материалы по археологии Грузии и Кавказа, 1955, т. 1, с. 165—170. — На груз. яз.

141. *Любин В. П.* Археологическая разведка в окрестностях г. Сталишр. — КСНИ-МК, 1955, вып. 60, с. 14—22.
142. *Майсурадзе З. П.* Технология черных и серых лощеных сосудов грунтовых погребений Сяптвавр. — Сообщения АН ГССР, 1952, № 4, с. 251—256.
143. *Макалатия С. И.* Пряжка Кобанского типа из с. Двани. — Тр. Горийского пед. ин-та, 1957, вып. 4, с. 145—148. — На груз. яз.
144. *Манандян Я. А.* Древние города Армении. — Изв. ин-та науки и искусства. 1931, № 5, с. 65—83. — На арм. яз.
145. *Манандян Я. А.* Главные дороги Армении по Певтингерской карте. — Ереван: Б. и., 1936. — 276 с. — На арм. яз.
146. *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. — 2-е изд. перераб. и доп. — Ереван: Изд-во Ерев. ун-та, 1954. — 346 с.
147. *Март Н. Я.* Книжная история города Ани и раскопки на месте городища. — Л.: Союзгиз, 1934. — 134 с.
148. *Мартirosян А. А.* О древнем поселении около Лениакана. — Изв. АН АрмССР, 1952, № 10, с. 87—97.
149. *Мартirosян А. А.* О древнем поселении и могильнике близ Лениакана. — КСНИ-ИМК, 1954, вып. 55, с. 106—116.
150. *Мартirosян А. А.* Раскопки в Головино. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1954. — 116 с.
151. *Мартirosян А. А.* Раскопки в Кировакане и некоторые памятники ранисурартского периода (IX—VIII вв. до н. э.). — Изв. АН АрмССР, 1956, № 9, с. 61—84.
152. *Мартirosян А. А., Хачатрян Т. С.* Комплекс изделий из могильника Такна. — Изв. АН АрмССР, 1959, № 11—12, с. 87—96.
153. *Мартirosян А. А.* К предыстории древнейших этапов культуры Армении. — ИФЖ, 1960, № 1, с. 92—109.
154. *Мартirosян А. А.* Город Тейшебанин. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1961. — 157 с.
155. *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964. — 305 с.
156. *Мартirosян А. А., Торосян Р. М.* К вопросу об интерпретации энеолитической культуры Армении. — ВОН, 1967, № 3, с. 52—62. — На арм. яз.
157. *Мартirosян А. А.* Поселения и могильники эпохи поздней бронзы. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969. — 70 с. — (АПА, т. 2).
158. *Мартirosян А. А., Мнацаканян А. О.* Приереванский клад древней бронзы. — КСИА, 1973, вып. 134, с. 122—127.
159. *Мартirosян А. А.* Аргиштихинили. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1974. — 176 с. — (АПА, т. 8).
160. *Мартirosян А. А.* Наскальные изображения Гегамских гор. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981. — 124 с. (АПА, т. 11). — На арм. яз., русск. резюме.
161. *Межлумян С. К.* Палеофауна эпохи энеолита, бронзы и железа на территории Армении. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1972. — 178 с.
162. *Межлумян С. К., Мартirosян А. А.* Некоторые археологические данные о древней медицине. — ИФЖ, 1972, № 1, с. 235—252.
163. *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 502 с.
164. *Менабде Б. А.* Ботанико-систематические данные о хлебных злаках древней Колхиды. — Сообщения ГрузФАН, 1940, № 9, с. 683—689.

165. Менабде М. В., Давланидзе Ц. О. Могильники Триалети: Каталог 1. — Тбилиси: Мецниереба, 1968. — 152 с.
166. Микаелян Г. А. Циклопические крепости Севанского бассейна. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1968. — 64 с. — (АПА, т. 1). — На арм. яз., русск. резюме.
167. Минкевич-Мустафаева Н. В. Об археологических находках с. Долаклар. — МКА, 1949, т. 1, с. 50—70.
168. Минкевич-Мустафаева Н. В. О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. — МКА, 1962, т. 4, с. 109—139.
169. Мирцхулава Г. И. Самшвилде. — Тбилиси: Мецниереба, 1975. — 96 с. — На груз. яз., русск. резюме.
170. Мкртумян Ю. И. К изучению скотоводства у народов Закавказья. — В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М., 1971, с. 116—135.
171. Мнацаканян А. О. Археологические раскопки на осушенной территории оз. Севан. — Изв. АН АрмССР, 1952, № 8, с. 99—111. — На арм. яз.
172. Мнацаканян А. О. Древнейший могильник близ с. Цамакаберд. — Изв. АН АрмССР, 1954, № 5, с. 85—94. — На арм. яз.
173. Мнацаканян А. О. Археологические раскопки в с. Басаргечар. — КСИМК, 1955, вып. 60, с. 39—44.
174. Мнацаканян А. О. Раскопки могильников у с. Атарбекия в АрмССР. — КСИИ-МК, 1955, вып. 60, с. 31—38.
175. Мнацаканян А. О. Раскопки могильников в с. Головинно. — Тр. ГМИА, 1959, т. 5, с. 5—62. — На арм. яз.
176. Мнацаканян А. О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. — СА, 1960, № 2, с. 139—152.
177. Мнацаканян А. О., Тирицян Г. А. Новые данные о материальной культуре древней Армении. — Изв. АН АрмССР, 1961, № 8, с. 69—83.
178. Мнацаканян А. О. Основные этапы развития материальной культуры Лчашена. — ИФЖ, 1965, № 2, с. 95—114. — На арм. яз.
179. Мовсес Хоренаци. История Армении. — Ереван: Айпетрат, 1961. — 448 с. — На арм. яз.
180. Морган Ж. Доисторическое человечество. — М.—Л.: Госиздат, 1926. — 315 с.
181. Мочанов Ю. А. К вопросу об употреблении и технике изготовления каменных орудий в конце эпохи бронзы (по материалам Уч-Тепе). — МИА, 1965, № 125, с. 135—152.
182. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — М.: Изд-во АН СССР. — 165 с. — (МИА, № 100).
183. Мунчаев Р. М. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. — МИА, 1965, № 130, с. 92—96.
184. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. — М.: Наука, 1975. — 414 с.
185. Нариманов И. Г. Археологические памятники Гянджачайского района. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1953. — 142 с.
186. Нариманов И. Г., Исмаилов Г. С. Археологические раскопки в Хачбулаге в 1959 г. — Изв. АН АзССР, 1961, № 3, с. 19—30. — На аз. яз.
187. Нариманов И. Г., Халилов Д. А. Археологические раскопки Сары-Тепе. — МКА, 1962, т. 4, с. 6—67. — На аз. яз.
188. Нариманов И. Г. Древнейшие серпы Азербайджана. — СА, 1964, № 1, с. 282—287.
189. Нариманов И. Г., Махмудов Ф. А. Энеолитические памятники на Мугани. — Изв. АН АзССР, 1967, № 2, с. 88—96.

190. *Никольский М. В.* Клинообразные надписи Ванских царей, открытые в пределах России: Древности Восточные. — Тр. Императорского Моск. археолог. о-ва, 1893, т. 1, вып. 3, с. 282—484.
191. Отчет археологической комиссии за 1889 г. — СПб., Б. и., 1892. — 128 с.
192. Отчет археологической комиссии за 1893 г. — СПб., Б. и., 1895. — 122 с.
193. Отчет Квемо-Картлийской археологической экспедиции. — Тбилиси: Мецниереба, 1975. — 216 с. — На груз. яз., русск. резюме.
194. Отчет археологической комиссии за 1897 г. — СПб., Б. и., 1900. — 191 с.
195. *Петросян Л. А.* Разведочные раскопки в Кети. — ИФЖ, 1973, № 4, с. 212—218. — На арм. яз.
196. *Петросян Л. А.* Новые памятники среднебронзовой эпохи. — ИФЖ, 1976, № 3, с. 253—258. — На арм. яз.
197. *Петросян Л. А., Ерицян Б. Г.* Работа Кетийской экспедиции. — В кн.: Археологические открытия за 1976 г. — М.: 1977, с. 608.
198. *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1944. — 364 с.
199. *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. — 131 с.
200. *Пиотровский Б. Б.* Поселение медного века в Армении. — СА, 1949, вып. 11, с. 171—184.
201. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур 1: Результаты раскопок 1939—1949 гг. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1950. — 100 с. — (АРА, № 1).
202. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур 2: Результаты раскопок 1949—1950 гг. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1952. — 88 с. — (АРА, № 2).
203. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур 3: Результаты раскопок 1951—1953 гг. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1955. — 74 с. — (АРА, № 5).
204. *Пиотровский Б. Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. — СА, 1955, № 23, с. 5—15.
205. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. — Л.: Изд-во Восточ. лит. 1959. — 292 с.
206. *Пиотровский Б. Б.* Основные этапы древнейшего земледелия в Армении. — ИФЖ, 1961, № 3—4, с. 108—121.
207. *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. — Л.: Аврора, 1970. — 115 с.
208. *Пицхелаури К. Н.* Итоги исследования памятников поздней бронзы и раннего железа. — Тр. КАЭ, 1969, № 1, с. 89—110.
209. *Пицхелаури К. Н.* Локализация археологических культур на территории Восточной Грузии. — Тр. КАЭ, 1969, № 1, с. 160—206.
210. *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии. — Тбилиси: Мецниереба, 1973, — 224 с. — На груз. яз., русск. резюме.
211. *Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. — Тбилиси: Мецниереба, 1979. — 158 с. — (Тр. КАЭ, № 3).
212. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. — М.: Наука, 1977. — 184 с.
213. *Попова Т.* Племена катакомбной культуры. — М.: Изд-во Культур.-просв. работы, 1955. — 179 с. — (Тр. ГИМ, вып. 24).
214. *Пчелина Е. Г.* Археологическая разведка в районе Кавказского хребта. — Бюллетень ГМГ, 1930, т. 5, с. 147—162.
215. *Садыхзаде Ш. Г.* Исследование памятников Ходжалы-Калакендской культуры в Хачбулаге. — Тр. Музея истории Азербайджана, 1968, т. 7, с. 5—22.
216. *Сардарян С. А.* Первобытное общество в Армении. — Ереван: Митк, 1967. — 416 с. — На арм. яз.
217. *Симомян А. Е.* Новонайденный могильник Верин Навер. — В кн.: Тезисы док-

- ладов, посвященных результатам полевых археологических исследований в Армянской ССР в 1975—1976 гг. — Ереван: 1977, с. 15—17. — На арм. яз.
218. *Симонян А. Е.* Раскопки могильника Верин Навер в 1977—1978 гг. — В кн.: Тезисы докладов, посвященных результатам полевых археологических исследований в Армянской ССР 1977—1978 гг. — Ереван, 1979, с. 7—9. — На арм. яз.
219. *Соловьев Л. Н.* Новый памятник культурных связей Кавказского причерноморья, стоянки Восточной пещеры. — Тр. Абхаз. ИИЯЛ, 1958, т. 29, с. 135—173.
220. *Спицки И., Эрдниева У.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. — Тр. Калмыцкой респ. музея, 1963, вып. 1, с. 5—12.
221. *Ташчян Л. П.* Курган с массовым погребением в окрестностях г. Степанакерта. — Изв. АН АзССР, 1944, № 11, с. 91—94.
222. Тбилиси. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1978. — 214 с. — (Археологические памятники, № 1). — На груз. яз., русск. резюме.
223. *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. — М.: Наука, 1977. — 238 с.
224. *Ткелашвили О. В.* Погребение эпохи поздней бронзы в Навтлуги. — Вести. ГМГ, 1963, т. 24—В, с. 49—54. — На груз. яз.
225. *Тораманян Т.* Материалы по истории армянской архитектуры. — Ереван, Арм. ФАН, т. 1. — 403 с. — На арм. яз.
226. *Торосян Р. М.* Раскопки Техутского поселения. — ИФЖ, 1968, № 1, с. 291—302. — На арм. яз.
227. *Торосян Р. М.* Некоторые земледельческие орудия неолита-энеолита. — ИФЖ, 1971, № 2, с. 240—250. — На арм. яз.
228. *Торосян Р. М.* Раннеземледельческие поселения Техута (IV тыс. до н. э.). — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976. — 142 с. — (АРА, № 14). — На арм. яз., русск. резюме.
229. *Туманян М. Г.* Ботанический состав диких пшениц Армении и условия их произрастания в природе. — Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции, 1930, т. 24, № 2, с. 8—21.
230. *Туманян М. Г.* Культурные растения урартского периода в АрмССР. — Изв. АН АрмССР, 1944, № 1—2, с. 71—82.
231. *Туманян М. Г.* Культурные растения урартского периода в АрмССР. — В кн.: Избранные труды. — Ереван: АН АрмССР, 1957, с. 162—171.
232. *Тушишвили Н. Н.* Маднисчалинский могильник—Тбилиси: Мещнерба, 1972. — 216 с. — На груз. яз., русск. резюме.
233. Физическая география Армянской ССР. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. — 470 с. — На арм. яз.
234. *Филимонов Г.* Закавказские древности. — Вести. о-ва древнерусского искусства, 1876, № 1—2, с. 105—106.
235. *Фисенко Ф.* О происхождении и хронологии катакомбной культуры: Уч. пособие по курсу истории СССР. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1965. — 42 с.
236. *Фоменко Ф. И.* Грунтовое погребение № 63 в Мингечауре. — МКА, 1953, т. 7, с. 67—80.
237. *Халилов Д. А.* Археологические памятники Западного Азербайджана в эпоху бронзы и начала железа. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1959. — 171 с.
238. *Халилов Д. А.* Поселение на холме Сары-Тепс. — СА, 1960, № 4, с. 68—75.
239. *Ханзадян Э. В.* Лчащенский курган № 6. — Изв. АН АрмССР, 1960, № 2, с. 65—77. — На арм. яз.
240. *Ханзадян Э. В.* Энеолитическое поселение близ Кировакана. — СА, 1963, № 1, с. 152—161.

241. Ханзабян Э. В. Первые факты обработки металлов на территории Армянского нагорья в эпоху древней бронзы. — ИФЖ, 1963, № 3, с. 297—307. — На арм. яз.
242. Ханзабян Э. В. Культура Армянского нагорья в III тыс. до н. э. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967. — 117 с. — На арм. яз., русск. резюме.
243. Ханзабян Э. В. Гарни 4: Результаты раскопок 1949—1966 гг. — Ереван: Изд-во АН АрмССР. — 190 с. — (АРА, № 12). — На арм. яз., русск. резюме.
244. Ханзабян Э. В. Раннебронзовое поселение близ с. Аревик. — СА, 1969, № 4, с. 157—170.
245. Ханзабян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С. Мецамор. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973 — 214 с. — На арм. яз., русск. резюме.
246. Ханзабян Э. В. Элар-Дарани. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979. — 188 с. — На арм. яз., русск. резюме.
247. Ханзабян Э. В., Каракешишян Р. А. Погребения эпохи раннего железа. — Тр. ГМИА, 1981, т. 7, с. 3—15. — На арм. яз.
248. Хачатрян Т. С. Раскопки в Айриванке. — Изв. АН АрмССР, 1957, № 12, с. 93—101.
249. Хачатрян Т. С., Есаян С. А. Археологические находки в с. Апаран. — СА, 1958, № 4, с. 135—136.
250. Хачатрян Т. С. Каменные ящики Степанавана. — Тр. ГМИА, 1959, т. 5, с. 105—112.
251. Хачатрян Т. С. Орудия труда эпохи поздней бронзы и раннего железа. — Тр. ГМИА, 1959, с. 203—257.
252. Хачатрян Т. С. Комплекс бронзовых предметов с. Вардакар (Артикский район). — Изв. АН АрмССР, 1961, № 1, с. 55—70.
253. Хачатрян Т. С. Материальная культура древнего Артика. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1963. — 216 с.
254. Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. — Ереван: Изд-во ЕГУ, 1975. — 276 с.
255. Хачатрян Т. С. Артикский некрополь: Каталог. — Ереван: Изд-во ЕГУ, 1979. — 403 с.
256. Хикикян О. С. Некоторые вопросы металлообработки позднебронзовой эпохи (XIV—X вв. до н. э.), — ИФЖ, 1971, № 3, с. 281—288. — На арм. яз.
257. Хикикян О. С. Раскопки в селах Танцавер и Шикаог. — ИФЖ, 1975, № 2, с. 239—245. — На арм. яз.
258. Хикикян О. С. Ремесла Армении в эпоху бронзы. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. — 103 с. — (АПА; 9). — На арм. яз., русск. резюме.
259. Хикикян О. С. Раскопки в Ангехакоте. — ВОН, 1978, № 3, с. 99—107. — На арм. яз.
260. Чейлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. — М.: ИЛ. — 1956. — 382 с.
261. Чилашвили Л. А. Городище Урбишен. — Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1964. — 180 с.
262. Чилингарян С. С. Циклопические сооружения Ноемберянского района. — ИФЖ, 1968, № 1, с. 221—231. — На арм. яз.
263. Чилингарян С. С. Раннебронзовые погребения Джуджеванского могильного поля. — ИФЖ, 1970, № 1, с. 253—257. — На арм. яз.
264. Чилингарян С. С. Новонайденные памятники неолита из Ноемберянского района. — ИФЖ, 1970, № 3, с. 294—297. — На арм. яз.
265. Чилингарян С. С. Первобытные памятники Ноемберянского района: Автореф. канд. дис. — Ереван, 1971. — 28 с.

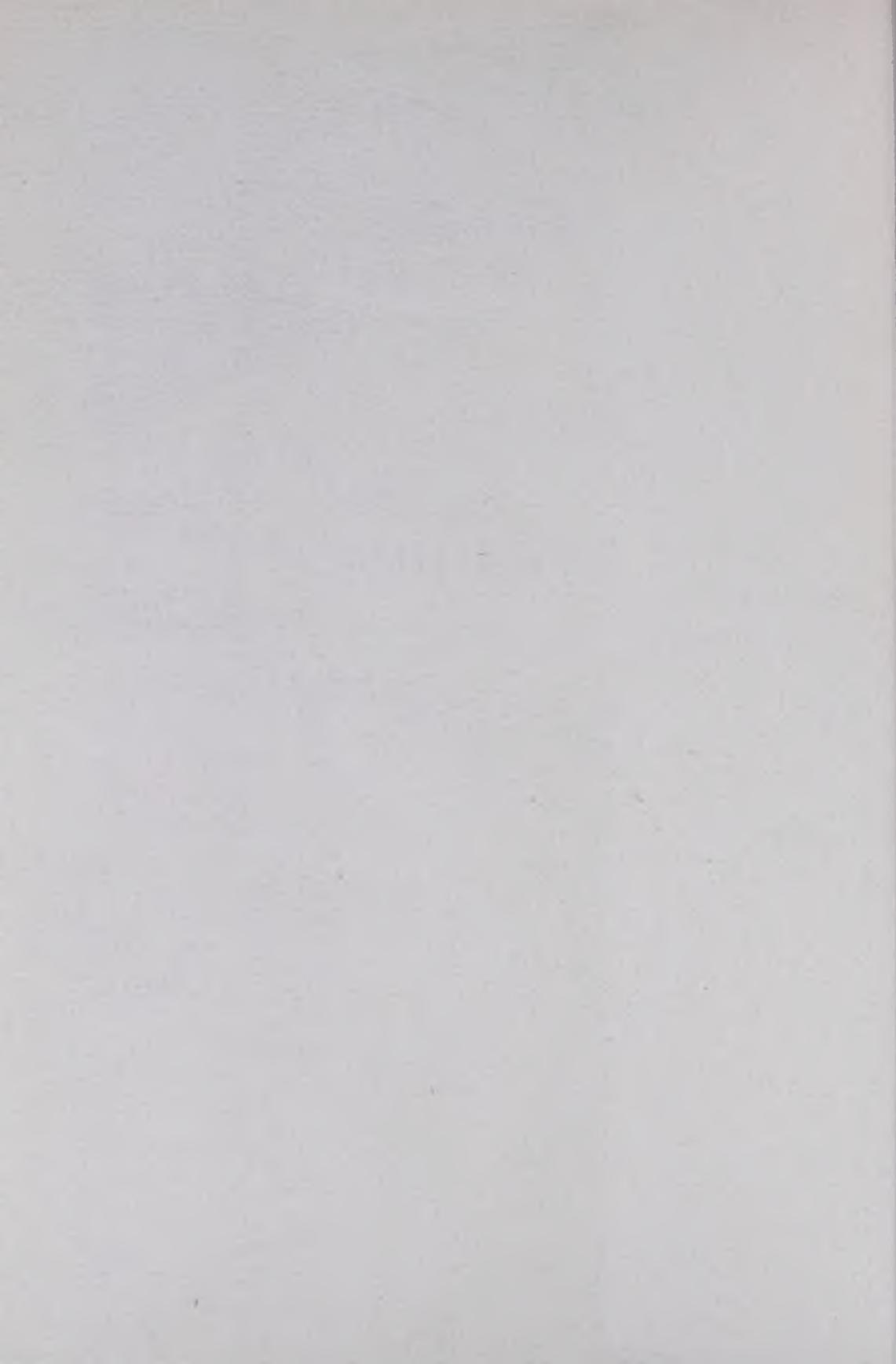
266. *Чилингарян С. С.* Новонайденные памятники Джуджеванского могильника. — ИФЖ, 1975, № 4, с. 231—234. — На арм. яз.
267. *Чубинишвили Т. Н.* Погребение с могилильной доской на Самтаврском могильнике. — Сообщения АН СССР, 1951, т. 12, № 1, с. 61—67.
268. *Чубинишвили Т. Н.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. — Тбилиси: Техника да Шрома, 1957. — 164 с.
269. *Чубинишвили Т. Н.* Амранис-Гора: Материалы к древнейшей истории Месхети-Джавазети. — Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1963. — 103 с. — На груз. яз., русск. резюме.
270. *Чурсин Г. Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. — Тифлис, 1929, вып. 46, с. 137—147.
271. *Янковская Н. Б.* Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы. — ВДИ, 1956, № 1, с. 28—49.
272. *Amiran R.* Connections between Anatolia and Palestine in the Early Bronze Age.—Israel Exploration Journal, 1952, vol. 2, no 2, p. 89—103.
273. *Andrac W.* Das Wiedererstandene Assur.—Leipzig: Hinrichs, 1938, XII.—231 S.
274. *Arsebük G.* Addendum Microlithic Assemblage from the Tülintepe Chalcolithic.—Keban Project 1971 Activities: Middle East Technical University Keban Project Publications, Series I, 1974, no 4, p. 155—159.
275. *Bayern F.* Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien.—Berlin: Ascher, 1885, IX.—60 S.
276. *Berghe L. van den.* Archéologie de l'Iran ancien.—Leiden: Brill, 1959, XX.—286 p.
277. *Bossert H.* Altanatolien.—Berlin: S. n., 1942.—180 S.
278. *Braidwood R. J. and Braidwood L. S.* Excavations in the Plain of Antioch, I, The Earlier Assemblages Phases A—J.—Chicago: the University Press, 1960.—628 p.
279. *Brown G. H.* Prehistoric Pottery from the Antitaurus. —Anatolian Studies, 1967, vol. XVII, p. 123—145.
280. *Burney C. A.* Eastern Anatolia in the Chalcolithic and Bronze Age.—Anatolian Studies, 1958, vol. VIII, p. 157—209.
281. *Burney C. A.* Excavations at Janik—Tepe. North—West Ipan.—„Iraq“, 1961, vol. XXIII, Pt. I, p. 138—153.
282. *Burton-Brown T.* Excavations in Azerbaijan. 1948.—London: Murrey, 1955, XIV.—271 p.
283. *Godard A.* Les bronzes du Luristan.—Serie Orientale, Roma, 1958, vol. 17, p. 51—72.
284. *Ghirshman R.* Fouilles de Siak, près de Kashan. Vol. 2.—Paris: Geuthner, 1939.—259 p.
285. *Dechelette J.* Manuel d'archéologie préhistorique celtique et gallo-romain, t. 2.—Paris: Picard, 1910, VII.—163 p.
286. *Esin U.* Tepecik Excavation 1968 Campaign, Preliminary Report, 1968 Summer Work, Middle East Technical University Keban Project Publications Serial no 1—Publication 1970, no. 1, p. 159—172.
287. *Hauptman H.* Die Grabungen auf dem Norsun—Tepe, 1970, Keban Project 1970 Activities, Middle East Technical University Keban Project Publications, Series, I, 1972, no 3, p. 103—117.
288. *Kosay H. Z. Turfan K.* Erzurum—Karaz—Kazisi Raporu.—„Türk tarih kurumu Belleten“, 1959, t. 23, p. 349—413.
289. *Kosay H. Z.* Pulur (Sakyol) Excavations, 1969—Keban Project 1969 Activities, Middle East Technical University Keban Project Publications, series, I, 1971, no 2, p. 103—106.

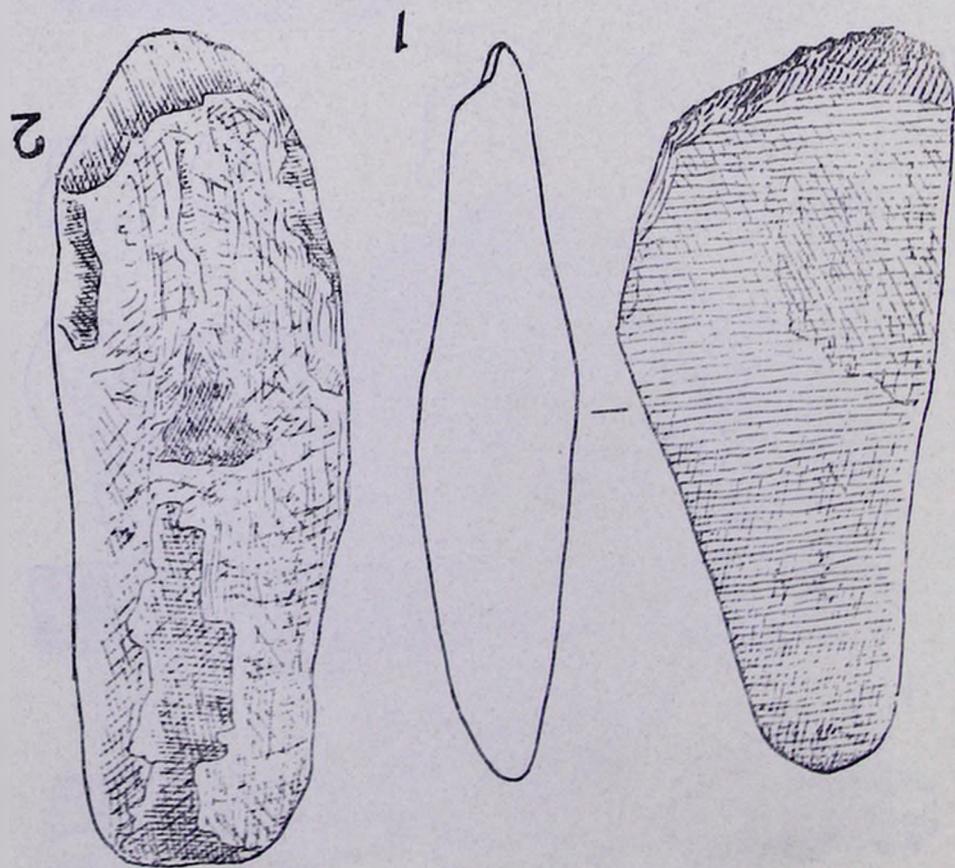
290. *Kosay H. Z.* Pular (Sakyol) Excavations. 1968, Preliminary Report.—1968 Summer Work: Middle East Technical University Keban Project Publications, serial no 1—Publication, 1970, no 1, p. 143—146.
291. *Kosay H. Z.* Yeniköy Mound Excavations, 1972.—Keban Project 1972 Activities: Middle East Technical University Keban Project Publications, series, 1, 1976, no. 5, p. 185—193.
292. *Maxwell-Hyslop K. R.* Western Asiatic Jewellery c. 3000—612 B. C.—London: Methuen, 1971, LXV.—286 p.
293. *Morgan J.* de Mission Scientifique au Caucase, t. I.—Paris: S. n., 1889.—p. 231.
294. *Müller W.* Troja: Wiederentdeckung der Jahrtausende.—Leipzig: Seeman, 1972.—154 S.
295. *Negohban E. O.* A Preliminary Report on Marlik Excavation.—Tehran: Offset Press, 1964.—154 p.
296. *Przeworski S.* Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor Chr.—Leiden: Brill, 1939.—207 S.
297. *Schaeffer Cl. F. A.* Stratigraphie Comparée de l'Asie Occidentale.—Oxford: Oxford University Press, 1948.—652 p.
298. *Schaeffer Cl. F. A.* Enkomi—Alasia, t. I.—Paris: Klincksieck, 1952.—449 p.

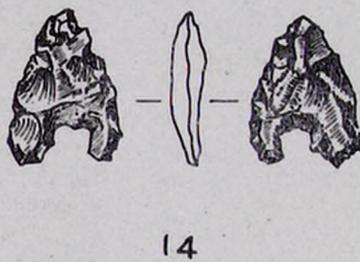
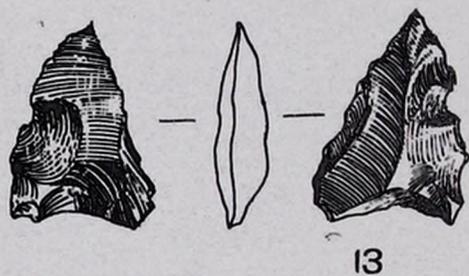
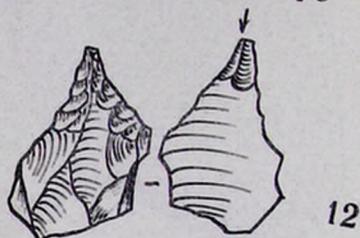
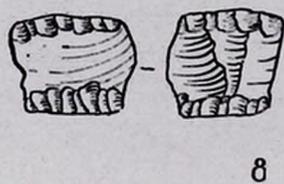
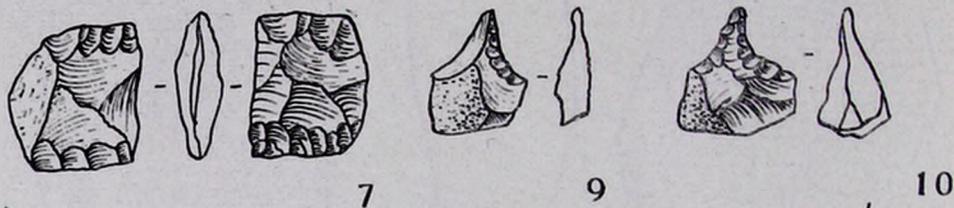
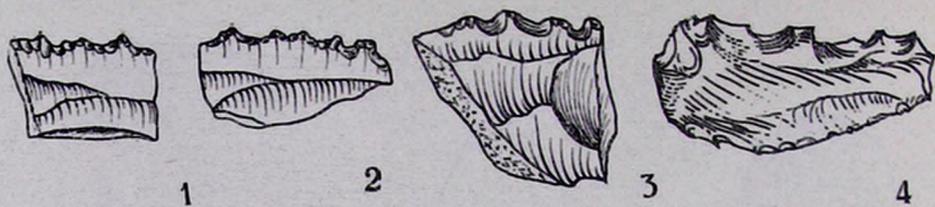
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

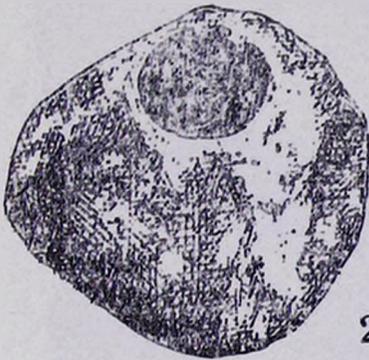
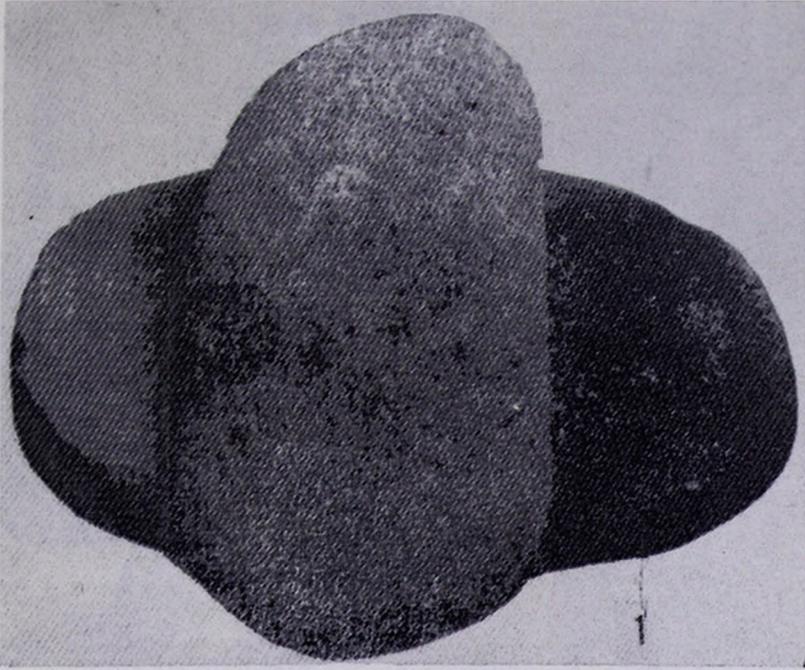
- АзФАН—Азербайджанский филиал АН СССР
АО—Археологические открытия
АПА—Археологические памятники Армении
АРА—Археологические раскопки в Армении
АриФАН—Армянский филиал АН СССР
ВДИ—Вестник древней истории
ЕОН—Вестник общественных наук АН Армянской ССР. Ереван
ГАИМК—Государственная Академия истории материальной культуры
ГМГ—Государственный музей Грузии. Тбилиси
ГМИА—Государственный музей истории Армении. Ереван
ГрузФАН—Грузинский филиал АН СССР
ИИЯЛ—Институт истории, языка и литературы. Сухуми
ИФЖ—Историко-филологический журнал. Ереван
КАЭ—Кахетская археологическая экспедиция. Тбилиси
КСнА—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИМК—Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
МАК—Материалы по археологии Кавказа
МИА—Материалы и исследования по археологии СССР
МИШ—Музей истории Ширака
МКА—Материальная культура Азербайджана. Баку
ПИДО—Проблемы истории докапиталистических обществ
СА—Советская археология
СПб—Санкт-Петербург
ЭКМ—Эчмиадзинский краеведческий музей.

ТАБЛИЦЫ

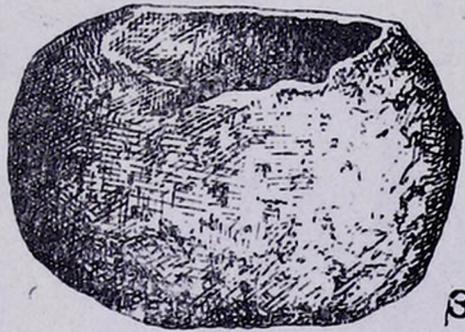

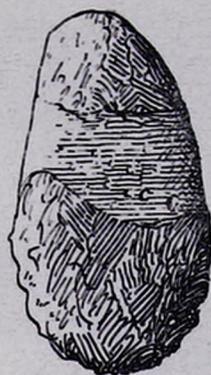
0 5

2

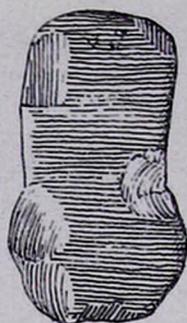
0 3

3

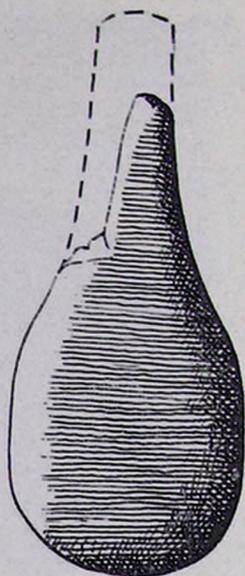

1

0 2

2

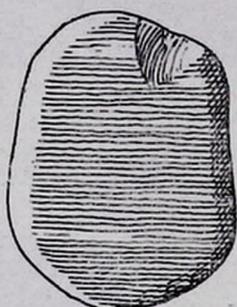

3

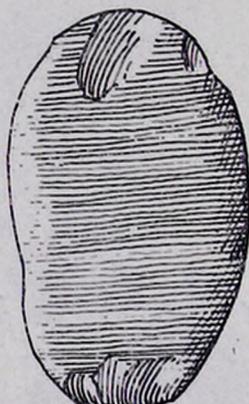

4

0 2

5

6

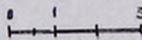
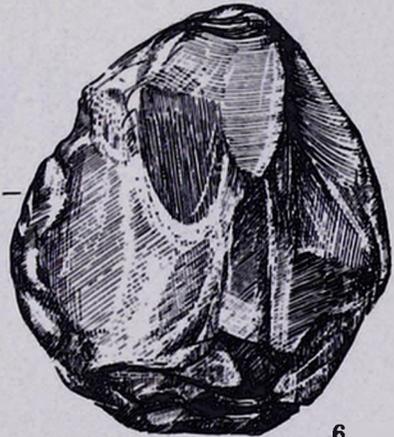
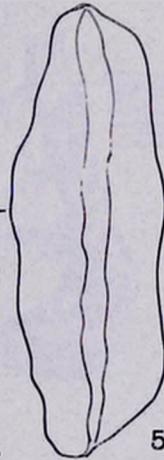

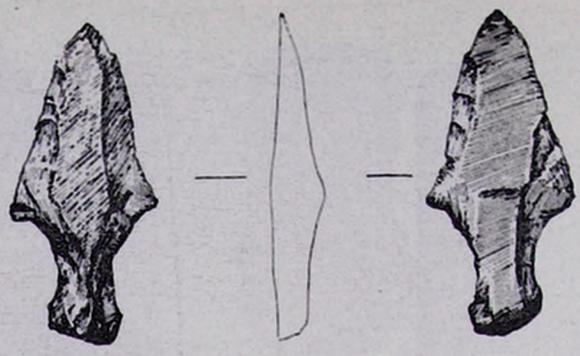
7

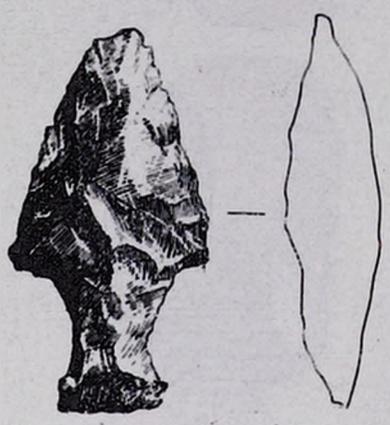
8

0 2

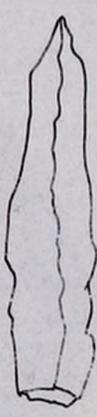
1

2

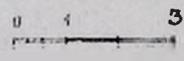
3

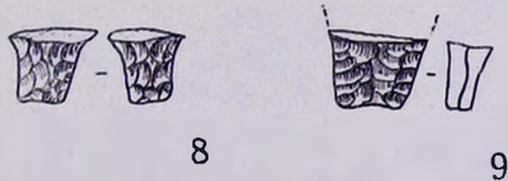
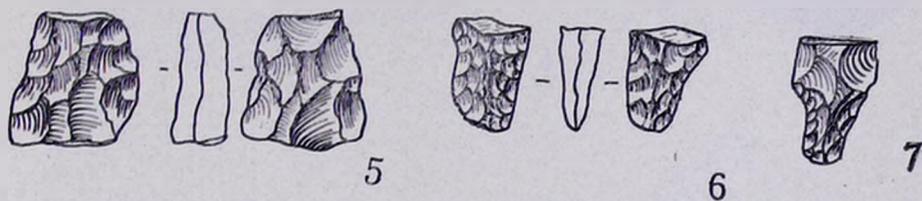
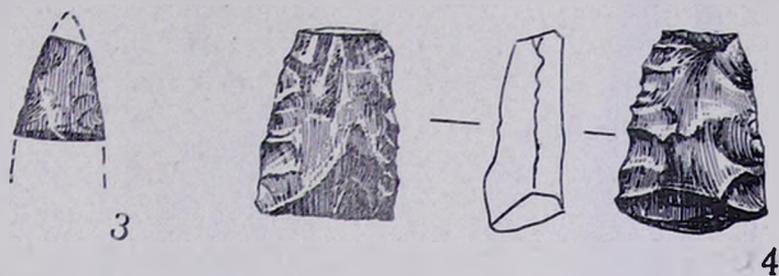

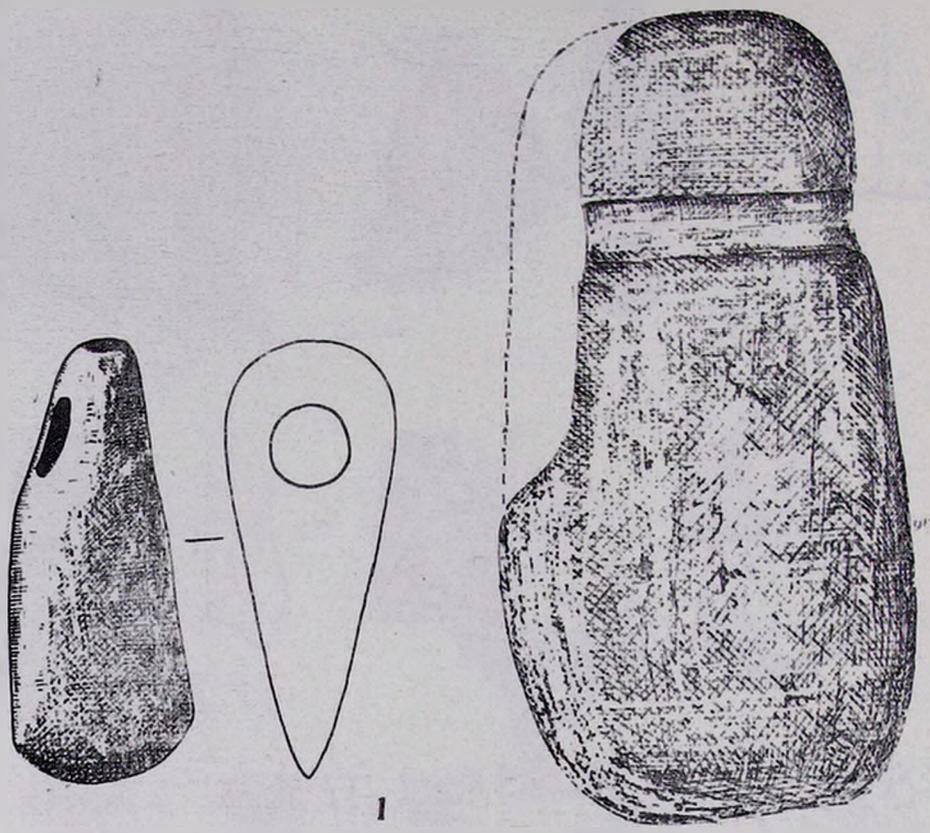
4

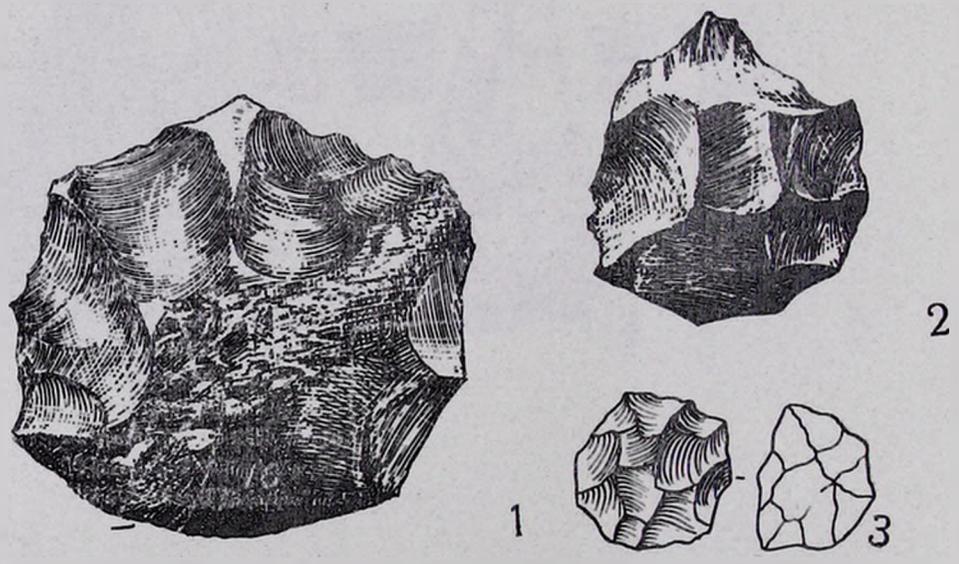
5

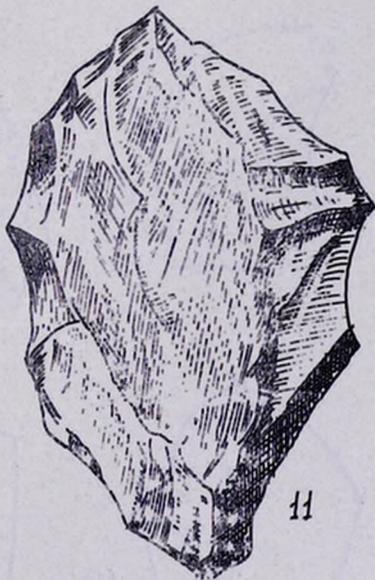
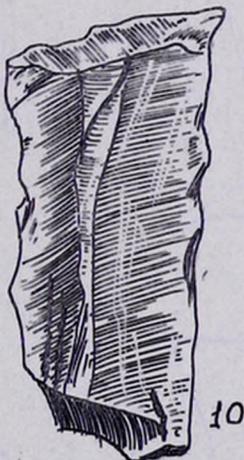
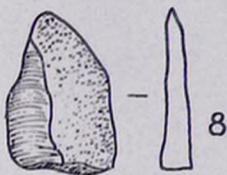
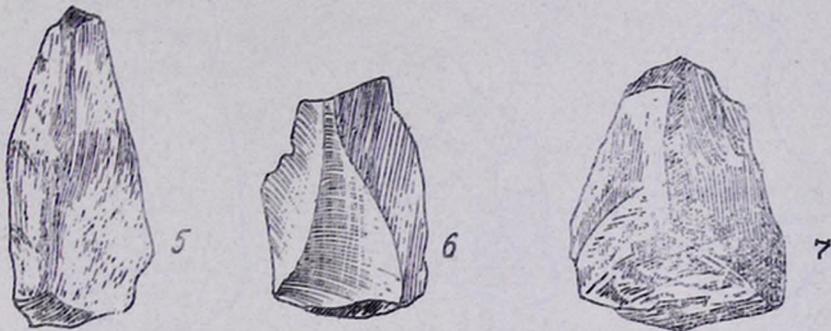
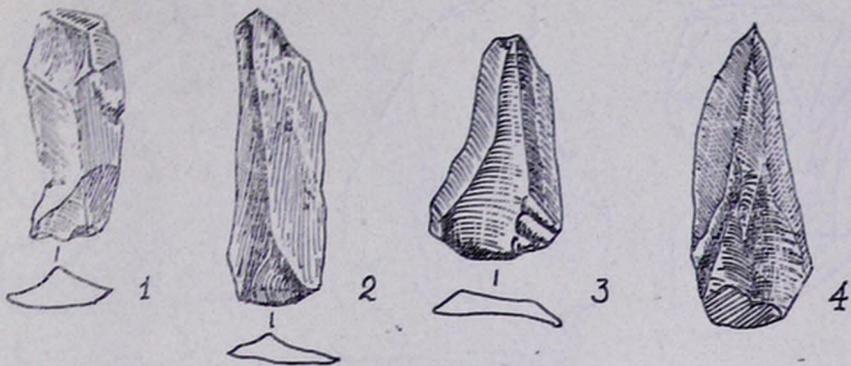

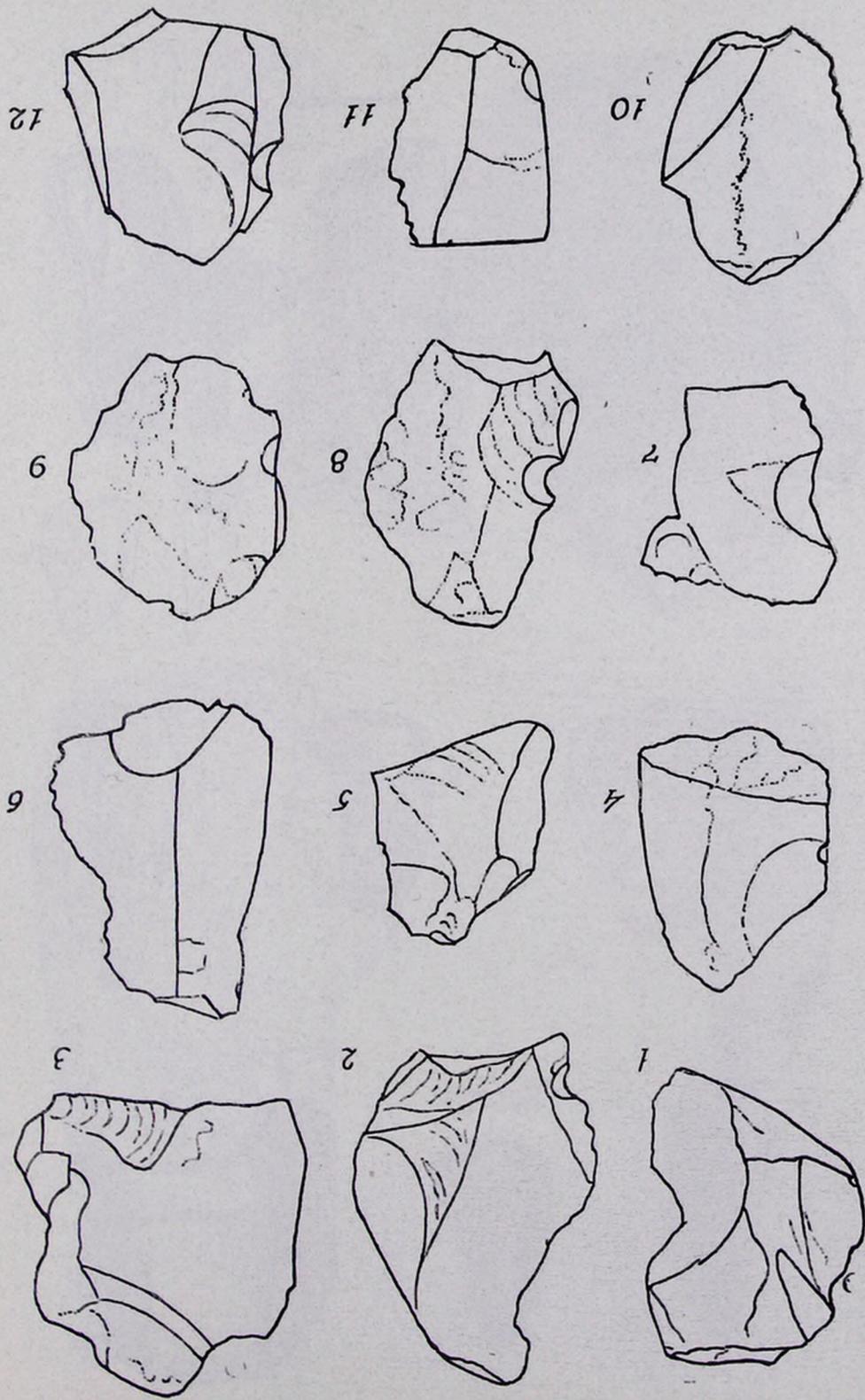

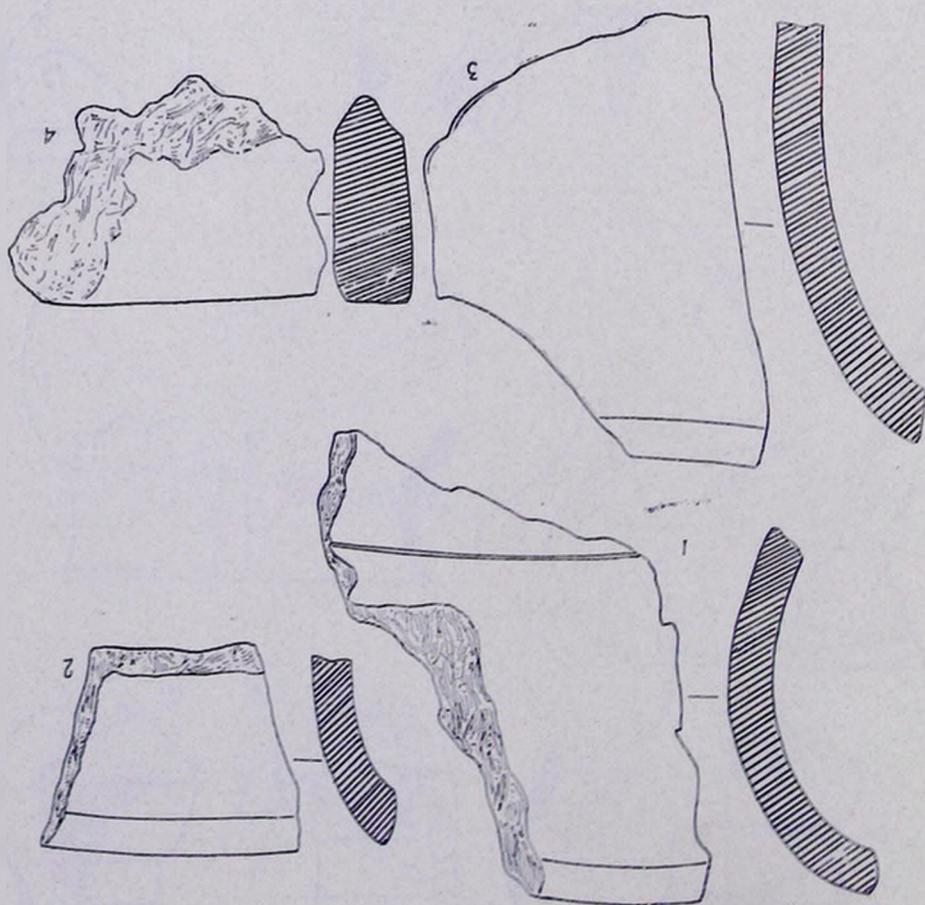
0 1 2

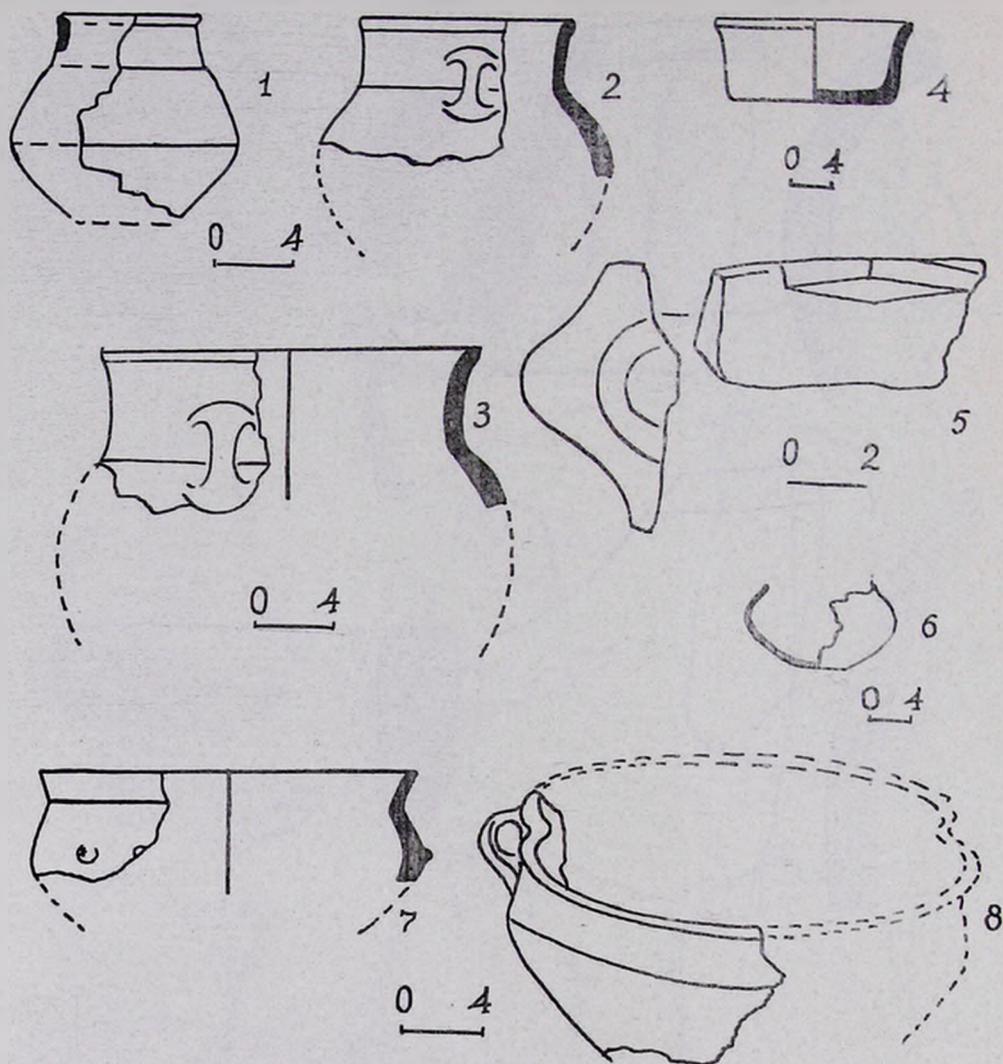

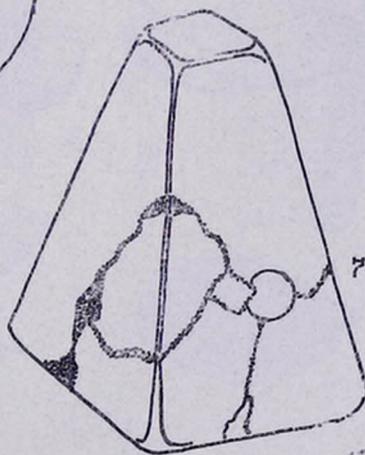
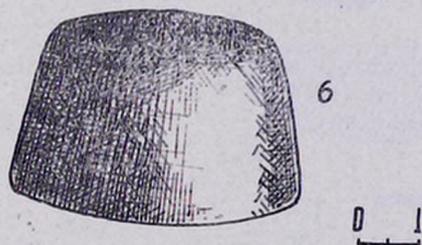
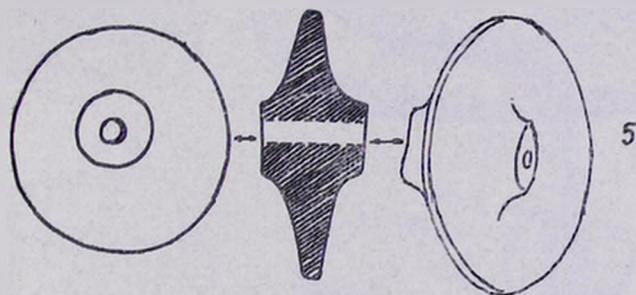
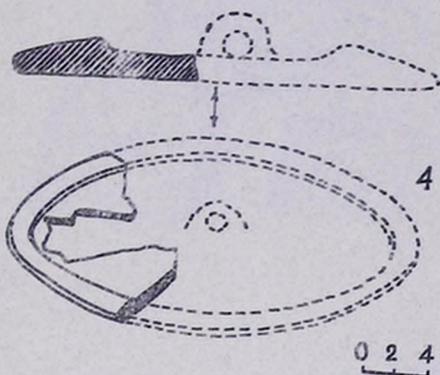
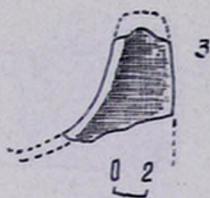
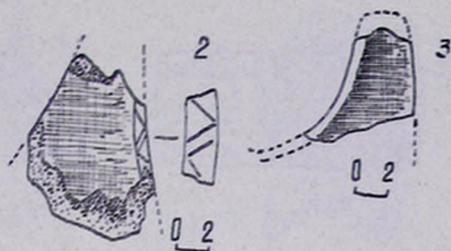
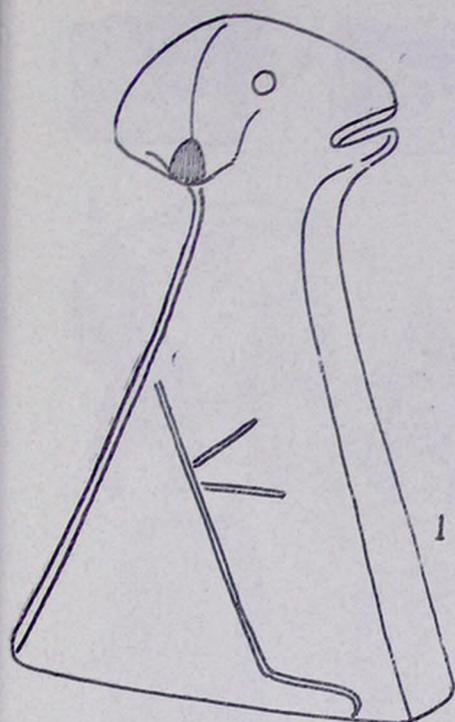
1 3

1

2

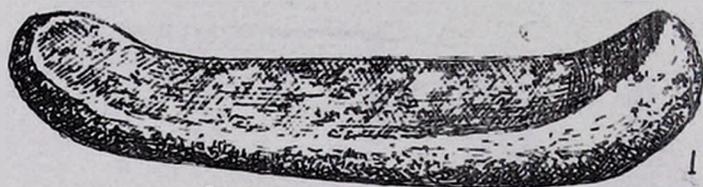
3

4

5

1

0 3

2

0 5

3

0 5

4

5

0 5

6

1

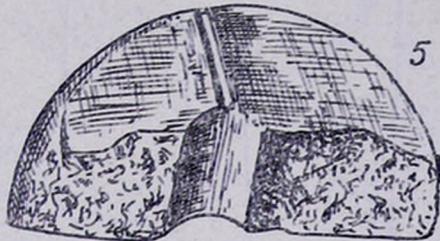
2

3

4

5

6

10

7

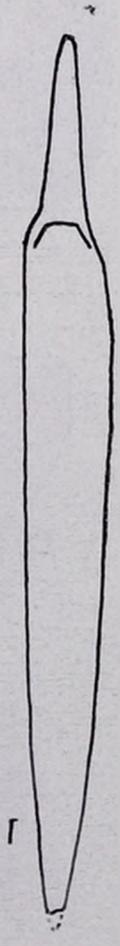
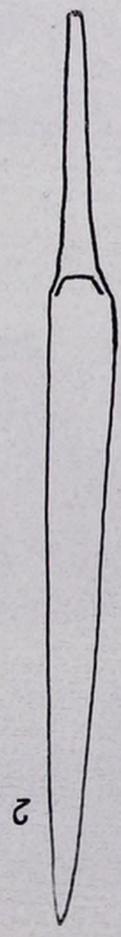
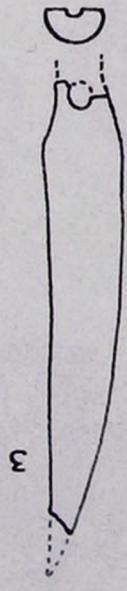
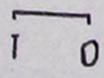
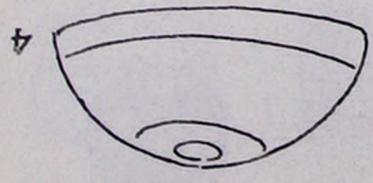

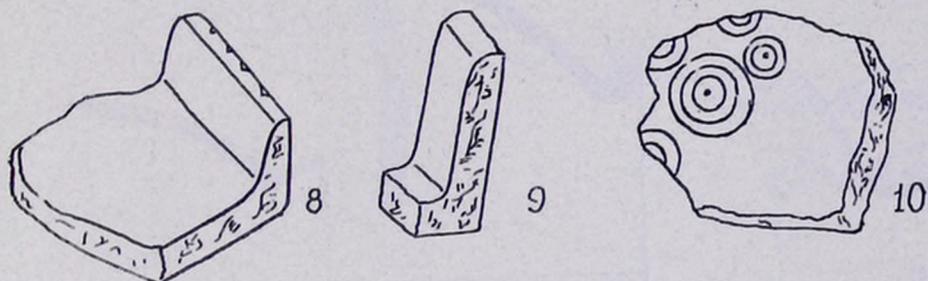
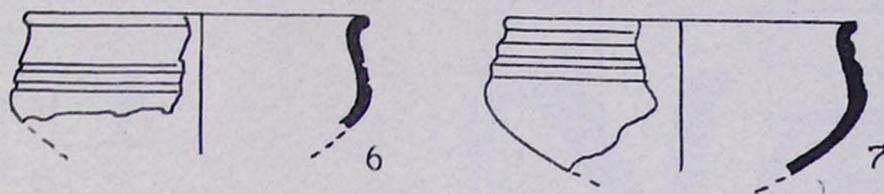
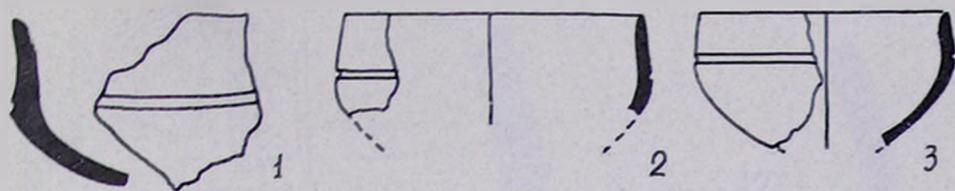
8

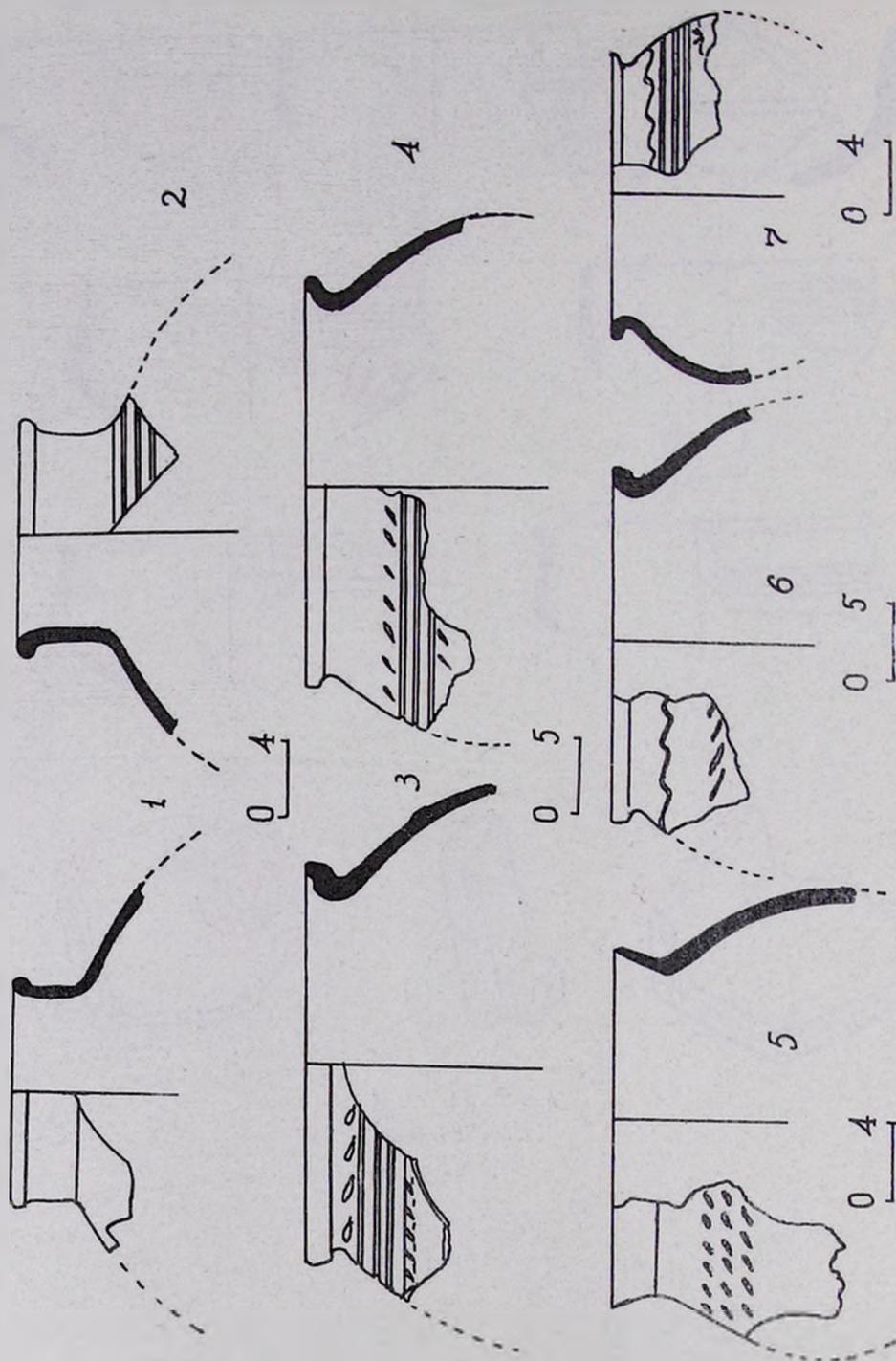
9

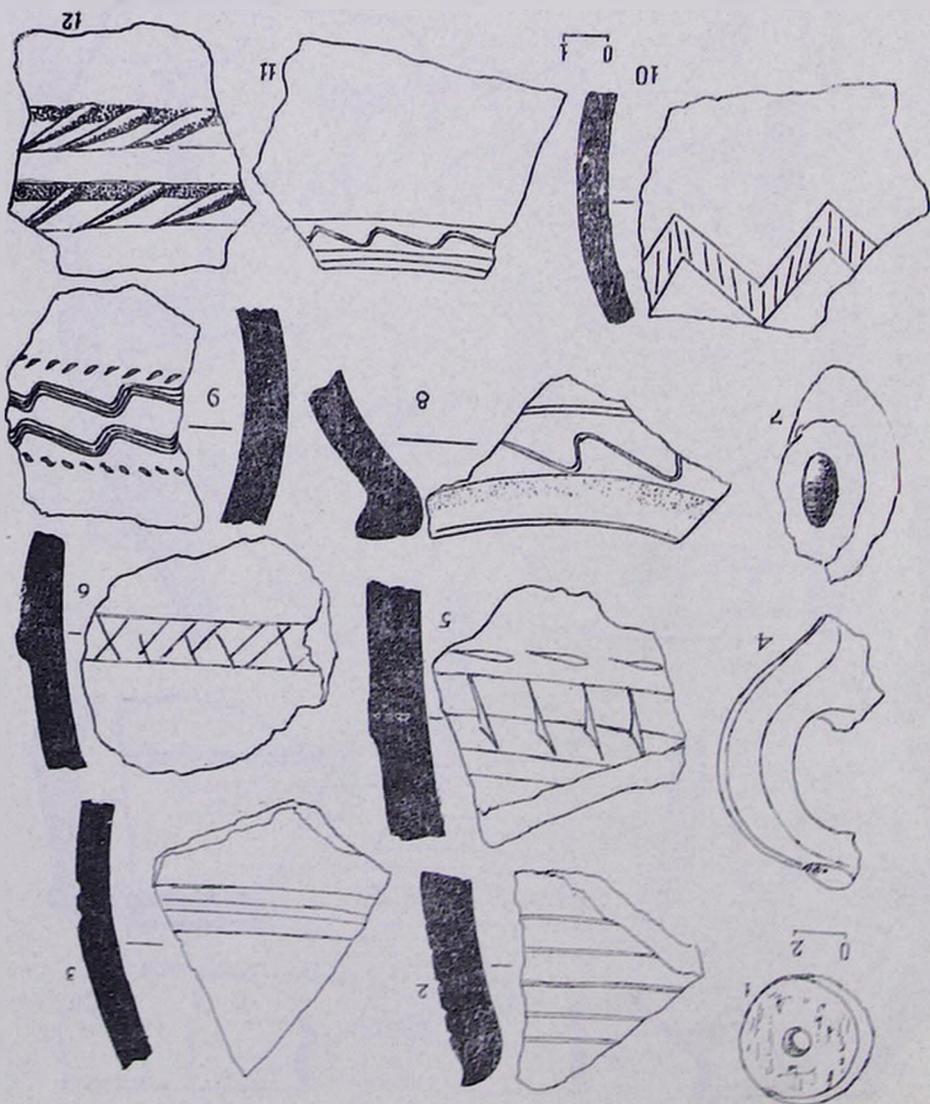

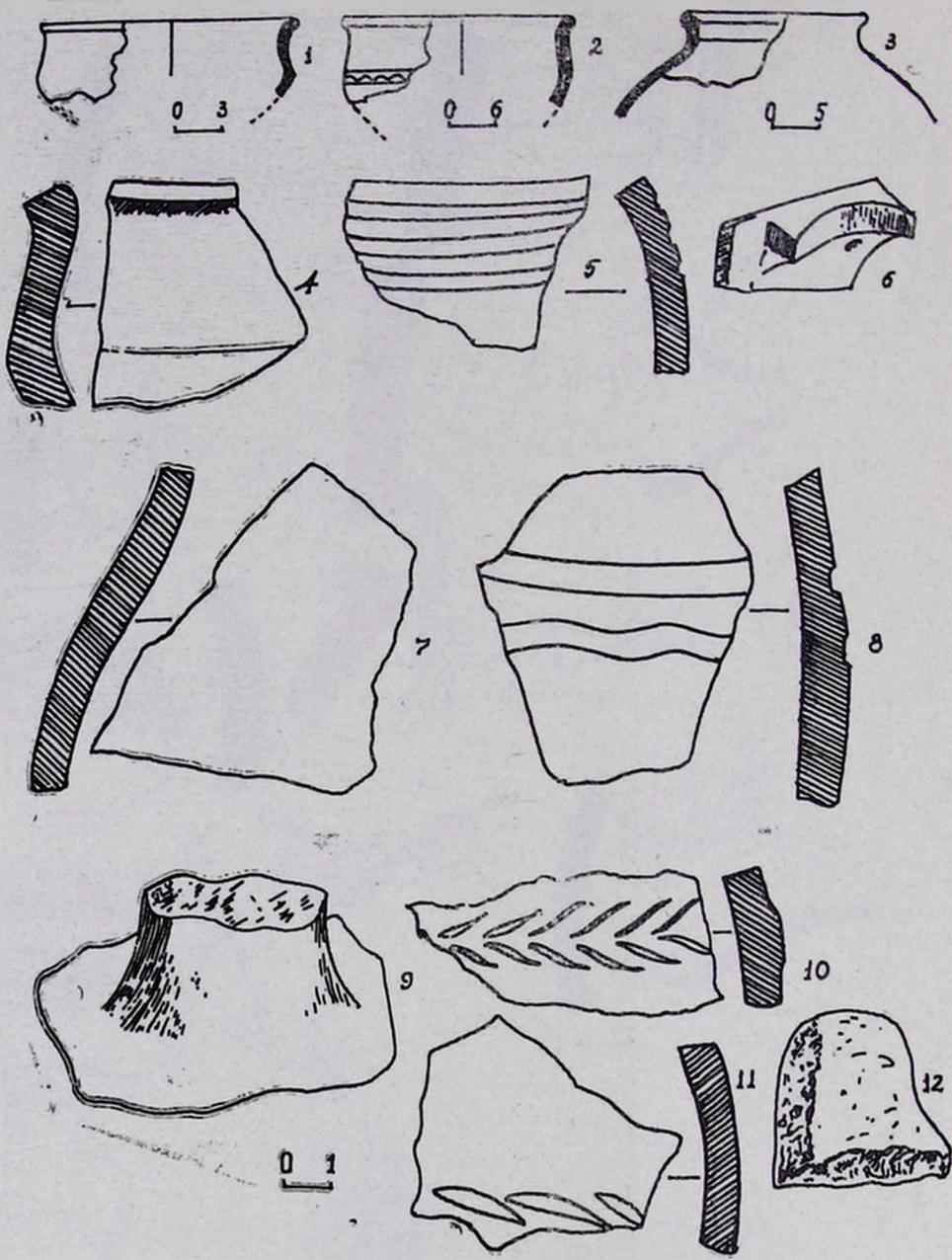

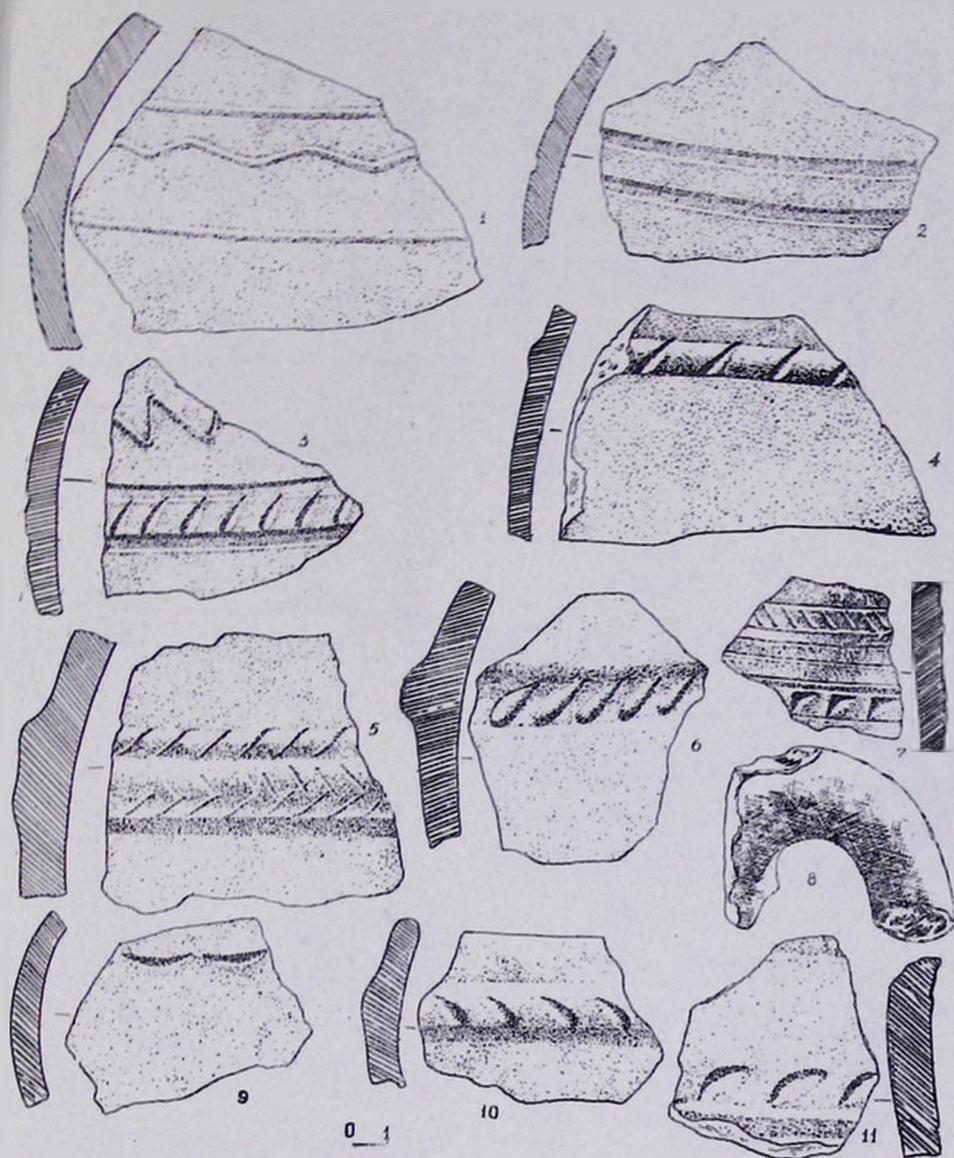

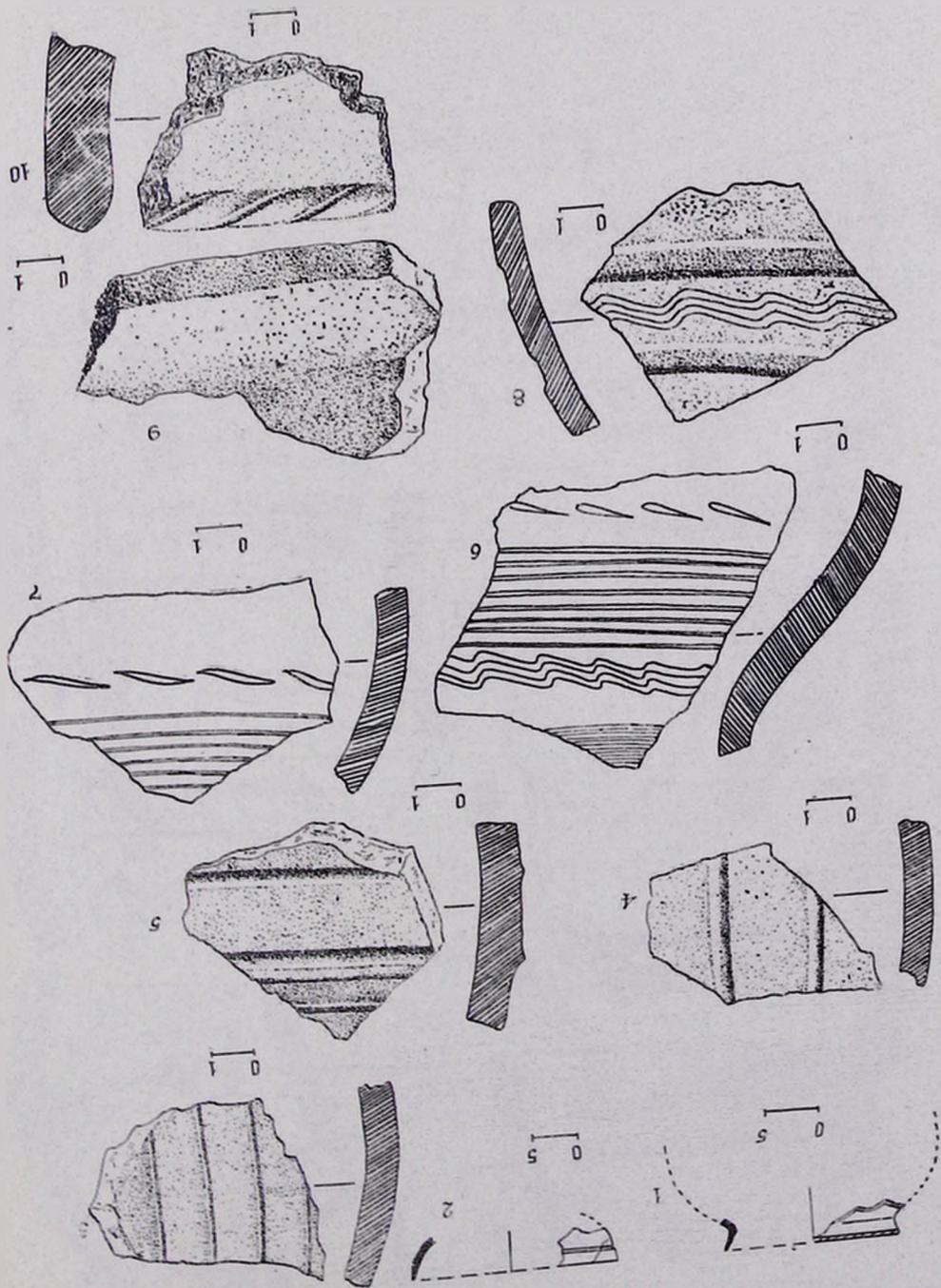
0 4

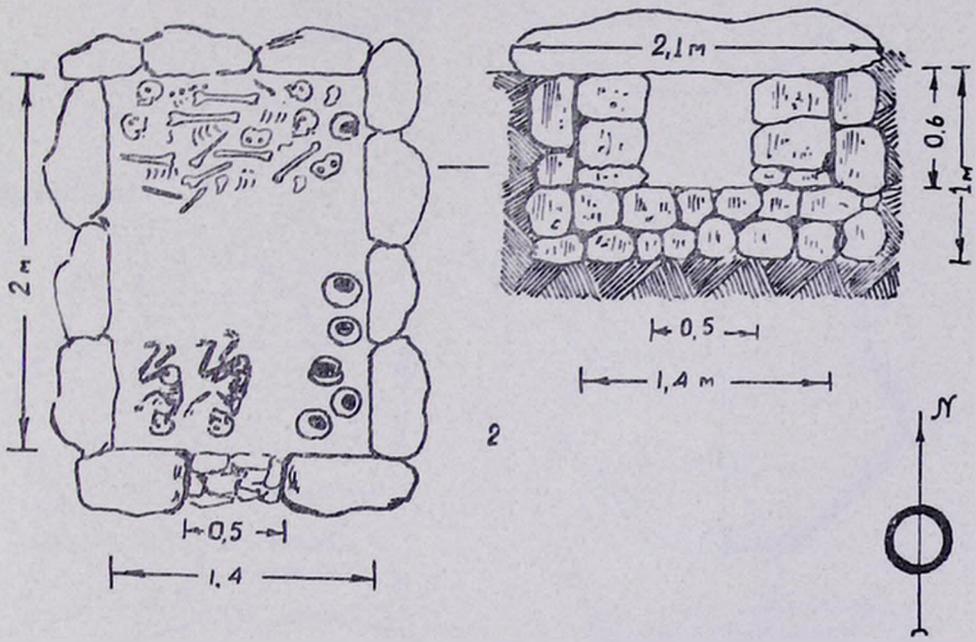
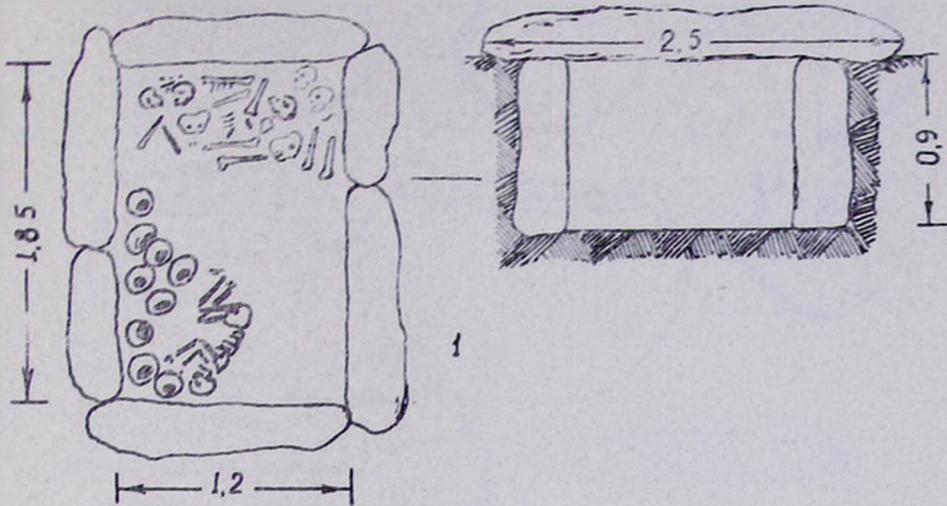

М и 25

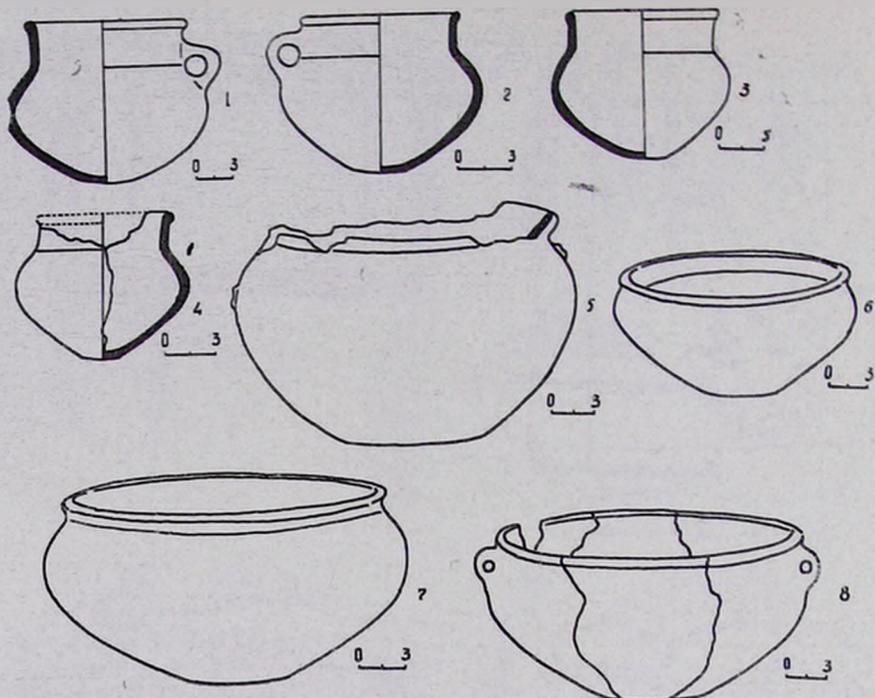
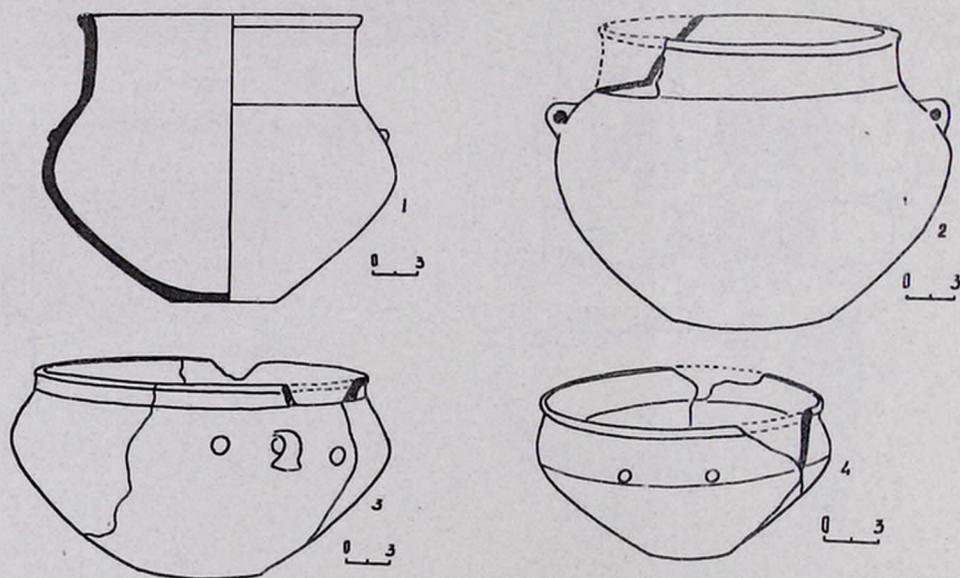

ТАБЛИЦА 27

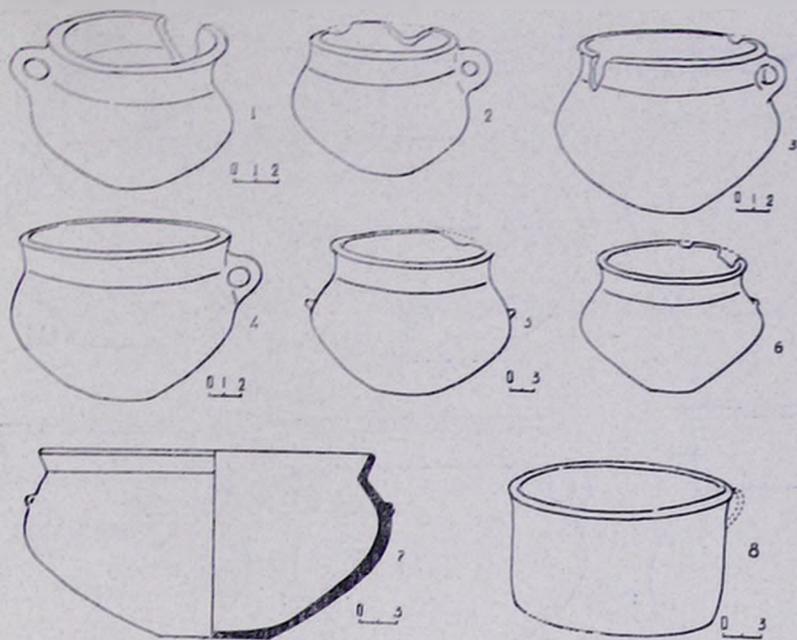
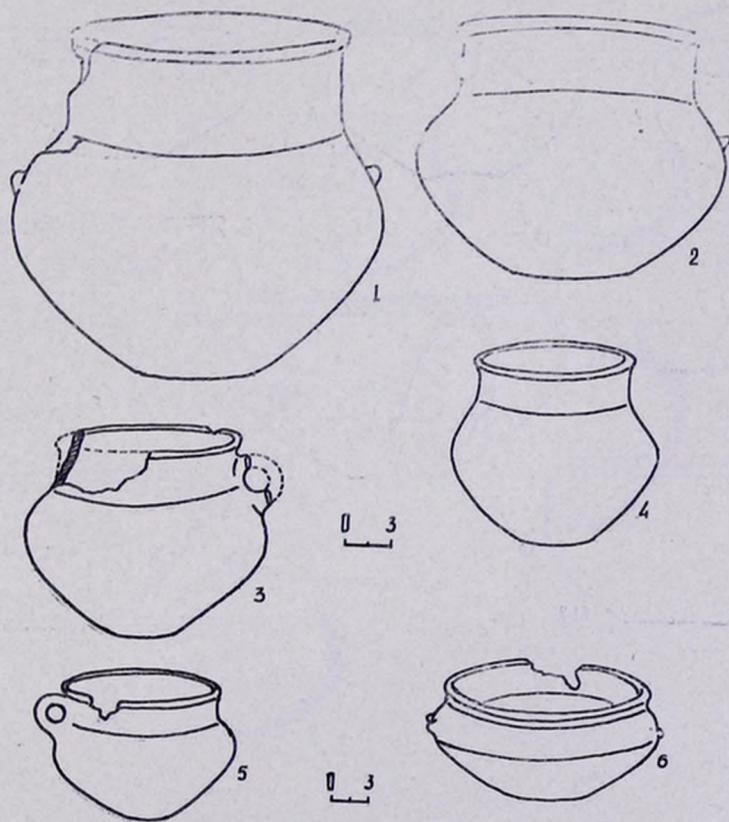
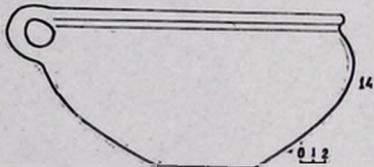
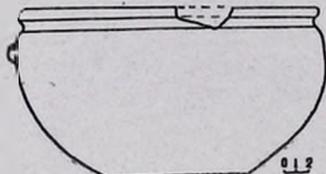
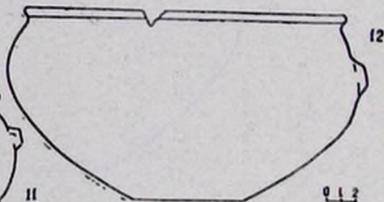
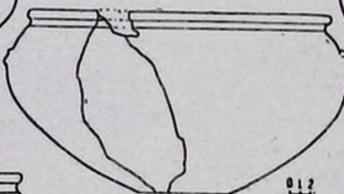
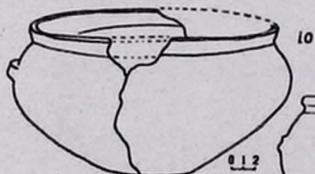
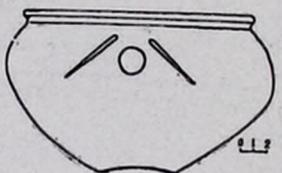
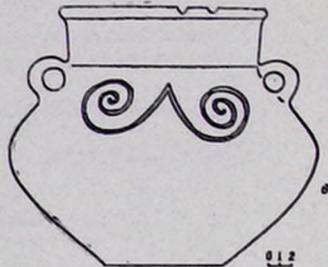
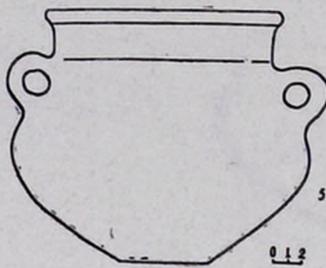
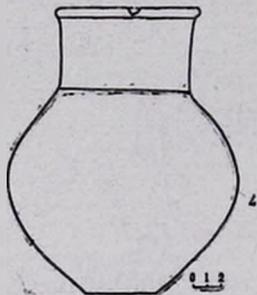
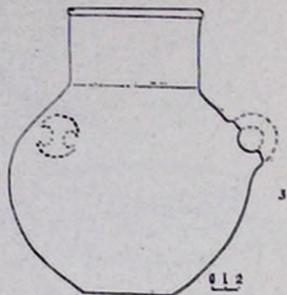
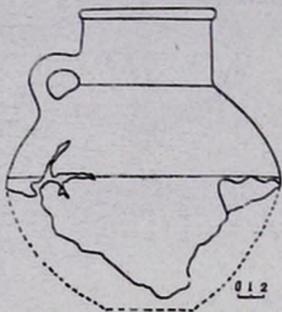
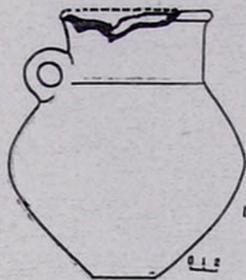
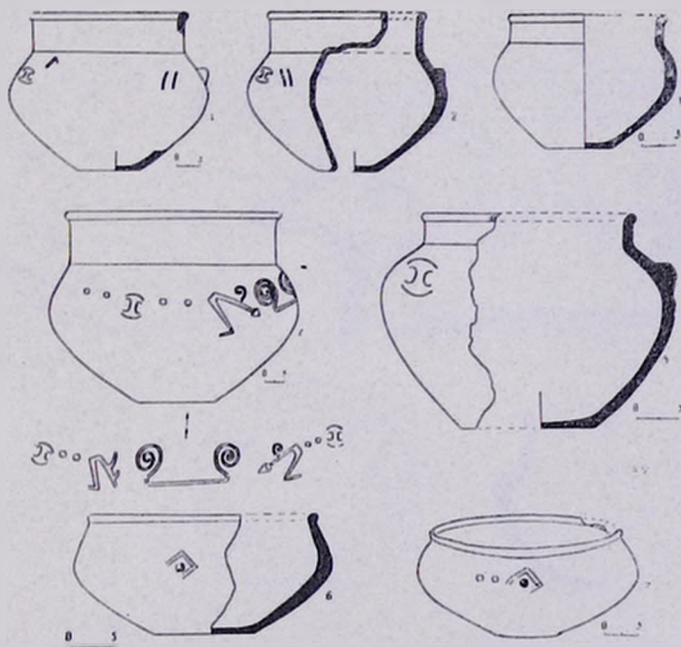
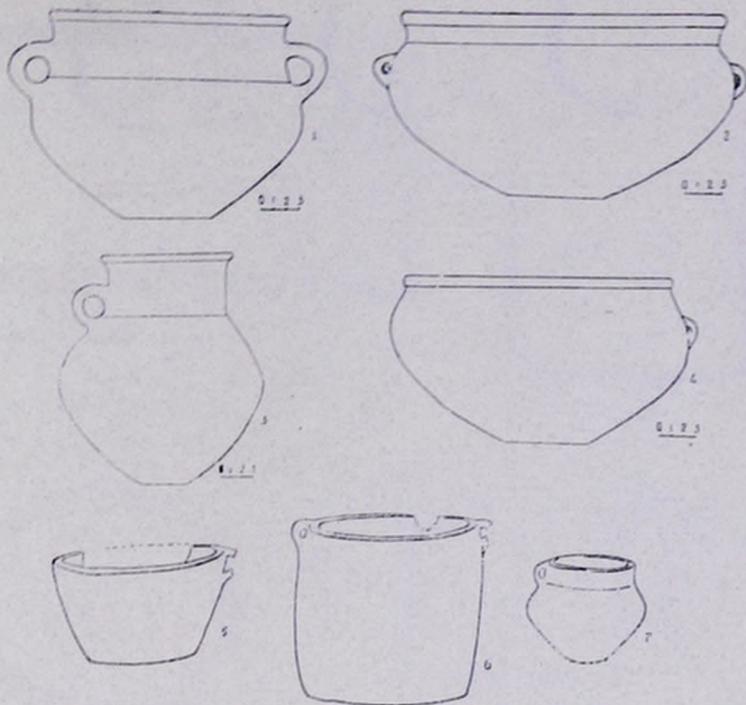

ТАБЛИЦА 25

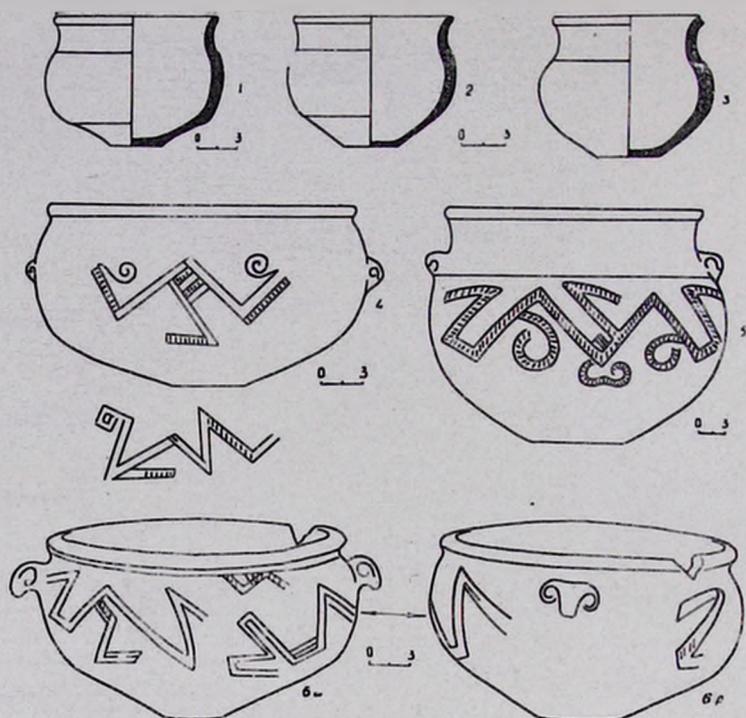
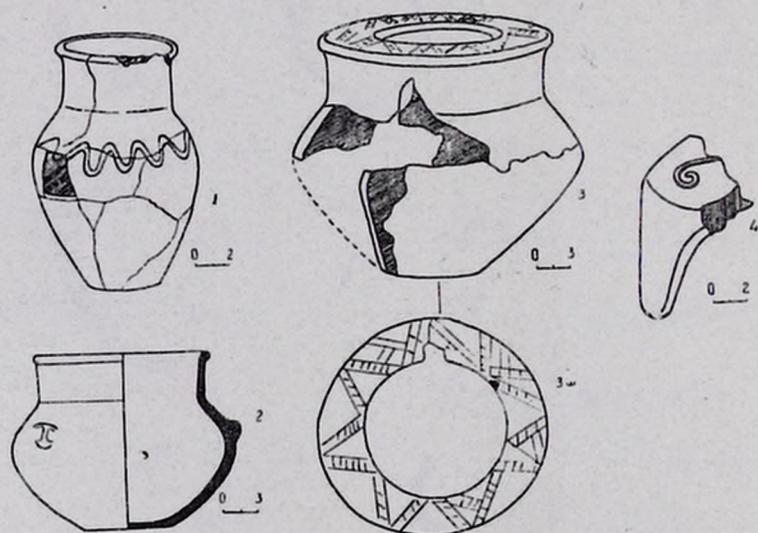
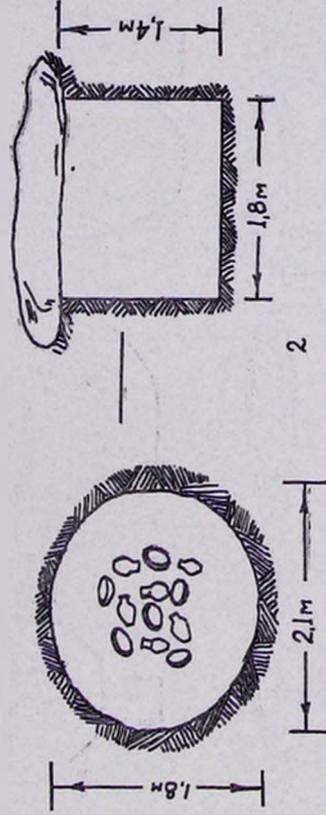
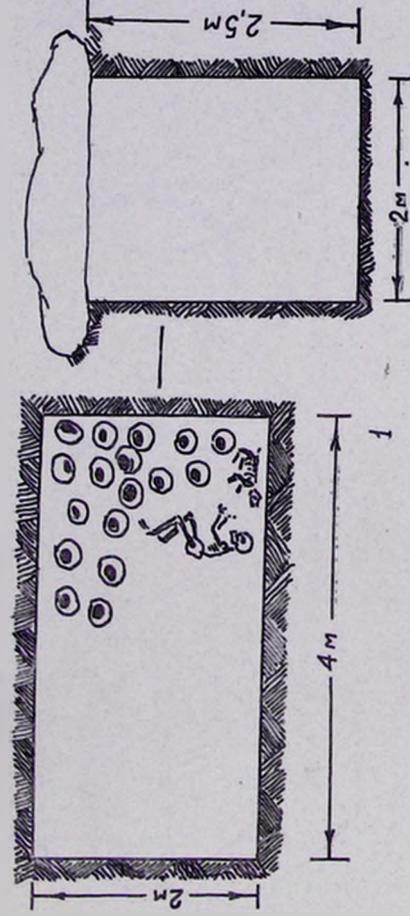
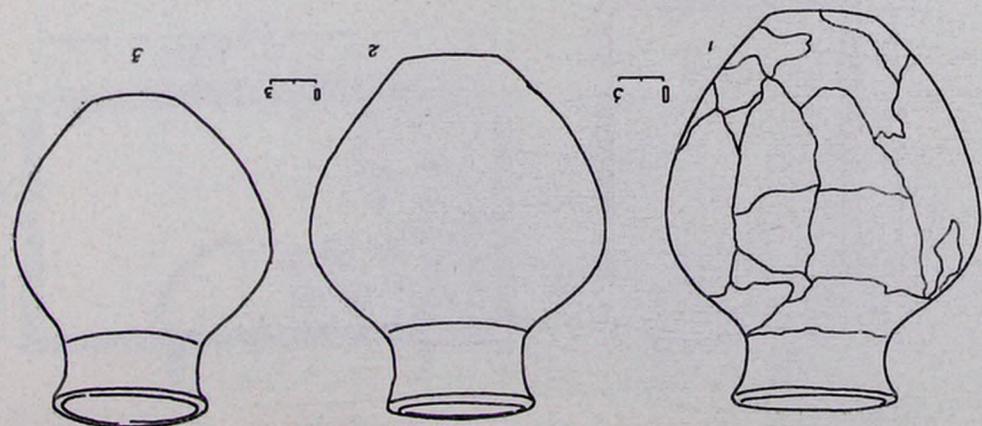
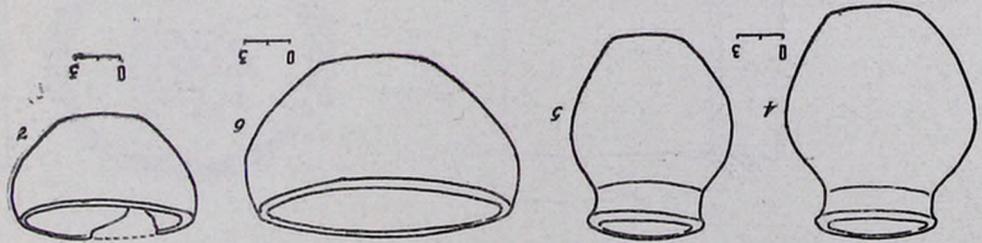
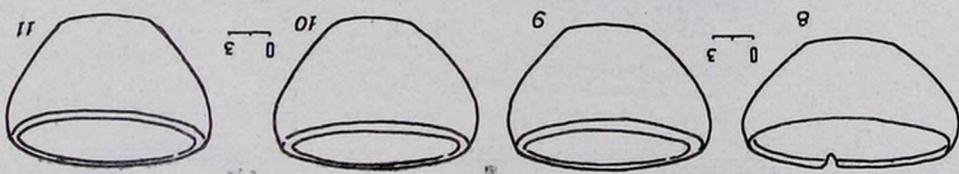
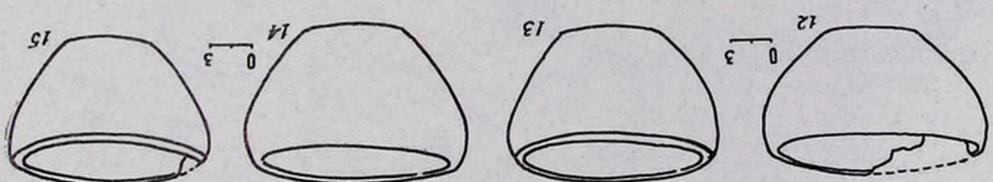
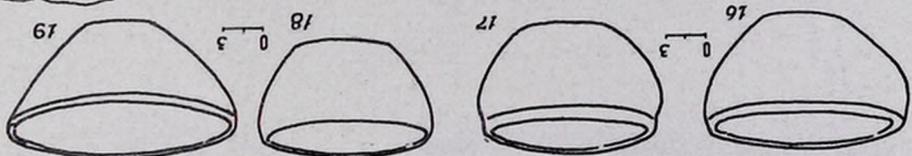
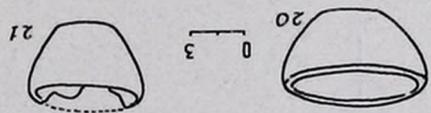
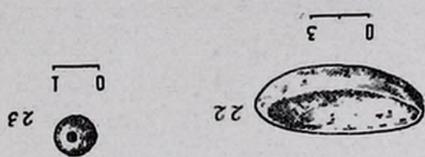
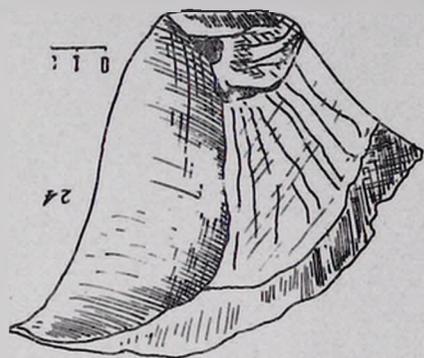

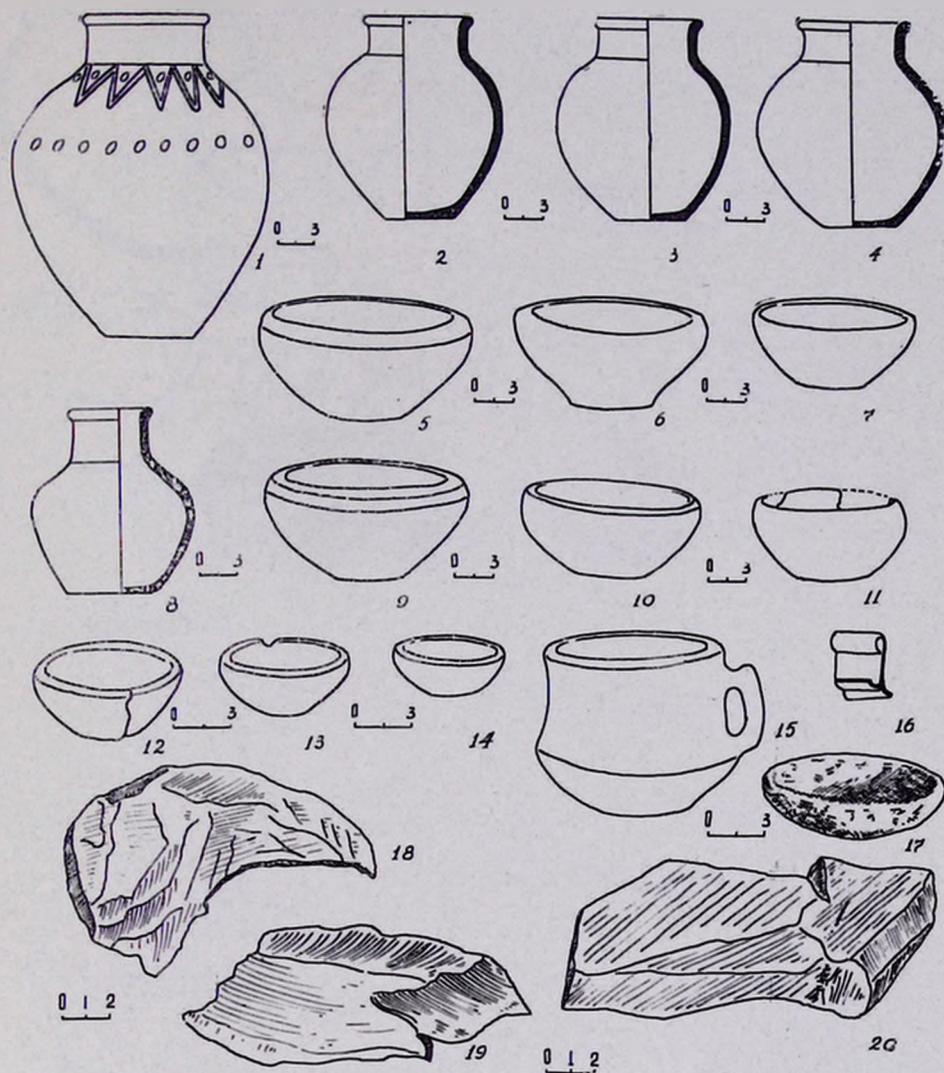
ТАБЛИЦА 34

M 1:50

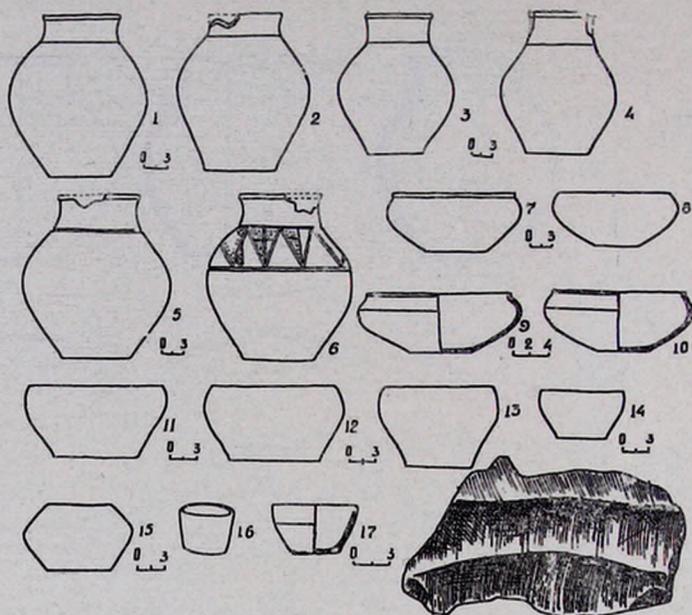
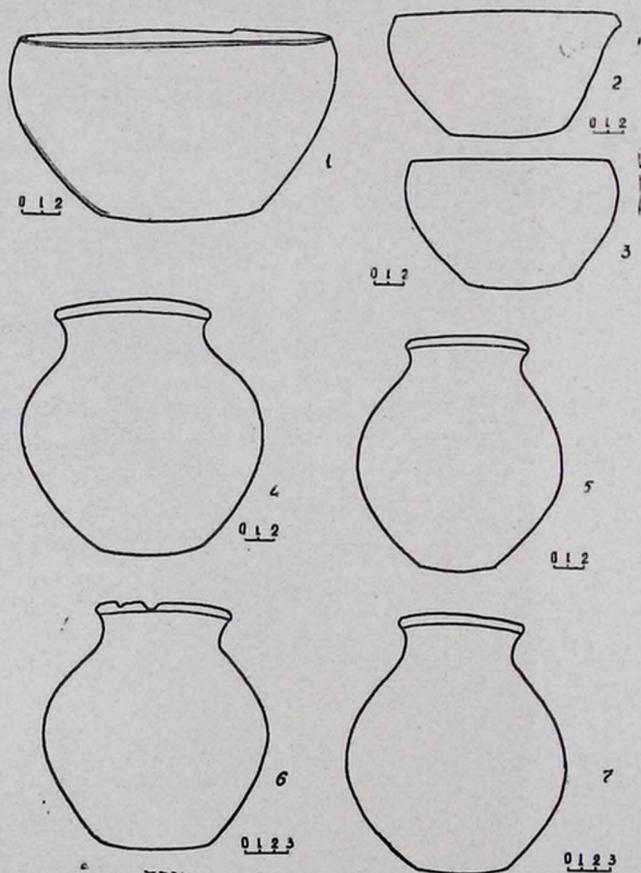
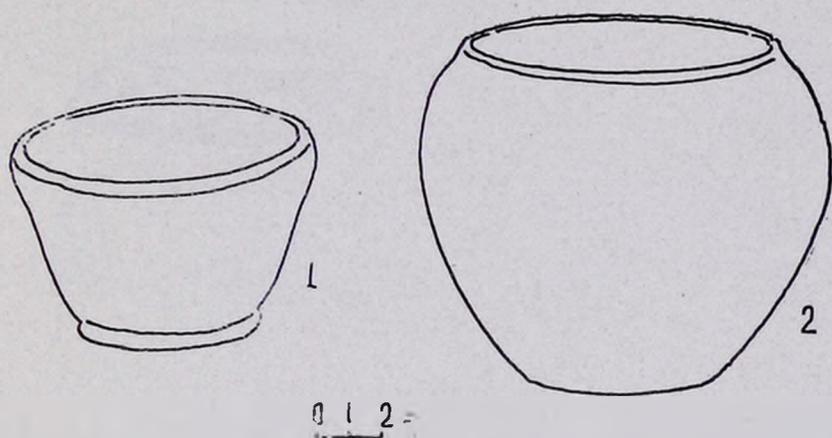
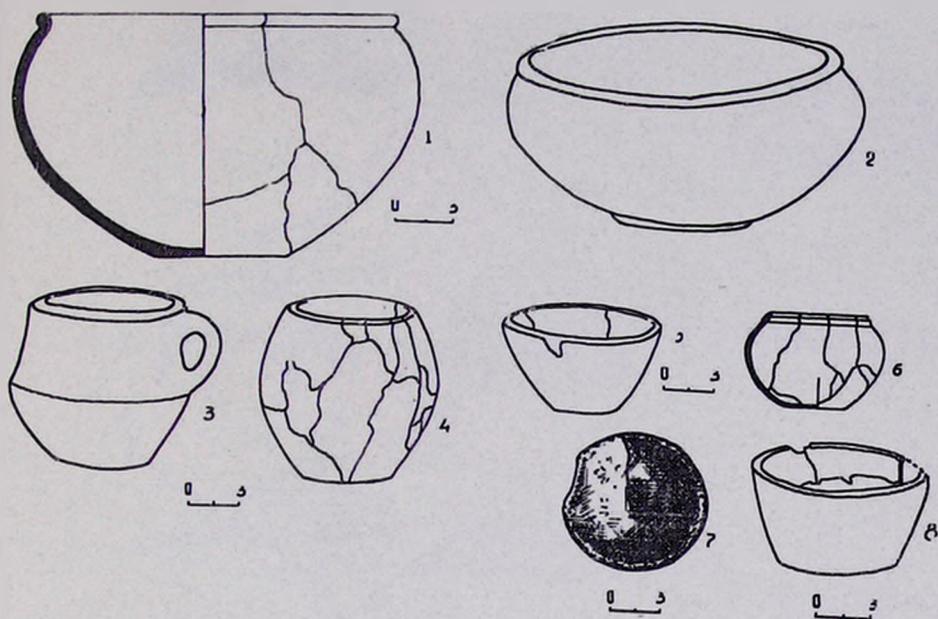
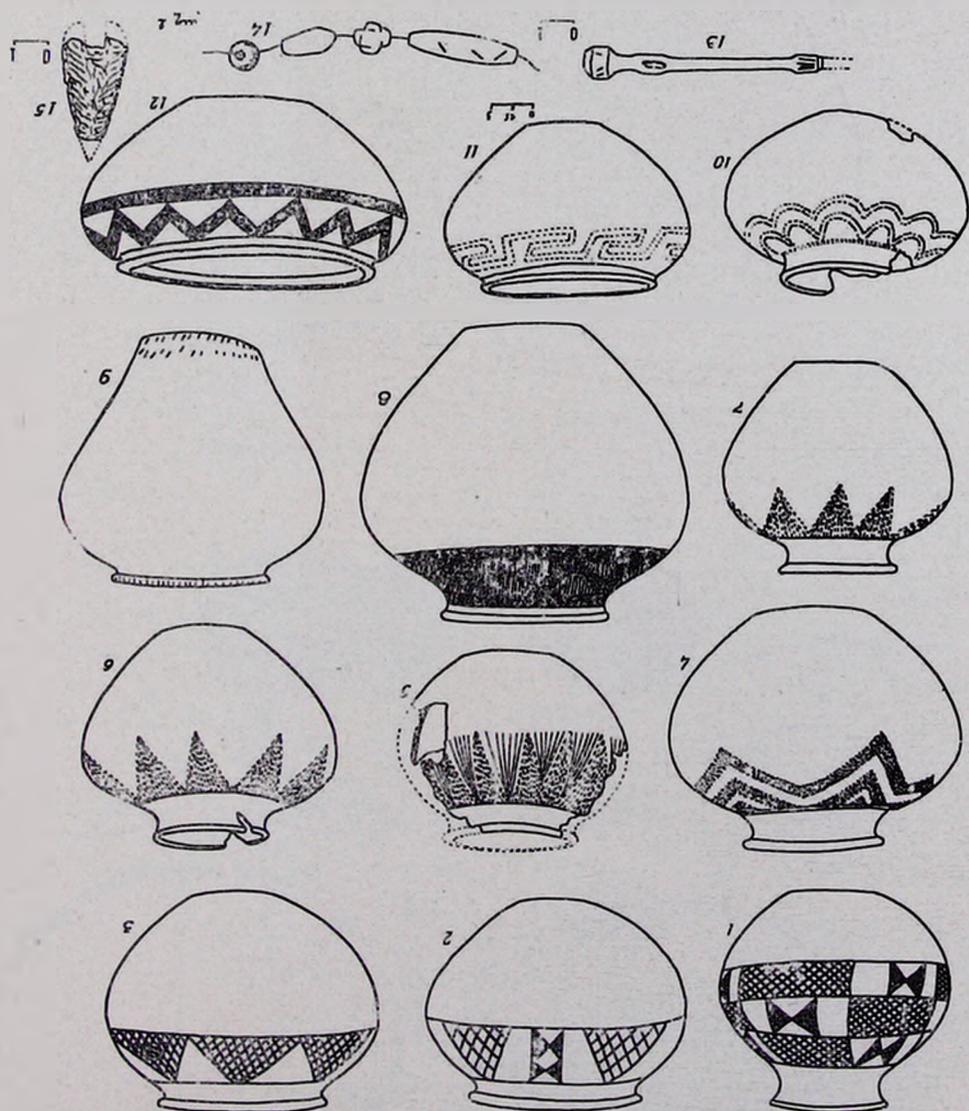
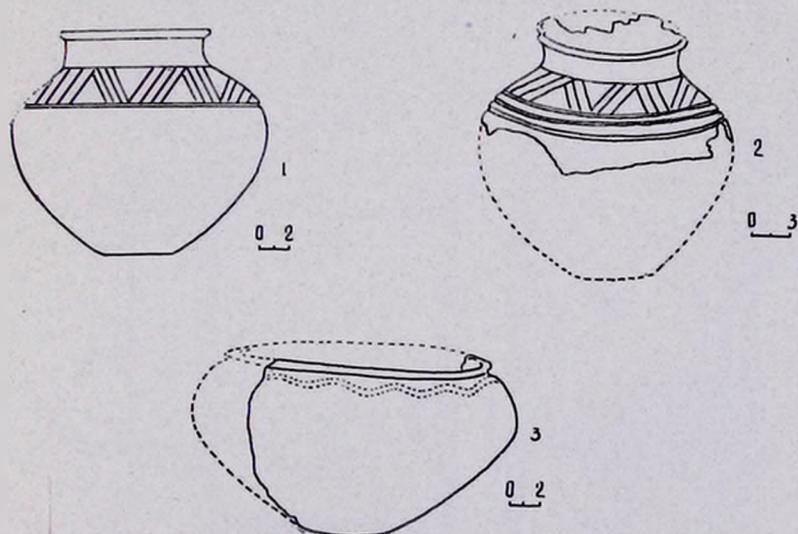
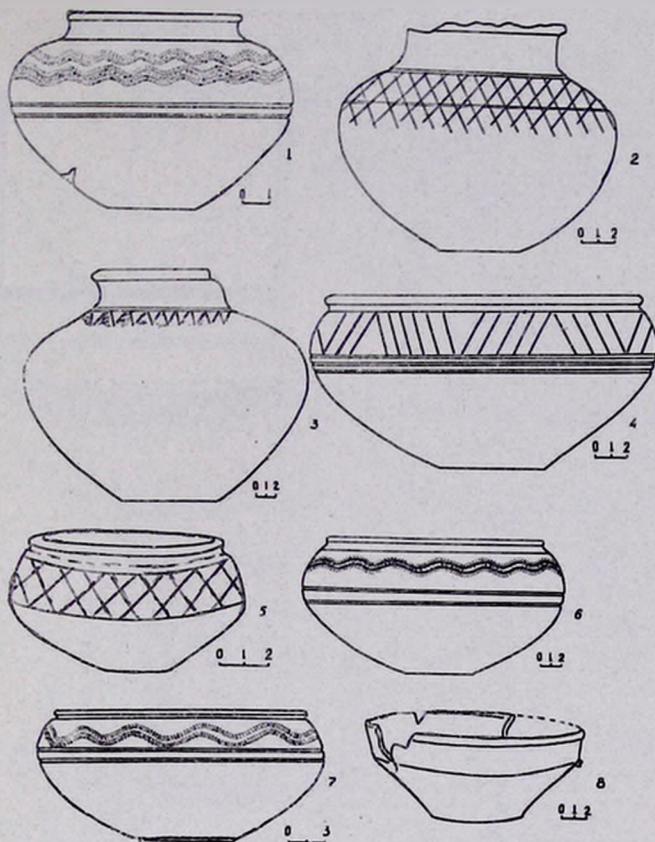

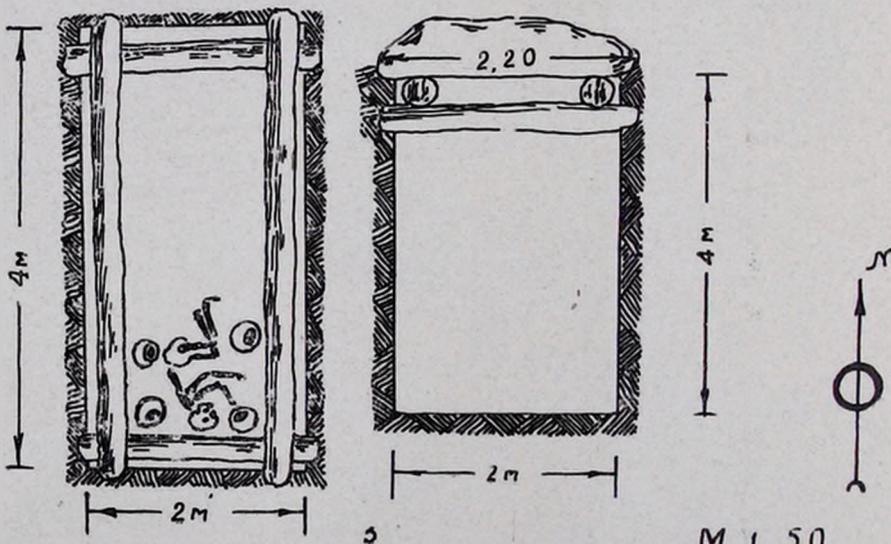
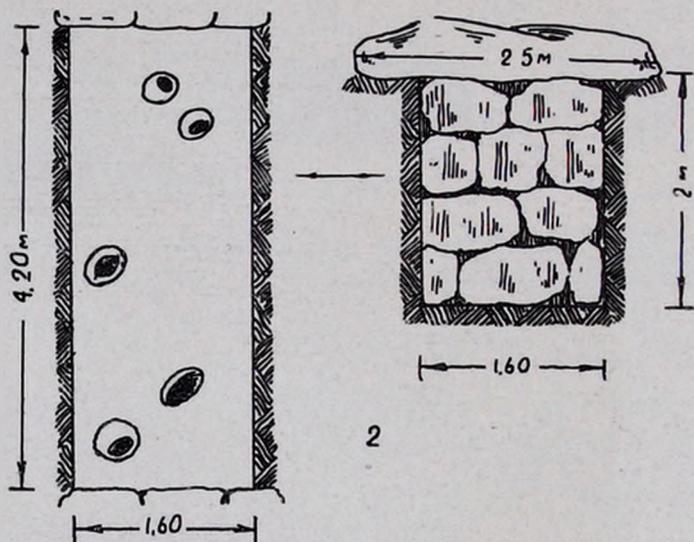
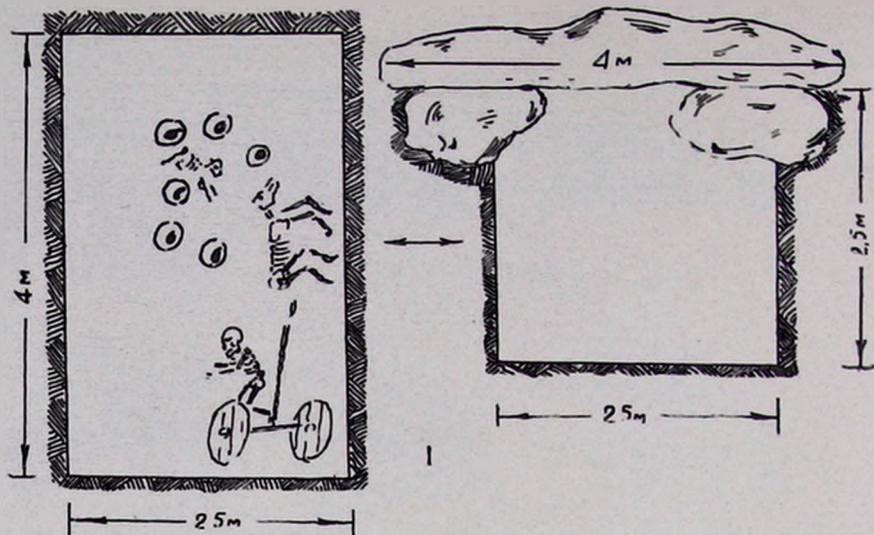
ТАБЛИЦА 39

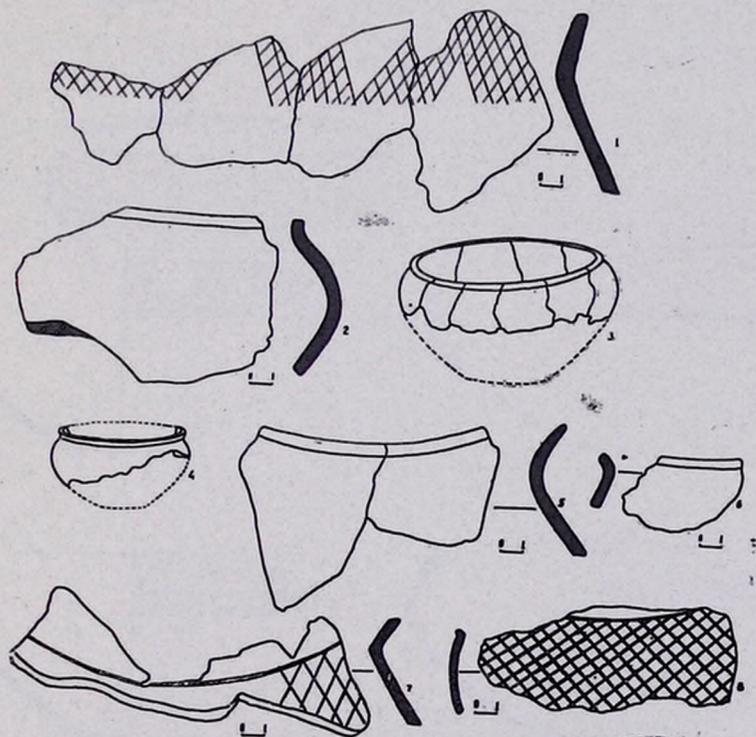
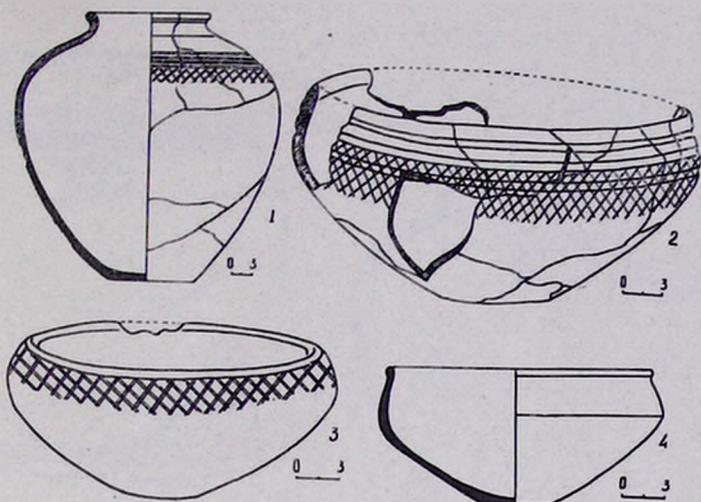

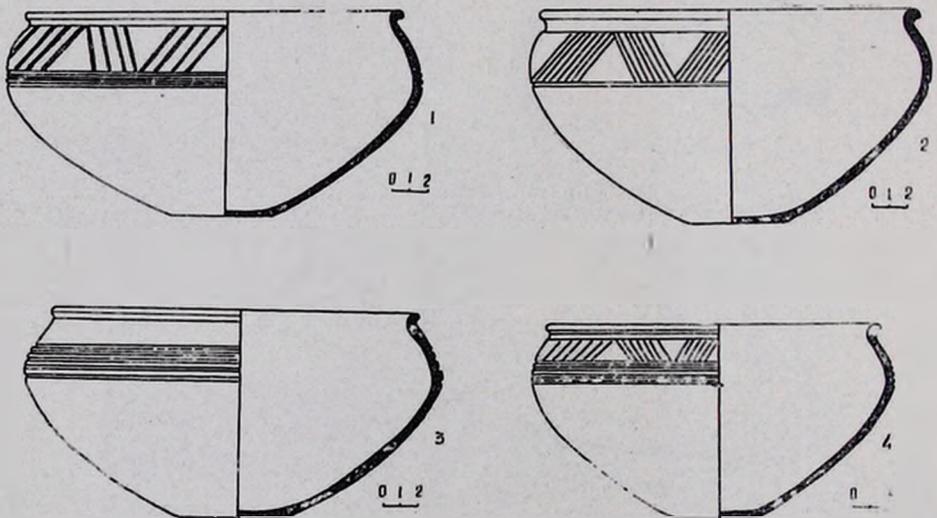
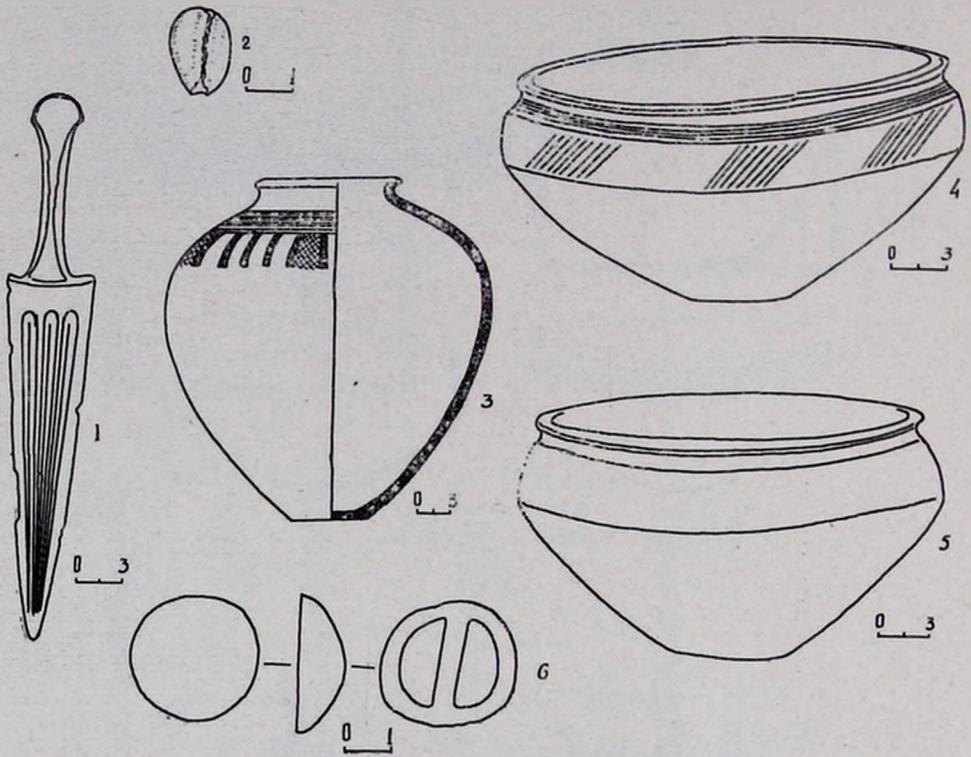

ТАБЛИЦА 50

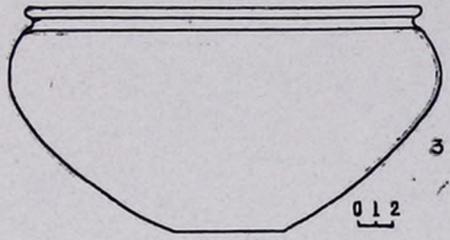
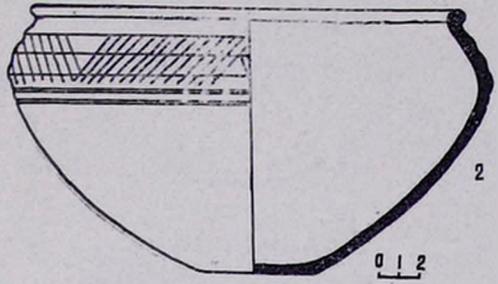
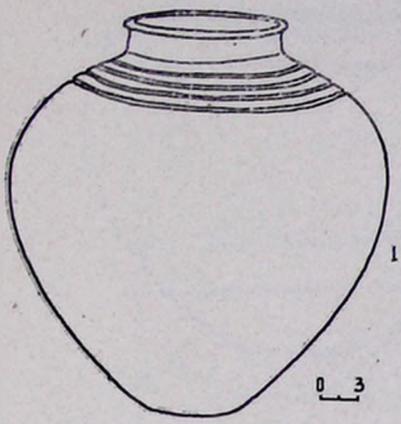
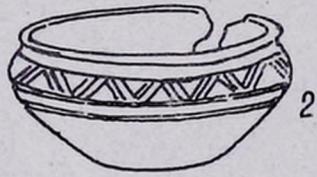
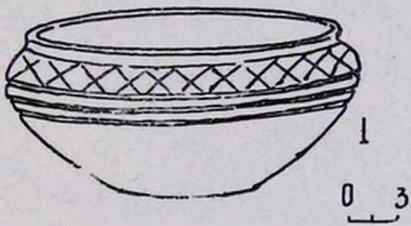

ТАБЛИЦА 51

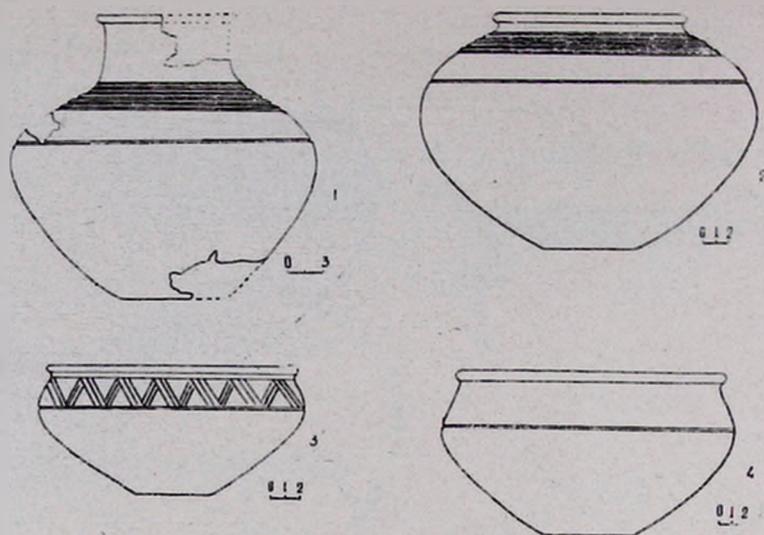

ТАБЛИЦА 53

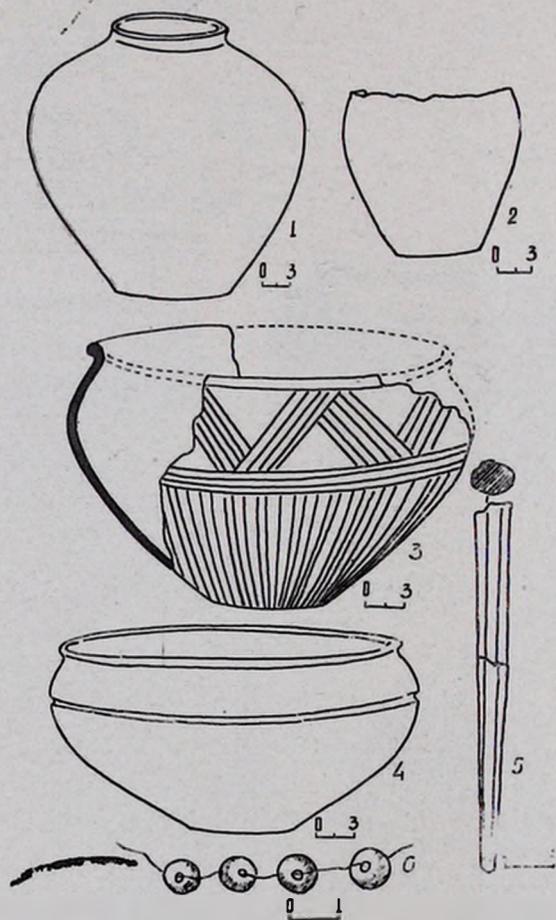

ТАБЛИЦА 54

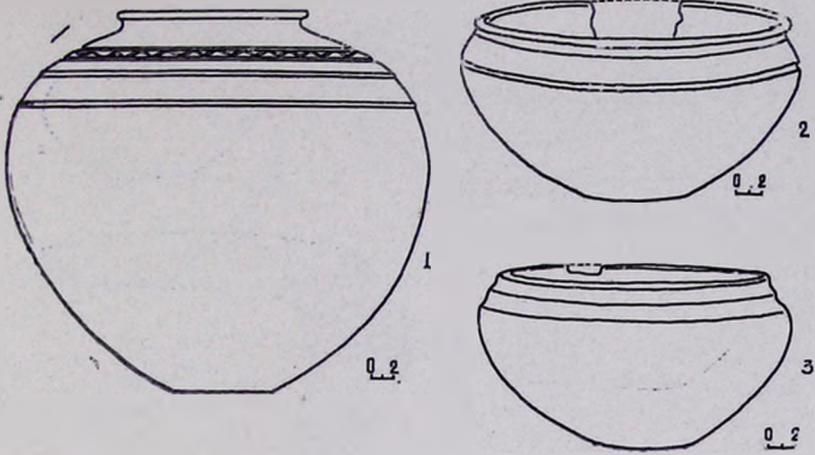
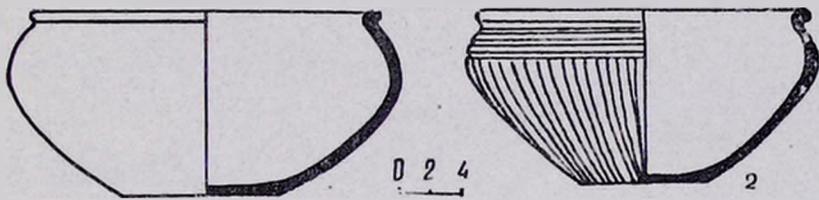

ТАБЛИЦА 55

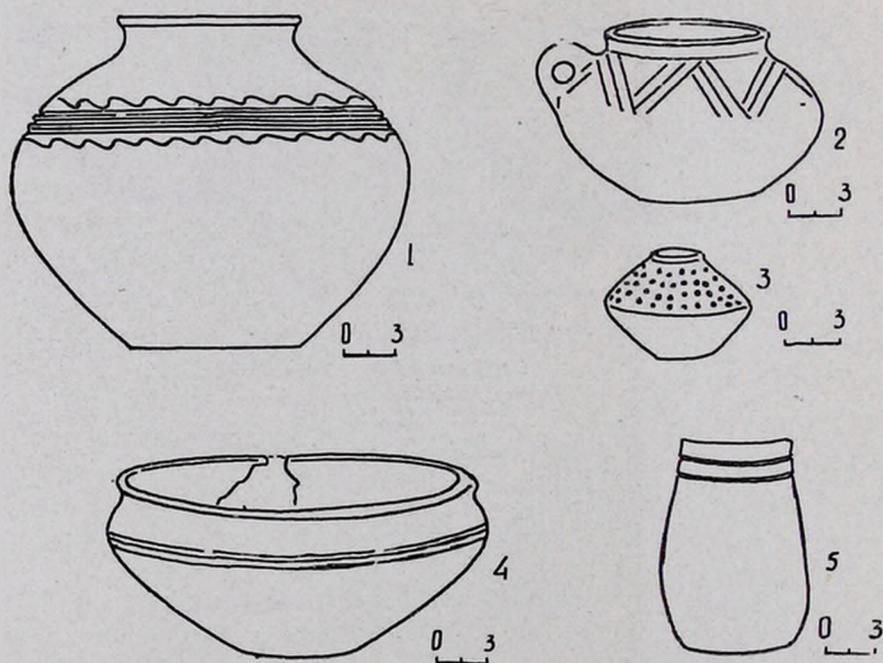
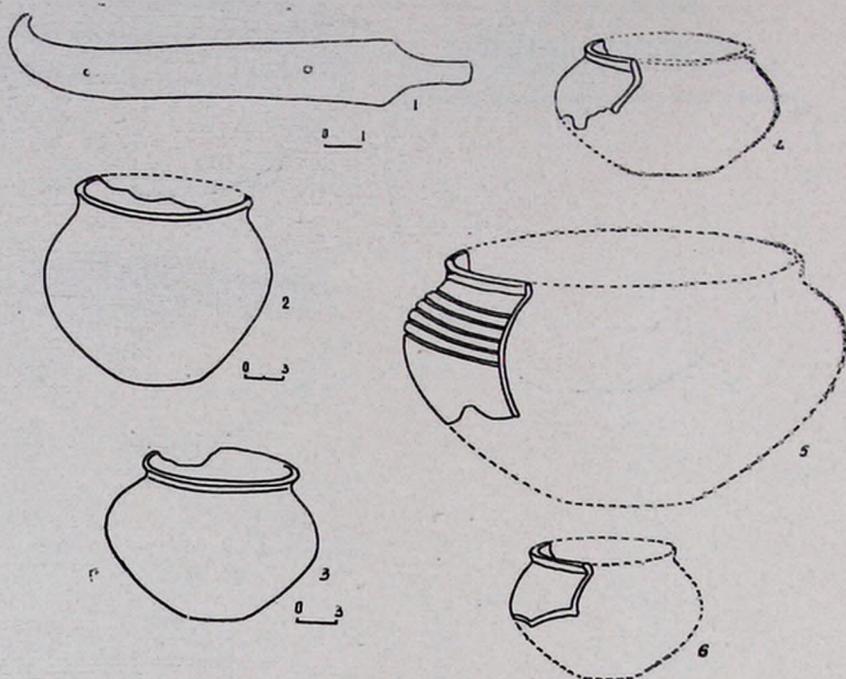

ТАБЛИЦА 58

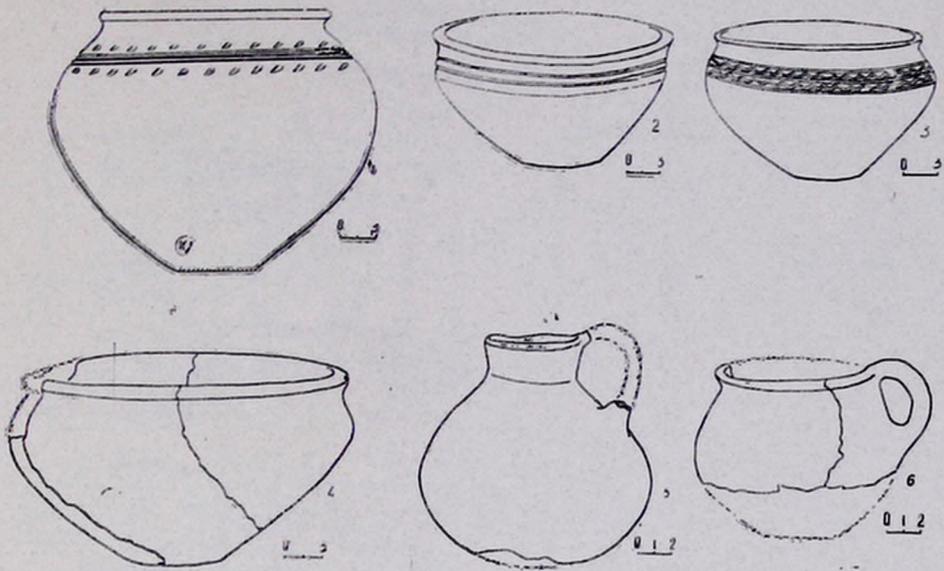
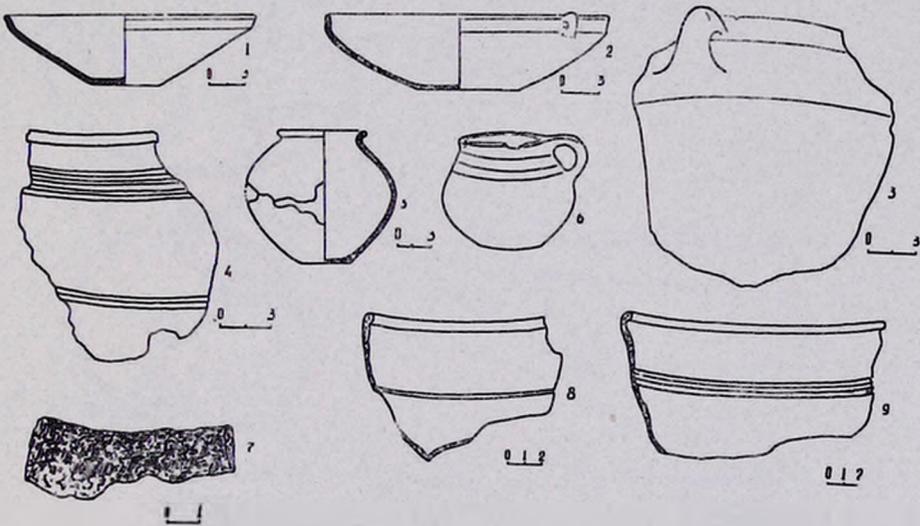

ТАБЛИЦА 59

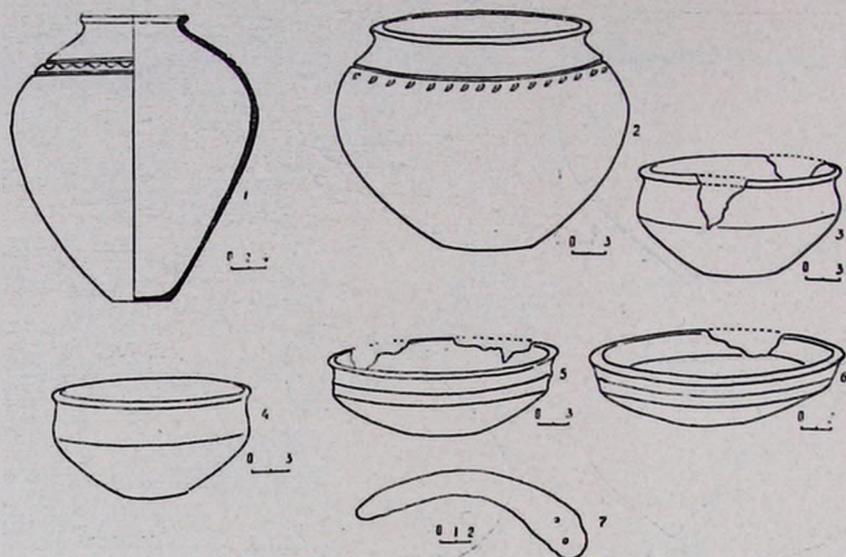

ТАБЛИЦА 61

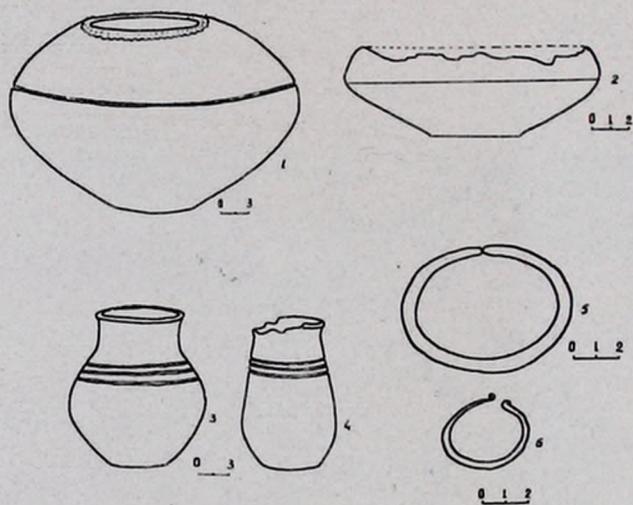
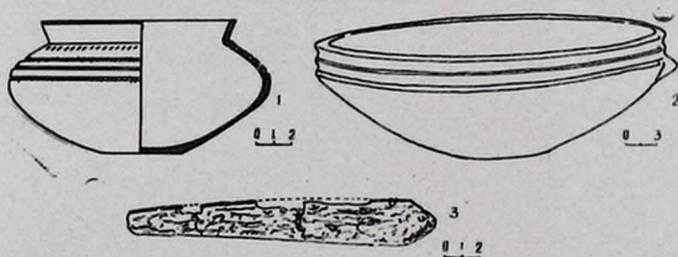
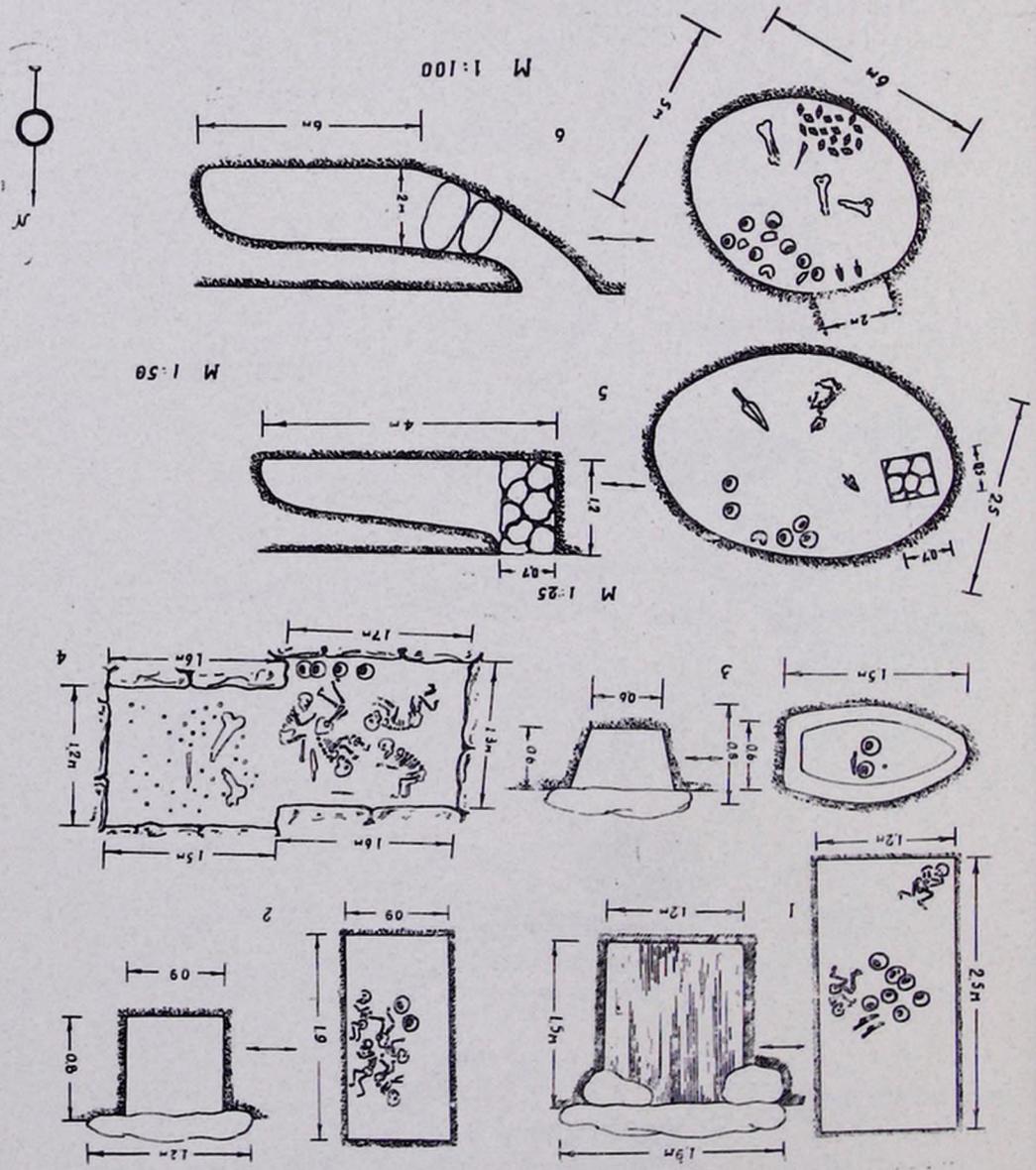
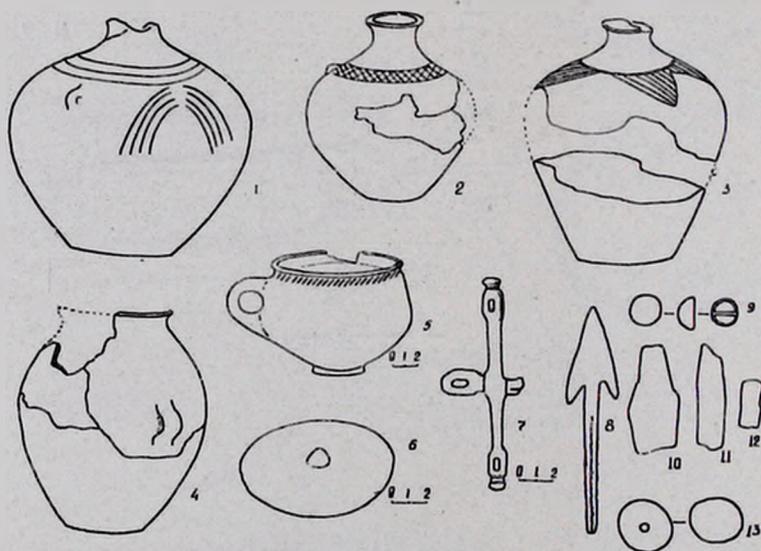
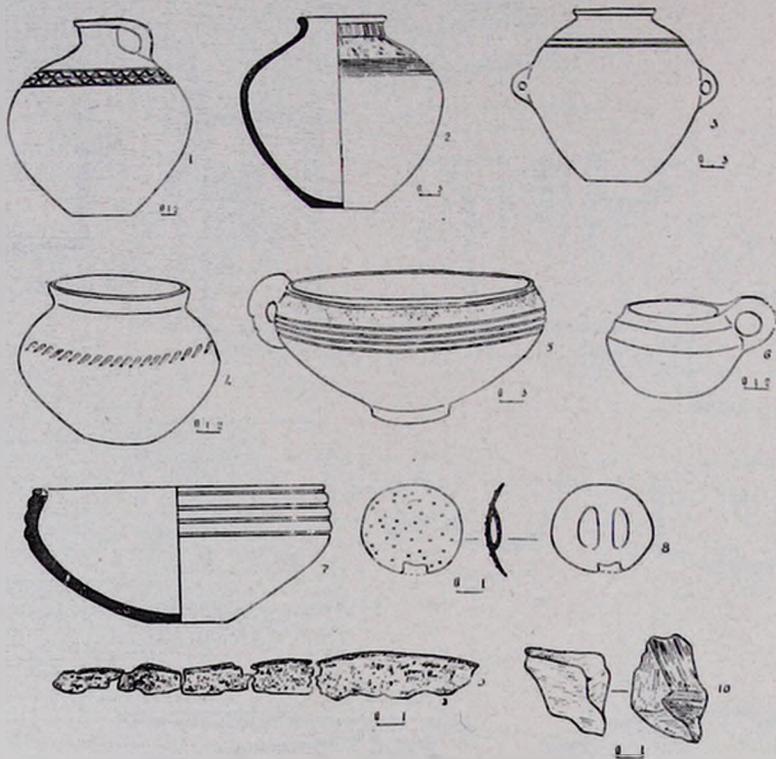

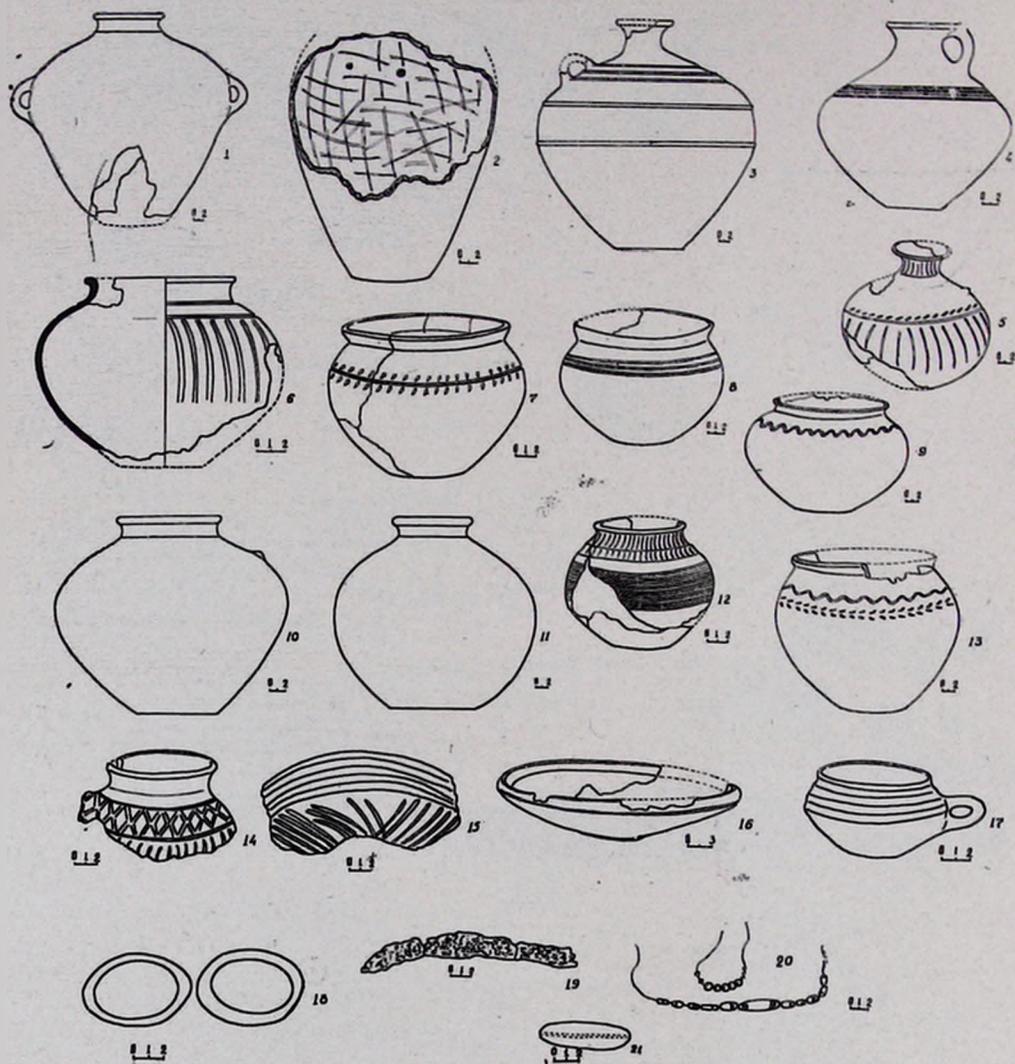
ТАБЛИЦА 62

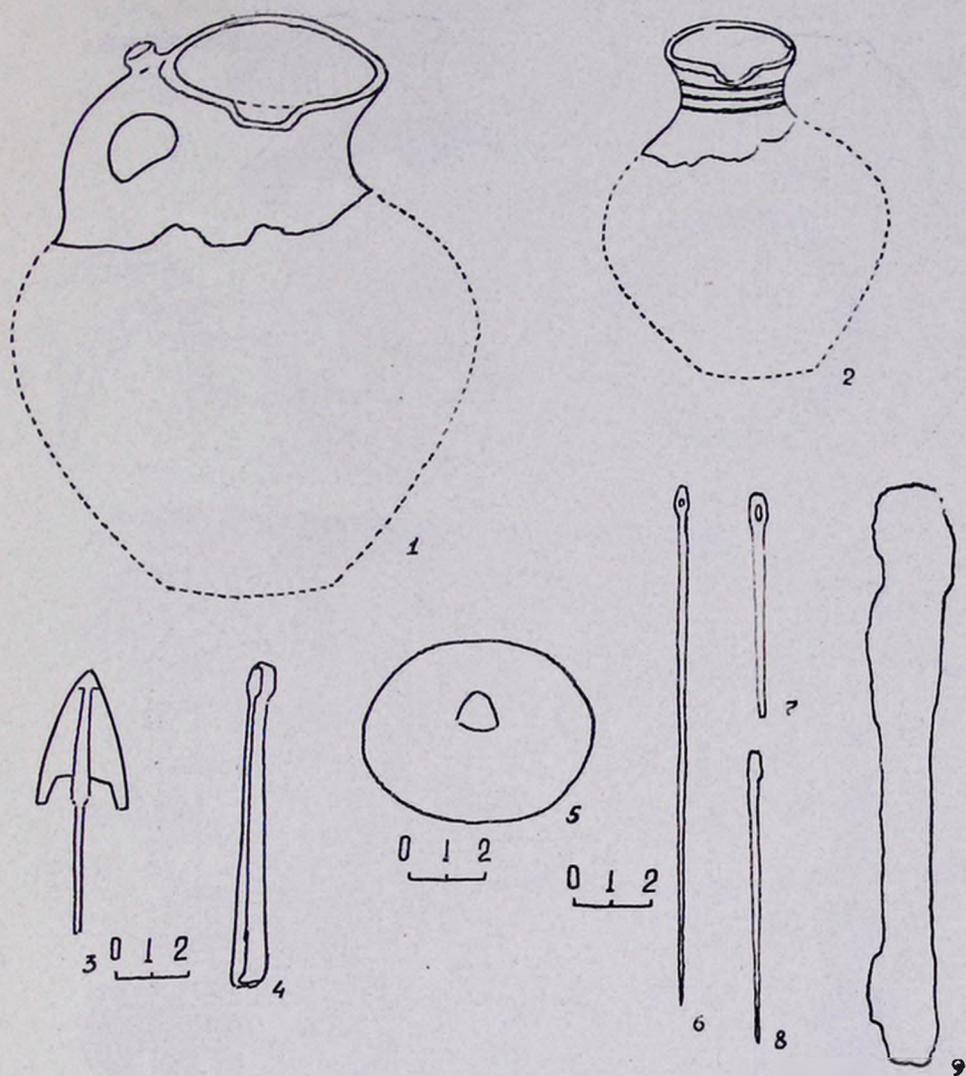

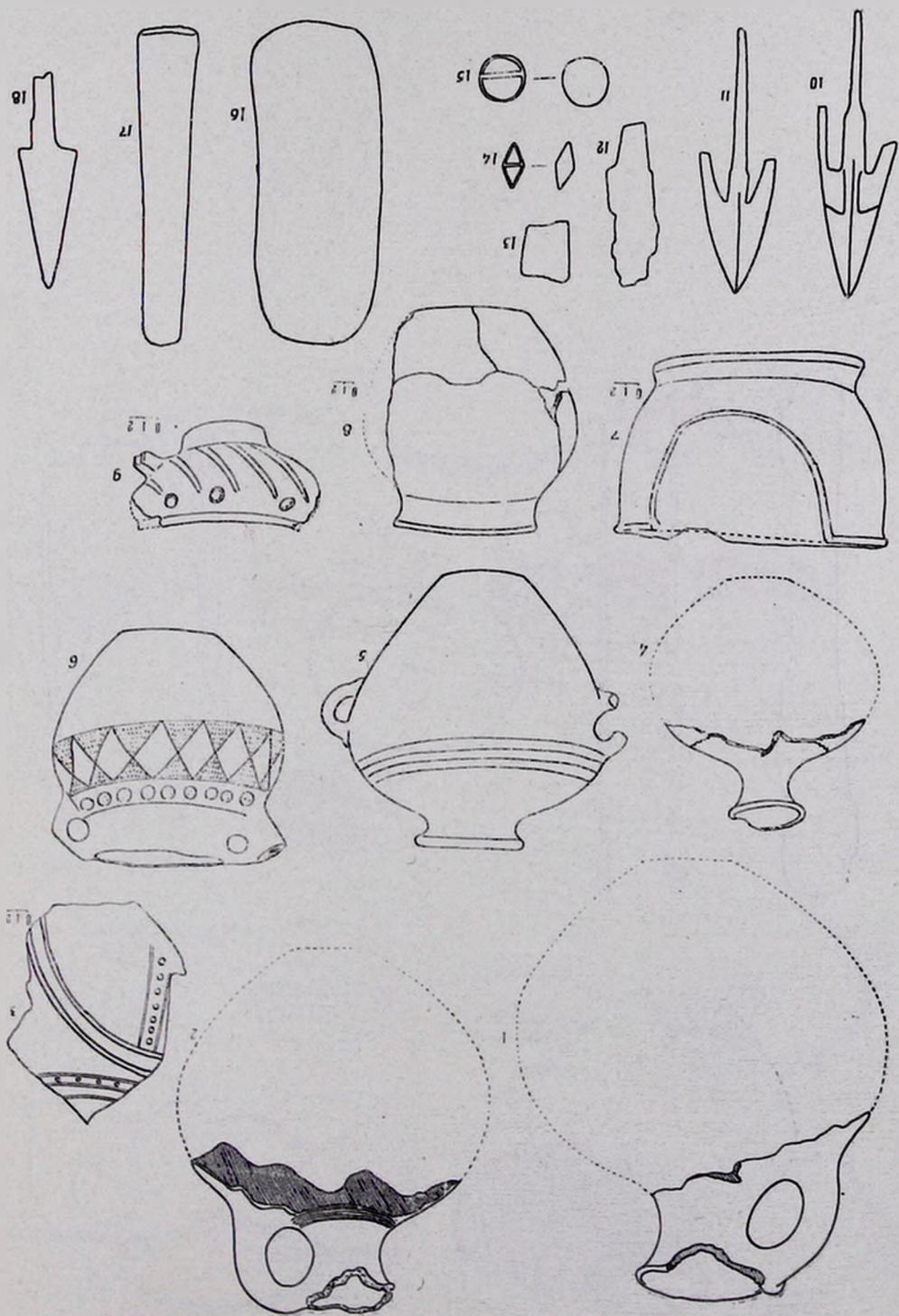

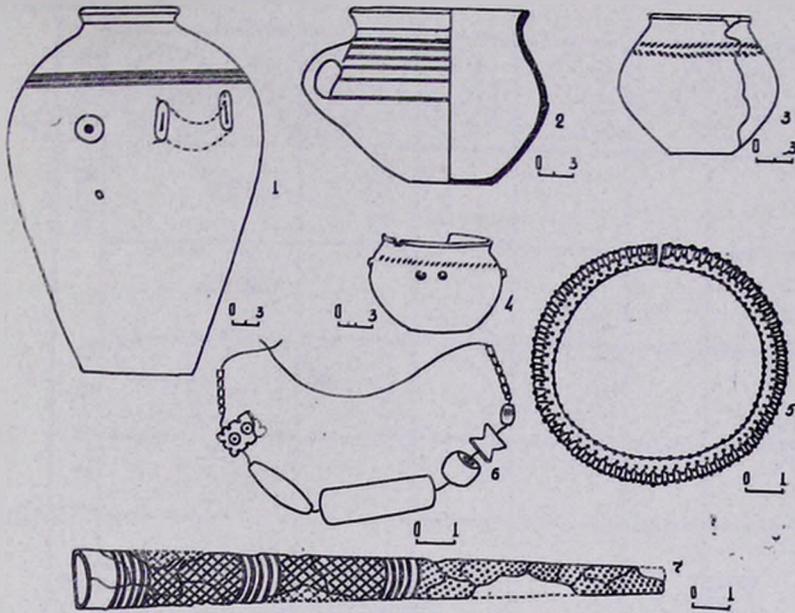

ТАБЛИЦА 71

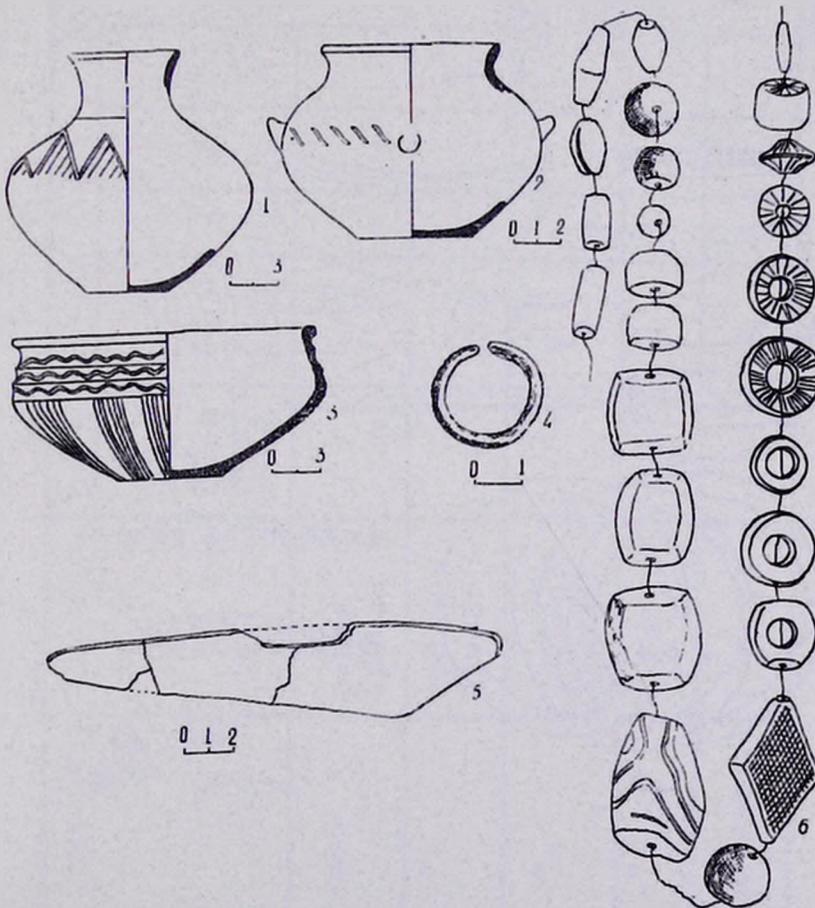

ТАБЛИЦА 72

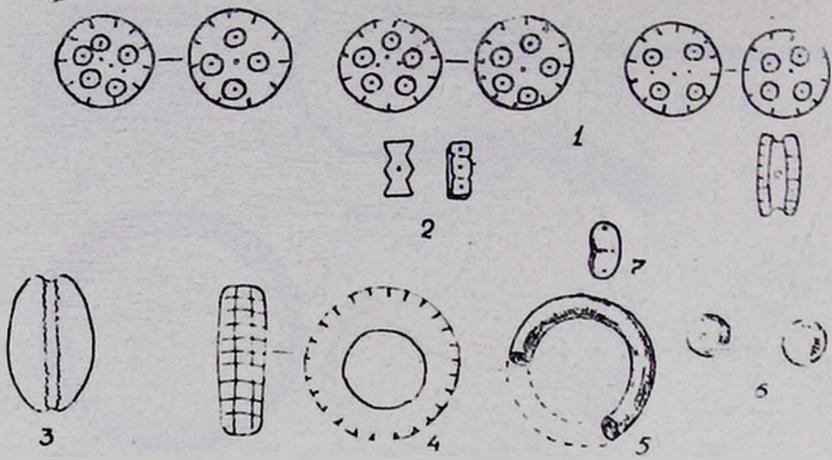
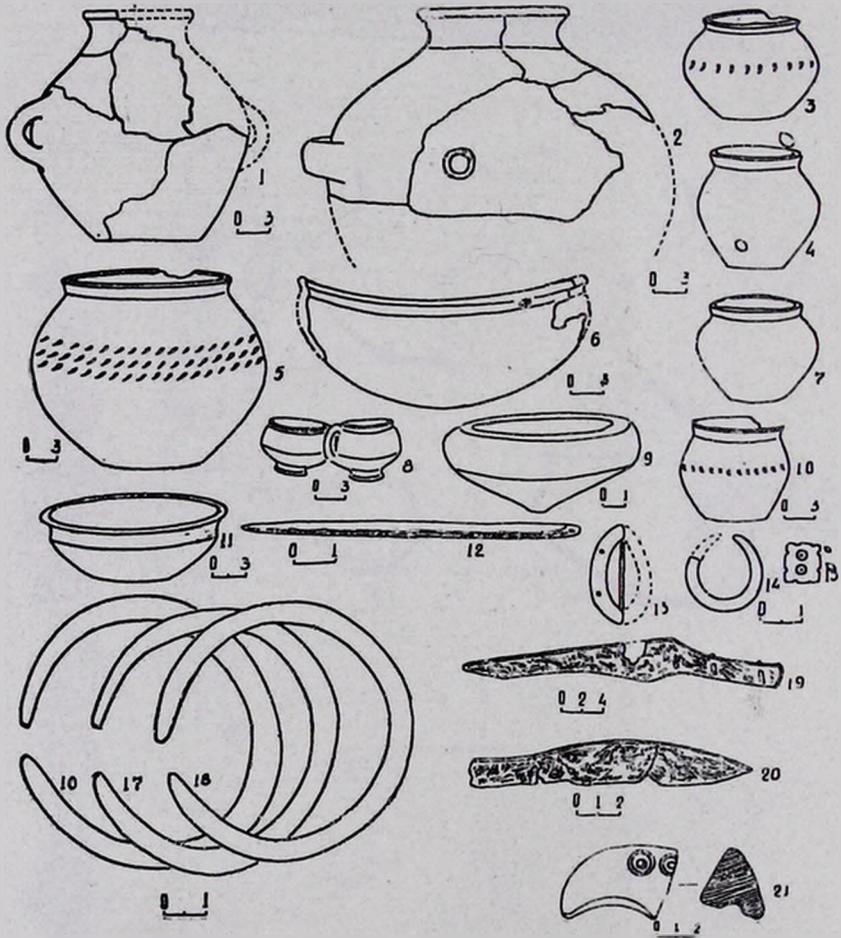

ТАБЛИЦА 73

Памятник	Эпоха	Количество животных												
		Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь	Осел	Собака	Олень	Джейран	Зяец	Косуля	Лиса	Волк	Перевозна	Птица
Кети	ранняя бронза	2	1	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-	1
-"-	средняя бронза	4	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-"-	поздняя бронза	-	-	-	-	1	1	-	1	1	-	-	-	-
-"-	I тыс.	10	3	3	1	1	5	2	1	1	1	1	1	1
Воскевск	I тыс.	6	4	6	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИБЛИЖЕННОГО КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Цифр лабо- рати	Наименование памятника	Наименова- ние пред- мета	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au	№ таблицы
329	Денникакан мя- сокомбинат	вислообуш- ный топор	основа	-	-	-	-	0,001	0,03	1,65	0,02	0,002	0,008	-	-	-
338	Амасия	кинжал	-"	6,2	0,017	0,014	0,04	0,015	0,01	0,8	0,12	0,3	0,05	0,01	0,001	-
345	Воскеаск	долота	-"	5,8	0,3	0,02	0,005	0,08	0,03	1,75	0,035	0,002	0,014	-	0,003 0,01	64
346	Воскеаск	удила	-"	11,0	0,65	0,02	0,05	0,03	0,08	5,2	0,13	0,016	0,013	0,012	0,001	60
348	Кети	серп	-"	0,04	0,1	0,01	0,03	0,03	0,7	2,8	0,035	0,016	0,01	0,01	-	55
349	Воскеаск	пронизка	-"	2,1	0,45	0,05	0,01	0,09	0,03	0,3	0,01	0,001	-	0,01	-	64
350	Воскеаск	пронизка	-"	16,4	0,3	0,035	0,01	0,09	2,0	2,8	0,05	0,045	0,011	0,01	0,001 0,003	64
351	Кети	браслет	-"	0,04	0,4	0,022	0,03	0,015	0,03	1,9	0,05	0,005	0,012	0,01	-	65
352	Кети	браслет	-"	14,0	0,4	0,11	0,04	0,03	0,05	0,7	0,05	0,025	0,012	0,01	0,001 0,003	68
353	Кети	браслет	-"	9,2	0,25	0,05	0,03	0,09	0,08	1,5	0,04	0,012	0,014	0,01	0,001 0,003	68
354	Кети	браслет	-"	1,7	7,3	0,035	0,04	0,04	0,23	2,0	0,05	0,012	0,014	0,01	0,001 0,003	68
347	Кети	кинжал	-"	5,8	0,05	0,02	-	0,003	0,1	1,5	0,02	0,016	0,015	-	0,001 0,003	43

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Мотыги из поселений близ с. Кети.
2. Орудия и оружие из поселений близ с. Кети.
3. Зернотерка и ступы из поселений близ с. Кети.
4. Орудия труда из поселений близ с. Кети.
5. Орудия труда из поселений близ с. Кети.
6. Оружие из поселений близ с. Кети.
7. Фрагменты оружия из поселений близ с. Кети.
8. Топор (рис. 1) и молоток (рис. 2) из поселений близ с. Кети.
9. Нуклеусы из поселений близ с. Кети.
10. Орудия труда из поселений близ с. Кети.
11. Отщепы из поселений близ с. Кети.
12. Фрагменты карасов из поселений близ с. Кети.
13. Керамические сосуды из поселения Сгнахнер.
14. Керамические изделия из циклопической крепости Кети.
15. Орудия и оружие из циклопической крепости Кети.
16. Зернотерки и ступы из циклопической крепости Кети.
17. Орудия труда из циклопической крепости Кети.
18. Костяное оружие и орудия труда из циклопической крепости Кети.
19. Керамика из циклопической крепости Кети.
20. Горшки из циклопической крепости Кети.
21. Керамика из шурфа № 1 циклопической крепости Кети.
22. Керамика из шурфа № 2 циклопической крепости Кети.
23. Керамика из шурфа № 3 циклопической крепости Кети.
24. Керамика из шурфа № 4 циклопической крепости Кети.
25. Конструкции погребений III тыс. до н. э.
26. Инвентарь погребения № 1.
27. Инвентарь погребения № 2.
28. Инвентарь погребения № 3.
29. Инвентарь погребения № 4.
30. Инвентарь погребения № 5.
31. Инвентарь погребения № 6.
32. Инвентарь погребения № 7.
33. Инвентарь погребения № 8.
34. Инвентарь погребения № 9.
35. Конструкции погребений эпохи средней бронзы.
36. Инвентарь погребения № 10.
37. Инвентарь погребения № 11.
38. Инвентарь погребения № 12.
39. Инвентарь погребения № 13.
40. Инвентарь погребения № 14 (рис. 8); № 15 (рис. 1—4); № 16 (рис. 5—7).
41. Инвентарь погребения № 17.
42. Инвентарь погребения № 18.

43. Инвентарь погребения № 19.
44. Инвентарь погребения № 20.
45. Конструкции погребений эпохи поздней бронзы
46. Инвентарь погребения № 21.
47. Инвентарь погребения № 22.
48. Инвентарь погребения № 23.
49. Инвентарь погребения № 24.
50. Инвентарь погребения № 25.
51. Инвентарь погребения № 26.
52. Инвентарь погребения № 27.
53. Инвентарь погребения № 28.
54. Инвентарь погребения № 29.
55. Инвентарь погребения № 30.
56. Инвентарь погребений № 31 (рис. 4—6); № 40 (рис. 1—3).
57. Инвентарь погребения № 32.
58. Инвентарь погребений № 33 (рис. 4—6); № 35 (рис. 1—3).
59. Инвентарь погребения № 34.
60. Инвентарь погребения № 36.
61. Инвентарь погребения № 37.
62. Инвентарь погребения № 38.
63. Конструкции погребений эпохи раннего и широкого освоения железа.
64. Инвентарь погребения № 39.
65. Инвентарь погребения № 2 близ с. Воскеаск.
66. Инвентарь погребения № 4 близ с. Воскеаск.
67. Инвентарь погребения № 5 близ с. Воскеаск.
68. Инвентарь погребения № 6 близ с. Воскеаск.
69. Инвентарь погребения № 7 близ с. Воскеаск.
70. Инвентарь погребения № 41 близ с. Кети.
71. Инвентарь погребения № 42 близ с. Кети.
72. Инвентарь погребения № 43 близ с. Кети.
73. Инвентарь погребений № 44 (рис. 1, 2, 5, 6, 8, 9, 11, 13, 20); № 45 (рис. 3, 4, 7, 10, 12, 14—19, 21).
74. Анализ остеологического материала.
75. Результаты приблизительного спектрального анализа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
<i>Глава I. Поселения и циклопическая крепость</i>	11
<i>Глава II. Некрополи и погребения</i>	37
Погребения эпохи ранней бронзы	37
Погребения эпохи средней бронзы	46
Погребения эпохи поздней бронзы	55
Погребения эпохи раннего железа	61
Воскевск	69
Погребения времени широкого распространения железа	77
<i>Глава III. Хозяйство и ремесла</i>	84
Заключение	104
Список использованной литературы	107
Список сокращений	120
Список таблиц	122

ЛЕВОН АГАСИЕВИЧ ПЕТРОСЯН
РАСКОПКИ ПАМЯТНИКОВ КЕТИ И ВОСКЕАСКА
(III—I ТЫС. ДО Н. Э.)

Редакторы издательства *В. В. Амирханян, Л. С. Азатян*
Художник *Э. С. Акопян*
Тех. редактор *Л. К. Арутюнян*
Корректор *Э. Е. Аракелян*

ИБ № 1464

Сдано в набор 29.06.1988 г. Подписано к печати 16.01.1989 г. ВФ 03825
Формат 70×100¹/₁₆. Бумага № 2. Шрифт «литературный», высокая печать.
Печ. л. 7,5+3,75 л. табл. Усл. печ. л. 14,62. Учетно-изд. л. 12,33.
Тираж 1000. Зак. № 919. Изд. № 7416. Цена 2 р. 25 к.

Издательство АН АрмССР, 375019, Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24 г.
Типография Издательства АН АрмССР, 378310, г. Эчмиадзин.

ԳԱՆ ՀԻՃՆԱՐԱՐ ԳԻՒՆ ԳՐԱԴ.

120602404